

ISSN 2588-0012
DOI: 10.17277/issn.2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

Т. 6, № 1. 2022

Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный технический университет»;

общество с ограниченной ответственностью
«Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Главный редактор

кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора

кандидат юридических наук **Е. В. Судоргина**

Ответственный секретарь

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Средство массовой информации журнал «Право: история и современность»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Регистрационный номер СМИ
ПИ № ФС77-76901 от 11.10.2019

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, пом. 2
тел. (4752) 63 10 19; e-mail: tstu@admin.tstu.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, пом. 2
тел.: (4752) 63 03 84; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписку на печатную версию журнала можно оформить
по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс – 85741

Подписано в печать 28.03.2022. Дата выхода в свет 04.04.2022.
Формат журнала 70×108/16. Усл. п. л. 11,20. Уч.-изд. л. 9,90.
Цена свободная. Тираж 100 экз. Заказ 008.

Макет подготовлен в редакции научных журналов Издательского центра ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 03 91,
e-mail: vestnik.tgtu@tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Мичуринская, д. 112А, тел. (4752) 63 07 46

ISSN 2588-0012

Знак информационной продукции 16+

© ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2022
© ООО «ЮЦ «ФОРУМ», 2022

СОВЕТ РЕДАКТОРОВ

Аль Махмед Гани Зтайер Атея	д-р юрид. наук	Колледж имама Кадхима (Ирак), декан	<i>e-mail: Ganiatia@inbox.ru</i>
Андряшко Марина Васильевна	канд. юрид. наук, доцент	Барановичский государственный университет (Республика Беларусь), заведующий кафедрой общеправовых дисциплин и государственного управления	<i>e-mail: andryashkomv@mail.ru</i>
Аубакирова Индира Ураловна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая Школа Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М. С. Нарикбаева	<i>e-mail: indastana@gmail.com</i>
Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»	<i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»	<i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»	<i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Глушков Александр Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования	<i>e-mail: profglushkov@mail.ru</i>
Гришина Яна Сергеевна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», профессор кафедры гражданского права	<i>e-mail: grishinel@inbox.ru</i>
Грудцына Людмила Юрьевна	д-р юрид. наук, профессор	Московская городская Коллегия адвокатов «Московская гильдия адвокатов и юристов», заместитель председателя Президиума	<i>e-mail: ludmilagr@mail.ru</i>
Гутников Олег Валентинович	д-р юрид. наук	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», главный научный сотрудник, и.о. заведующего отделом гражданского законодательства и процесса	<i>e-mail: oleg_gutnikov@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»	<i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»	<i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Зиядова Дурея Зиядиновна	д-р юрид. наук, профессор	ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», профессор	<i>e-mail: Zijadova@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующая кафедрой «Международное право»	<i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>

Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Криминология» <i>e-mail: stanislav.kirillov.1955@mail.ru</i>
Крылов Константин Давыдович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», главный научный сотрудник сектора процессуального права <i>e-mail: kodakr@list.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Международное право» <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Липчанская Мария Александровна	д-р юрид. наук, профессор	Высшая школа правоведения Института государственной службы и управления «РАНХиГС при Президенте РФ», профессор <i>e-mail: Lipchan_maria@mail.ru</i>
Манова Нина Сергеевна	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», заведующий кафедрой уголовного процесса <i>e-mail: n.manova@mail.ru</i>
Мельников Николай Николаевич	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева», заведующий кафедрой гражданского права и процесса <i>e-mail: rurcredit@yandex.ru</i>
Мунам Замиль Саям	канд. экон. наук, профессор	Васитский университет, г. Эль-Кут (Ирак), профессор факультета экономики и управления <i>e-mail: S_samer@mail.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», директор Юридического института <i>e-mail: elenaorlova@yandex.ru</i>
Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации», кафедра криминологии факультета подготовки криминалистов <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», профессор кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», ведущий научный сотрудник <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», доцент кафедры «Конституционное и административное право» <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ильин Н. С., Борисова Н. Е. К вопросу о делиберативной демократии	7
Петров А. Я. Профессиональное обучение рабочих и профессиональное образование учащихся в ПТУ (80-е гг. XX столетия): правовые аспекты	13
Тогузаева Е. Н. Пропаганда как общенаучная категория	24
Шавеко Н. А. Общественное мнение и справедливость	35

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бельский А. И., Якимова В. И. Причины международного терроризма как государственно-правовая проблема	46
Упоров А. Г. Характеристика разграничения хулиганства в уголовном и административном праве	52

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Курсаев А. В. Мошенничество с обманом в цене	61
Тарасенко В. В. Об уголовной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельного QR-кода о вакцинации против COVID-19: вопросы законодательной техники	75

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Калинина И. А. Гражданско-правовой анализ права на снижение оплаты за жилищные услуги по договору	83
Канаева Ю. А. К вопросу о правовой природе норм, составляющих правовую основу реализации права на жилище сотрудников ОВД	98

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Кутякин С. А., Теткин Д. В. Научно-практический анализ исследования мнения сотрудников уголовно-исполнительной системы России по проблеме неформальных авторитетов в местах лишения свободы	103
Мамонтова Э. А. Проблемные вопросы государственного управления внешней миграцией в России в период пандемии	111
Ментюкова М. А., Пустовалова О. С. Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности	119

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW

- Il'in N. S., Borisova N. E.** On the Issue of the Deliberative Democracy..... 7
- Petrov A. Ya.** Vocational Training of Workers and Vocational Education of Students in Vocational Schools (1980s): Legal Aspects..... 13
- Toguzueva E. N.** Propaganda as a General Scientific Category 24
- Shaveko N. A.** Public Opinion and Justice 35

PUBLIC LAW

- Belsky A. I., Yakimova V. I.** The Causes of International Terrorism as a State-Legal Problem 46
- Uporov A. G.** Characterization of the Distinction between Hooliganism in Criminal and Administrative Law..... 52

CRIMINAL LAW

- Kursaev A. V.** Price Fraud 61
- Tarasenko V. V.** On Criminal Liability for Forgery, Manufacture or Circulation of a Fake QR Code on Vaccination against COVID-19: Issues of Legislative Technique 75

PRIVATE LAW

- Kalinina I. A.** Empathy and Morality in Law in the Context of Knowledge about Mirror Neurons..... 83
- Kanaeva Yu. A.** On Legal Nature of the Norms Forming the Legal Basis for the Exercise of Right to Housing of Police Officers..... 98

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

- Kutyakin S. A., Tetkin D. V.** A Scientific-Practical Analysis of the Study of Penal System Employees' Opinion in Russia on the Problem of Criminal Leaders in Custody..... 103
- Mamontova E. A.** Problematic Issues of State Management of External Migration in Russia During the Pandemic 111
- Mentyukova M. A., Pustovalova O. S.** Modern Drug Situation as a Criminogenic Factor of Crime Growth 119

Обоснована актуальность развития демократических процедур, которые должны отвечать потребностям общества. Ситуация, когда органы власти не заинтересованы в привлечении граждан к участию в управлении делами государства, отдавая им только полномочия по их формированию, приводит к авторитарному стилю управления, что негативно сказывается на политическом климате в государстве. Рассмотрена делиберативная форма демократии как способ решения проблемы отстраненности общества от принятия политических решений. В рамках исследования определены особенности делиберативной демократии и сделаны выводы о ее плюсах и минусах в современных реалиях.

Ключевые слова: демократия; делиберативная демократия; демократические процедуры; политическое участие; демократические модели; народовластие.

Николай Сергеевич Ильин, преподаватель,
ГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия;
ilinn@mgpu.ru

Наталья Евгеньевна Борисова, д-р юрид. наук, профессор,
кафедра государственно-правовых дисциплин, ГАОУ ВО города Москвы
«Московский городской педагогический университет», Москва, Россия;
borisovane@mgpu.ru

К ВОПРОСУ О ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Введение

Современное гражданское общество характеризуется особым вниманием к вопросам формирования органов власти, а также к проблемам принятия публичных решений. Политически активные слои населения стараются следить за легальностью и легитимностью властеотношений. Если с законным обоснованием таких правоотношений не возникает принципиальных проблем ввиду развитости законодательства, то воплощение интересов народных масс в результате определенной политической деятельности часто ставится под сомнение и служит поводом к выражению недовольства электората, что можно связать с различными причинами как правового, так и политического характера. Тем не менее правительства развитых демократий стремятся найти различные способы снизить социальную напряженность и повысить доверие населения к политическим процедурам. Одним из таких способов является установление делиберативных форм принятия политических решений.

Делиберативная (совещательная) демократия представляет собой политико-правовое течение, согласно которому для принятия политически

важного решения необходимо привлечь общественность, представители различных течений которой посредством внесения предложений принимают наилучшее для всех решение.

Делиберативная модель демократии возникла впервые в идеях философов XX века Ю. Хабермаса и Дж. Ролза.

По мнению Дж. Ролза, человеческий разум является мерилем границ политических интересов общества. Он полагал, что политическое устройство общества, его структура, а также уровень справедливости и гражданского равноправия обеспечиваются посредством индивидуального ограничения субъектами личных интересов. Соблюдение этого условия должно помочь обеспечить свободный доступ граждан к политическому участию в будущем.

Ю. Хабермас считал, что установление справедливых демократических процедур, а также формирование тесных связей между субъектами политики помогут заинтересованным гражданам и чиновникам найти консенсус, необходимый для принятия решения. Урегулированные совещательные процедуры, согласно Ю. Хабермасу, должны способствовать законности результата обсуждения [2].

Обсуждение

Вышеназванные позиции исследователей представляются интересными для их реализации в современном обществе. Последние несколько лет мы наблюдаем увеличение политической активности населения, особенно среди представителей молодежи и среднего класса. Можно предположить, что это связано с формированием нового менталитета, характеризующим признаком которого являются как политическая ответственность за будущее, так и переоценка собственного места в политической системе.

Как подчеркивают Дж. Ролз и Ю. Хабермас, при определенных условиях политические субъекты, ограничивая собственные интересы и зная правила взаимодействия, могут договориться о принятии любого публичного решения. При этом эти субъекты могут быть как экспертами, так и обывателями. Это обеспечивает разностороннее изучение проблемы, а также максимум мнений, которые могут быть положены в основу окончательного решения [2]. Таким образом, можно говорить о возможности прямого участия максимально разнообразных представителей социальных, политических, культурных и даже этнических групп. Однако следует полагать, что такая ситуация возможна лишь в достаточно высокоорганизованных обществах, представители которых обладают высоким уровнем правосознания и политической культуры. Конечно, придание социуму таких качеств возможно только в правовом государстве.

Для лучшего понимания делиберативной демократии следует рассмотреть ее внутреннюю составляющую. Совещание (или обсуждение) различных вопросов, представляющих предмет публичного интереса, является центральной идеей и важным процессом делиберативной модели. Примечательно то, что в делиберативной демократии большое внимание уделяется не самому результату решения, а качеству его принятия. В ходе дискуссии участники должны обмениваться идеями, аргументами, претензиями, которые, по их мнению, должны послужить некоторой всеобщей благой цели, связанной с предметом дискуссии. В рамках обсуждения по-

литические субъекты должны прийти к выводу о том, какое итоговое решение необходимо сформулировать, чтобы достичь цели. При этом само обсуждение необходимо рассматривать как важное условие придания легитимности принятым решениям.

Совещательная демократия предполагает, что выработка решения достигается не на основе предпочтений отдельных конкурирующих фокус-групп граждан, а на основе конкурирования различных аргументированных точек зрения. Таким образом, публичные решения должны формироваться не на основании совокупности личных предпочтений, а посредством обсуждения каждого предложения.

В делиберативной модели политическая власть не играет роли при выработке решения, поскольку вся ответственность за конечный результат лежит исключительно на участниках дискуссии [1]. Делиберативная демократия не настраивает участников на политическую конкуренцию, она предлагает субъектам обмениваться информацией, представлять (находить) аргументы в пользу той или иной позиции – все это должно быть использовано для достижения общественного блага. Считается, что участники обсуждения должны быть заинтересованы в выборе лучшего и правильного предложения по проблеме вне зависимости от их личных мотивов и предпочтений.

Можно говорить об утопичности делиберативной теории, но она представляется достаточно актуальной в современных реалиях, когда вся видимая политическая власть принадлежит лишь некоторым политическим группам, а граждане и их объединения фактически отстранены от участия в управлении государственными делами и их основная цель заключается лишь в формировании представительных органов власти. Делиберативная модель демократии может перевернуть наше представление об организации представительной демократии в целом.

Идеологи делиберативной теории полагают, что в современных демократических процессах важно такое качество, как публичность [3]. Это означает, что информация о проблемах должна быть открытой, а их обсуждение должно привлекать общественность. Все демократические процессы должны быть подконтрольны обществу. В делиберативной модели важно обеспечить гражданам не только свободный доступ к информации, но также и предоставить им возможность принимать решения благодаря различным формам обсуждения и мозгового штурма, исключая политическое влияние извне. Можно предположить, что отсутствие такого влияния должно приводить к принятию справедливых и разумных решений, которые также могут пересматриваться при появлении новых данных, однако, это возможно лишь при наличии публичных причин, побуждающих граждан к дискуссии.

Представители делиберативного течения полагают, что сам процесс совещания не может решить проблему разделения мнений, и все равно будет та сторона, которая полностью не сможет принять выработанное решение [5, с. 271 – 275]. Однако это не рассматривается как недостаток, поскольку высказывание различных взглядов по проблеме с их последующим обсуждением и есть суть демократии. Нельзя не согласиться с этим, так как плюрализм мнений должен способствовать политической толерантности и сотрудничеству при выработке решения.

Делиберативная демократия предполагает, что участники процедуры обсуждения должны иметь налаженный канал коммуникации для обмена мнениями, а также они должны следовать общепринятым правилам аргументации своей позиции. В связи с этим предполагается, что участники дискуссии должны вносить предложения, а также участвовать в дебатах только теми способами, которые делают такие действия содержательными и понятными для всех. Участие максимально возможного числа граждан в принятии публичных решений должно приводить к справедливым для всех результатам. При этом не является важным конкретный вклад участника совещания в общий «вес» итогового решения, главное, чтобы его мнение было услышано и учтено в дебатах.

Такое мнение представляется интересным, так как в дебатах могут столкнуться граждане с совершенно разным опытом и мировоззрением. Они должны найти способы аргументации своих идей, чтобы добиться их признания в качестве варианта решения проблемы. Равный доступ к демократическим процессам обеспечивает справедливость принятых решений.

В современных реалиях представляется актуальной модель цифровой делиберативной демократии. Развитие Интернета, в частности, социальных сетей, навязывает обществу и государству новую модель принятия политических решений посредством использования электронных приложений и цифровых площадок. Использование современных средств коммуникации может наладить процессы обсуждения и принятия решений, а также привлечь большее число участников.

Хотя делиберативная демократия имеет ряд преимуществ, следует отметить ее недостатки.

Считается, что в менее организованных обществах следование определенной модели коммуникаций и обмена мнениями может отпугнуть или даже отстранить отдельные социальные или политические группы, которые не согласны с такими способами общения [1]. Это безоговорочно приводит к снижению легитимности и справедливости итогового решения.

Также нельзя исключать фактор менталитета общества, который складывается под влиянием культурных и исторических традиций. Их устойчивый характер может оказывать внешнее влияние на процедуры делиберативной демократии, а это, по мнению приверженцев теории, является недопустимым, как и навязывание авторитета при обсуждении. Дебаты должны проводиться на основе сотрудничества граждан по выработке решения, а не на основе неразумной конкуренции.

Социальные условия, такие как существующее неравенство, политический и культурный плюрализм, социальная напряженность, растущий масштаб политических проблем и непрактичность участников обсуждений, также являются причинами, по которым некоторые исследователи скептически относятся к жизнеспособности совещательной формы демократии.

Заключение

Анализируя опыт делиберативных моделей разных государств, следует отметить, что не все эти проблемы проявляются повсеместно. Во многом это зависит от общественного договора и заинтересованности госу-

дарства в установлении такой процедуры, а также всеобщего следования основным постулатам совещательной теории [5, 6].

Подводя итоги, стоит отметить актуальность делиберативной идеи. Она заставляет переосмыслить ряд проблем современных демократий, сложившихся на основе идей столетней давности. Делиберативная модель бросает вызов гегемонии властных кругов в государстве, предоставляя гражданам возможность участвовать в обсуждении проблем и выработке решений. Делиберативная модель является достаточно гибкой формой реализации народовластия, для которой можно разработать современные цифровые инструменты, обеспечивающие участие широкого круга граждан. Делиберативная демократия может существовать лишь в тех государствах, где правительство желает наладить диалог с обществом и не стремится давить на него административным ресурсом, а общество должно обладать развитым правосознанием. Тем не менее нельзя рассматривать делиберативные демократические процедуры в качестве оптимального решения проблем народного участия в управлении государством, поскольку существуют серьезные препятствия, связанные с ее организацией.

Список литературы

1. **Баранов Н. А.** Делиберативная политика в условиях кризиса представительной демократии [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deliberativnaya-politika-v-usloviyah-krizisa-predstavitelnoy-demokratii> (дата обращения: 21.11.2021).
2. **Линде А. Н.** Происхождение концепции делиберативной демократии и ее глубинный философский смысл [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 11 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proishozhdenie-kontseptsii-deliberativnoy-demokratii-i-ee-glubinnyy-filosofskiy-smysl> (дата обращения: 21.11.2021).
3. **Павлова Т. В.** Делиберация как фактор конституирования поля современной политики [Электронный ресурс] // Политическая наука. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deliberatsiya-kak-faktor-konstituirovaniya-polya-sovremennoy-politiki> (дата обращения: 22.11.2021).
4. **Посконин В. В., Посконина О. В.** Значимость понятия «Дискурс» в модели делиберативной демократии [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-ponyatiya-diskurs-v-modeli-deliberativnoy-demokratii> (дата обращения: 19.12.2021).
5. **Pettit Ph.** Deliberative Democracy and the Discursive Dilemma // Social, Political and Legal Philosophy. Philosophical Issues, 11. 2001. P. 268 – 299.
6. **Simon J., Bass T., Boelman V. and Mulgan G.** Digital Democracy. The tools transforming political engagement. Nesta Publ. 2017. 99 p.

References

1. **Baranov N.A.** [Deliberative politics in a crisis of representative democracy], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relationships], 2014, no. 4. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/deliberativnaya-politika-v-usloviyah-krizisa-predstavitelnoy-demokratii> (accessed 21 November 2021).

2. **Linde A.N.** [The origin of the concept of deliberative democracy and its deep philosophical meaning], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2021, no. 11(100). available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/proi-shozhdenie-kontseptsii-deliberativnoy-demokratii-i-ee-glubinnyy-filosofskiy-smysl> (accessed 21 November 2021).

3. **Pavlova T.V.** [Deliberation as a factor in the constitution of the field of modern politics], *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2018, no. 2. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/deliberatsiya-kak-faktor-konstituirovaniya-polya-sovremennoy-politiki> (accessed 21 November 2021).

4. **Poskonin V.V., Poskonina O.V.** [Significance of the concept of "Discourse" in the model of deliberative democracy], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"], 2007, no. 2. available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachimost-ponyatiya-diskurs-v-modeli-deliberativnoy-demokratii> (accessed 19 December 2021).

5. **Pettit Ph.** Deliberative Democracy and the Discursive Dilemma, *Social, Political and Legal Philosophy. Philosophical Issues*, 2001, 11, pp. 268-299.

6. **Simon J., Bass T., Boelman V. and Mulgan G.** Digital Democracy. The tools transforming political engagement. Nesta Publ., 2017. 99 p.

On the Issue of the Deliberative Democracy

N. S. Il'in, Lecturer, Institute of Law and Management
of the Moscow City University, Moscow, Russia;
ilinn@mgpu.ru

N. E. Borisova, D. Sci. (Law), Professor,
Department of State and Legal Disciplines, Institute of Law and Management,
Moscow City University, Moscow, Russia;
borisovane@mgpu.ru

Modern democratic procedures do not meet the needs of society. The authorities are not interested in attracting citizens to participate in the management of state affairs, preferring to give them only the authority to form them. The indifference of citizens leads to an authoritarian style of government, which negatively affects the political climate in the state. A number of political scientists and philosophers believe that the problem of society's detachment from making political decisions can be solved by a deliberative form of democracy, in which citizens are given maximum freedom to discuss and make political decisions. The study identifies the features of deliberative democracy and draws conclusions about its pros and cons in modern realities.

Keywords: democracy; deliberative democracy; democratic procedures; political participation; democratic models; democracy.

© Н. С. Ильин, 2022

© Н. Е. Борисова, 2022

Статья поступила в редакцию 28.02.2022

При цитировании использовать:

Ильин Н. С., Борисова Н. Е. К вопросу о делиберативной демократии // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 07 – 12. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.007-012

Статья является второй частью серии, посвященной актуальным правовым вопросам развития системы обучения рабочих и профессионального образования в ПТУ в Советской Союзе. Проведено исследование правовых основ профессионального образования в 1980-е гг. Автор характеризует нормативные основы и организацию профессионального обучения в связи с их изменениями, отраженными в типовых, рамочных документах.

Ключевые слова: профессиональное образование; профессиональное обучение на производстве; повышение квалификации; профессионально-техническое образование; среднее специальное образование; высшее образование; льготы работникам, совмещающим работу с обучением.

Алексей Яковлевич Петров, д-р юрид. наук, профессор,
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
alexey.petrov@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ РАБОЧИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УЧАЩИХСЯ В ПТУ (80-е гг. XX СТОЛЕТИЯ): ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В 1980-е гг. в стране уделялось пристальное внимание профессиональному обучению на производстве. Согласно Типовому положению о профессиональном обучении рабочих и служащих на производстве¹ (далее – Типовое положение о профобучении), курс на повышение эффективности производства и качества работы в условиях научно-технического прогресса обусловил важность непрерывного углубления и расширения знаний, роста мастерства рабочих. Для решения этой задачи требовалась *система профессионального обучения на производстве, которая включала бы соответствующие отраслевые системы* [2].

Отраслевая система профессионального обучения рабочих на производстве определялась как сеть учебно-производственных баз, учебно-методических и научных организаций, соответствующих подразделений министерств, ведомств, промышленных и производственных объединений, предприятий и организаций, планомерно осуществляющих профессиональное обучение рабочих.

Типовое положение о профобучении предусматривало следующие виды профессионального обучения рабочих на производстве:

- подготовку новых рабочих;

¹ Утв. Госкомтрудом СССР, Госпрофобром СССР и Секретариатом ВЦСПС 4 марта 1980 г. № 50/4/4-85; утратило силу. См.: Типовое положение о непрерывном профессиональном и экономическом обучении кадров народного хозяйства: утв. постановлением Госкомтруда СССР, Гособразования СССР, Секретариата ВЦСПС от 15 июня 1988 г. № 369/92-14-147/20/18-22. К сожалению, в данном нормативно-правовом акте сочетался термин «профессиональное обучение» с не совсем конкретными и вряд ли уместными терминами «подготовка» и «переподготовка».

- переподготовку и обучение рабочих вторым профессиям;
- повышение квалификации рабочих.

При этом предприятия:

- определяли потребность в подготовке и переподготовке рабочих по профессиям;

- разрабатывали в установленном порядке пятилетние и годовые планы по подготовке (переподготовке) квалифицированных рабочих на производстве и годовые планы по повышению квалификации рабочих, с выделением заданий по повышению квалификации женщин, и обеспечивали их выполнение;

- создавали отделы (бюро, секторы) технического обучения или выделяли работников, ответственных за выполнение функций по профессиональному обучению рабочих на производстве.

В производственных единицах, цехах и других подразделениях предприятия, где штатными расписаниями не были предусмотрены освобожденные работники по профессиональному обучению кадров на производстве, проведение этой работы могло возлагаться на других специалистов с высшим или средним специальным образованием (цеховых организаторов) с их согласия. Руководство профессиональным обучением рабочих на предприятиях возлагалось на главного инженера или другого работника, выполняющего аналогичные функции.

Подготовка новых рабочих на производстве, то есть профессиональное обучение лиц, ранее не имевших профессий, перечень которых утверждался Госпрофобром СССР в установленном порядке, проводилась по курсовой, групповой и индивидуальной формам обучения.

Сроки обучения при подготовке новых рабочих устанавливались до шести месяцев. Обучение новых рабочих по отдельным профессиям свыше шести месяцев могло проводиться только с разрешения Госпрофобра СССР. Учебные планы и программы предусматривали теоретическое и производственное обучение.

При курсовой и групповой подготовках теоретическое обучение рабочих осуществлялось в учебной группе численностью от 10 до 30 человек (в учебно-курсовых комбинатах (пунктах) и на организуемых министерствами, ведомствами постоянно действующих курсах – численностью 25–30 человек).

При курсовой подготовке производственное обучение рабочих осуществлялось в два этапа:

- 1) в учебной группе под руководством мастера производственного обучения на специально созданной для этого учебно-производственной базе предприятия или учебно-курсового комбината (пункта);

- 2) на рабочих местах предприятия в учебной группе под руководством мастера производственного обучения или индивидуально под руководством не освобожденного от основной работы квалифицированного рабочего – инструктора производственного обучения.

При групповой подготовке производственное обучение рабочих осуществлялось индивидуально на рабочих местах предприятия под руководством не освобожденного от основной работы квалифицированного рабочего – инструктора производственного обучения.

Теоретическое обучение рабочих могло проводиться также в вечерних (сменных) профессионально-технических училищах и вечерних (сменных) отделениях при дневных профессионально-технических училищах по договорам за счет средств предприятий, выделяемых на подготовку кадров, или в учебно-курсовых комбинатах (пунктах) [1].

При индивидуальной подготовке обучаемый изучал теоретический курс самостоятельно и путем консультаций у преподавателей теоретического обучения из числа руководящих, инженерно-технических работников и специалистов, а производственное обучение проходил индивидуально под руководством не освобожденного от основной работы квалифицированного рабочего-инструктора производственного обучения на рабочем месте.

Подготовка новых рабочих заканчивалась сдачей квалификационных экзаменов.

Теоретические занятия и производственное обучение при подготовке новых рабочих на производстве проводились в пределах рабочего времени, установленного законодательством о труде для работников соответствующих возрастов, профессий и производств.

Женщины-работчие, имеющие детей в возрасте до 8 лет, проходили переподготовку и повышение квалификации с отрывом от работы и сохранением на время обучения среднемесячной заработной платы [3].

Переподготовка и обучение рабочих вторым профессиям определялось как обучение рабочих, уже имеющих профессию, в целях получения новой. Переподготовка организовывалась для обучения рабочих, высвобождаемых на предприятиях в результате технического прогресса, роста производительности труда и других изменений, а также изъявивших желание сменить имеющуюся у них профессию с учетом потребности производства.

Обучение рабочих вторым профессиям организовывалось для расширения их профессионального профиля, подготовки к работе в условиях бригадной или другой коллективной формы организации труда, а также по совмещаемым профессиям.

Формы переподготовки и обучения рабочих вторым профессиям были аналогичны применяемым при подготовке новых рабочих. Обучение осуществлялось в предусмотренных законодательством случаях без отрыва или с отрывом от работы.

Переподготовка и обучение рабочих вторым профессиям заканчивались сдачей квалификационных экзаменов.

В соответствии с Типовым положением о профобучении повышение квалификации рабочих – это профессиональное обучение, направленное на последовательное совершенствование профессиональных знаний, навыков и умения по имеющейся профессии [3].

Организовывались следующие формы повышения квалификации рабочих на производстве:

- производственно-технические курсы;
- курсы целевого назначения;

- школы по изучению передовых приемов и методов труда;
- курсы бригадиров.

Производственно-технические курсы создавались для повышения квалификации, углубления и расширения знаний, навыков и умения рабочих по имеющейся у них профессии до уровня, соответствующего требованиям производства. Успешное окончание курсов, как правило, являлось необходимым условием для присвоения рабочим более высокого квалификационного разряда (класса, категории) и профессионального продвижения.

Продолжительность обучения устанавливалась до шести месяцев без отрыва и до трех месяцев с отрывом от работы. На теоретическое обучение (включая основы экономики труда и производства) отводилось от 130 до 180 учебных часов.

Обучение рабочих на производственно-технических курсах заканчивалось сдачей квалификационных экзаменов или зачетов.

Курсы целевого назначения создавались для изучения нового оборудования, изделий, материалов, технологических процессов, средств механизации и автоматизации, применяемых в производстве, правил и требований их безопасной эксплуатации, технической документации, научной организации труда, а также вопросов экономики производства и повышения качества выпускаемой продукции.

Продолжительность обучения на курсах целевого назначения с отрывом или без отрыва от работы устанавливалась не менее 20 учебных часов. Обучение на курсах заканчивалось итоговым занятием.

Школы по изучению передовых приемов и методов труда создавались в целях массового освоения рабочими приемов и методов труда передовиков и новаторов производства, добившихся значительного роста производительности труда, повышения качества продукции, экономии сырья и материалов, улучшения других технико-экономических показателей. Обучались в этих школах, как правило, рабочие одной профессии.

Обучение включало в себя практические занятия, проводимые передовиками и новаторами производства – руководителями школ, а также консультации, проводимые руководителями, инженерно-техническими работниками и специалистами. Продолжительность обучения устанавливалась от 30 до 100 учебных часов в зависимости от цели школы.

Обучение в отраслевых и всесоюзных школах по изучению передовых приемов и методов труда в необходимых случаях проводилось с отрывом от работы. Обучение в таких школах заканчивалось итоговым занятием.

Курсы бригадиров создавались в целях:

- планомерного формирования резерва бригадиров (звеньевых) производственных бригад;
- повышения уровня знаний бригадиров в области основ научной организации труда, производства и управления, законодательства о труде, руководства трудовыми коллективами, а также охраны труда и техники безопасности.

Обучение на курсах заканчивалось сдачей зачетов или защитой выпускных работ.

Окончившим курсы бригадиров выдавалось свидетельство по форме, установленной соответствующим министерством или ведомством.

Периодичность обучения рабочих на курсах повышения квалификации устанавливалось министерствами и ведомствами по согласованию с соответствующими комитетами профсоюзов с учетом требований, предъявляемых к квалификации рабочих в соответствующих отраслях народного хозяйства, но не реже одного раза в пять лет.

Росту квалификации рабочих способствовало их обучение без отрыва от производства в вечерних и заочных общеобразовательных школах, средних специальных и высших учебных заведениях, вечерних (сменных) профессионально-технических училищах, самостоятельная работа над повышением своего культурно-технического уровня, участие в движении рационализаторов и изобретателей, в научно-техническом творчестве.

Профессиональное обучение рабочих на производстве осуществляли инструкторы производственного обучения и преподаватели теоретического обучения из числа квалифицированных рабочих, руководящих, инженерно-технических работников и специалистов.

Инструкторы производственного обучения из числа квалифицированных рабочих должны были иметь стаж работы по профессии не менее трех лет, высокие производственные показатели, общее среднее или среднее специальное образование.

Преподаватели теоретического обучения из числа руководящих, инженерно-технических работников и специалистов должны были иметь высшее или среднее специальное образование и стаж работы по специальности не менее трех лет.

Инструкторы производственного обучения и преподаватели теоретического обучения должны были знать основы педагогики в объеме программы, утверждаемой Госпрофобром СССР.

Квалифицированные рабочие и специалисты, привлекаемые для производственного обучения группы рабочих в составе не менее 12 человек, могли быть освобождены администрацией предприятия от основной работы с сохранением за ними средней заработной платы.

Позитивными следовало бы признать и нормы Типового положения о профобучении о *планировании профессионального обучения рабочих*.

Руководствуясь ориентировочными показателями, предприятия разрабатывали проекты пятилетних планов по подготовке (переподготовке) квалифицированных рабочих на производстве (с распределением по годам).

Годовые задания и планы по повышению квалификации рабочих на производстве, с выделением заданий по повышению квалификации женщин, разрабатывались, в частности, предприятиями, исходя из необходимости формирования квалификационной структуры рабочих, соответствующей требованиям научно-технического прогресса и разделения труда, и в тесной связи с происходящими изменениями в технике, технологии, организации труда и производства [3].

Годовые планы подготовки (переподготовки) квалифицированных рабочих и повышения квалификации рабочих на производстве, с выделением заданий по повышению квалификации женщин, разрабатывались пред-

приятными на основе задания министерства, ведомства на данный год с необходимой конкретизацией указанного задания.

Годовые планы по профессиональному обучению рабочих на производстве являлись составной частью планов экономического и социального развития предприятий. Мероприятия по выполнению этих планов включались в коллективные договоры.

На основе Типового положения о профобучении министерства и ведомства разрабатывали и по согласованию с соответствующими комитетами профсоюзов утверждали отраслевые положения о профессиональном обучении рабочих на производстве.

Раздел IX Типового положения о профобучении назывался «Квалификационные экзамены», а по содержанию определял порядок создания квалификационных комиссий, а также прием зачетов и выпускных работ.

На основе Типового положения о профобучении и Положения о порядке аттестации и присвоения квалификации лицам, овладевающим профессиями рабочих в различных формах обучения, была принята Типовая инструкция об организации проведения квалификационных экзаменов при профессиональном обучении рабочих на производстве² (далее – Типовая инструкция об организации экзаменов).

Согласно Типовой инструкции об организации экзаменов, курсовая, групповая и индивидуальная формы подготовки новых рабочих, переподготовка и обучение рабочих вторым профессиям, повышение квалификации рабочих на производственно-технических курсах заканчиваются квалификационными экзаменами.

Квалификационные экзамены проводились в целях определения соответствия полученных экзаменуемыми знаний, умений и навыков программе обучения и требованиям квалификационной характеристики, и на этой основе устанавливались им квалификационные разряды, классы, категории по соответствующим профессиям. К квалификационным экзаменам допускались лица, успешно прошедшие полный курс теоретического и производственного обучения в процессе курсового, группового или индивидуального обучения.

Квалификационные экзамены проводились в конце установленного срока обучения рабочих на производстве, но не позднее 10 дней после окончания обучения.

Лицам, получившим профессиональную подготовку в учебно-курсовых комбинатах (пунктах), а также в процессе курсового, группового или индивидуального обучения на производстве, присваивались, как правило, начальный квалификационный разряд, класс, категория по профессиям.

Рабочим, окончившим производственно-технические курсы повышения квалификации, в зависимости от цели обучения квалификационными комиссиями присваивались очередные более высокие квалификационные разряды, классы, категории по профессиям (при наличии на данном предприятии работ соответствующего уровня квалификации).

² Утв. приказом Госпрофобра СССР от 24 сентября 1981 г. № 135. Этот приказ признан недействующим на территории РФ приказом Минобрнауки России от 29 ноября 2013 г. № 1296.

В случае отсутствия на предприятии работ соответствующего уровня квалификации рабочие, успешно закончившие обучение на производственно-технических курсах, сдавали зачеты и в дальнейшем пользовались преимуществом при повышении квалификационных разрядов, классов, категорий и продвижении по работе.

Если экзаменуемые владели несколькими профессиями, то квалификационные разряды, классы, категории повышались им только по тем профессиям, по которым они проходили обучение.

Квалификационные экзамены, независимо от форм профессионального обучения рабочих на производстве, заключались в выполнении экзаменуемыми квалификационных (пробных) работ и в проверке их знаний в пределах требований квалификационных характеристик и учебных программ.

На основе Типовой инструкции об организации экзаменов министерства и ведомства разрабатывали и утверждали, с учетом специфики профессионального обучения рабочих на подведомственных предприятиях, соответствующие отраслевые инструкции.

Для проведения квалификационных экзаменов создавались соответствующие квалификационные комиссии. В состав комиссии входили руководители и преподаватели специальных дисциплин учебно-курсового комбината (пункта), представители администраций и профсоюзных организаций предприятий, рабочие которых сдавали экзамены, представители местного органа профтехобразования и др.

Квалификационные (пробные) работы проводились в целях определения уровня освоения экзаменуемыми установленной технологии, передовых приемов и методов труда по соответствующей профессии, достижения требуемой производительности труда, выполнения норм времени (норм выработки), обеспечения выполнения технических условий производства работ и т.д.

Мастера производственного обучения учебно-курсовых комбинатов (пунктов), работники предприятий, выполняющие функции по профессиональному обучению рабочих, совместно с руководителями цехов намечали перечень квалификационных (пробных) работ, а также рабочие места для их выполнения.

Квалификационные (пробные) работы проводились в течение последних двух недель обучения рабочих.

Экзаменуемым, не выполнившим квалификационной (пробной) работы по не зависящим от них причинам (неисправность оборудования, некачественные сырье, заготовки и т. п.), пробная работа назначалась повторно.

На выполненную квалификационную (пробную) работу оформлялось заключение. По отдельным профессиям, связанным с обслуживанием агрегатов, производственных участков или других технологических процессов, по которым не могло быть установлено конкретное содержание пробной работы, квалификация экзаменуемых определялась квалификационной комиссией на основе непосредственной проверки членами комиссии подготовленности обучающихся к самостоятельной работе и производственных показателей, достигнутых ими в результате обучения.

В обязанности членов квалификационной комиссии входили проверка полученных экзаменуемыми в процессе обучения знаний, умений и навыков в объеме учебной программы и требований квалификационной харак-

теристики и присвоение им квалификационных разрядов, классов, категорий по профессиям.

Экзамен считался сданным при условии выполнения квалификационной (пробной) работы в полном соответствии с техническими условиями и при наличии у экзаменуемого теоретических знаний, предусмотренных тарифно-квалификационным справочником для данного уровня квалификации и профессии.

Присвоение квалификационного разряда рабочему, выполняющему функции по руководству бригадой, должно было проводиться на общих основаниях.

Квалификационный экзамен считался несданным:

- если во время выполнения квалификационной (пробной) работы, а также во время проверки знаний квалификационной комиссией установлено отсутствие у экзаменуемого знаний, требуемых квалификационной характеристикой;

- при невыполнении по вине рабочего норм выработки (времени), установленных на выполнение квалификационной (пробной) работы;

- в случае брака при выполнении квалификационной (пробной) работы по вине экзаменуемого;

- при незнании или нарушении экзаменуемым требований безопасности труда.

Лицам, не закончившим полного курса обучения в установленный срок или получившим неудовлетворительные итоговые оценки успеваемости по теоретическому или производственному обучению, могли быть установлены дополнительные сроки производственного обучения, организованы для них индивидуальные консультации по теоретическому обучению, а по истечении этих сроков решался вопрос о повторном допуске их к сдаче квалификационного экзамена.

Присвоенный комиссией разряд, класс, категория по профессии в установленном порядке заносился в трудовую книжку рабочего.

Вначале 1980-х гг. определяется правовой статус профессионально-технических училищ (ПТУ)³.

К ним относились:

- вечерние (сменные) профессионально-технические учебные заведения по подготовке, переподготовке и повышению квалификации рабочих, занятых на производстве;

- профессиональные школы по подготовке и переподготовке рабочих.

Профессионально-технические училища могли организовываться в установленном порядке по договорам с предприятиями, учреждениями и организациями [4].

Производственное обучение являлось основой профессиональной подготовки учащихся. Обучение непосредственно на рабочих местах осуществлялось в целях расширения, закрепления и совершенствования зна-

³ См.: постановление Совмина СССР от 11 апреля 1980 г. № 296 «Об утверждении Положения о профессионально-технических учебных заведениях СССР». Утратило силу в связи с изданием постановления Совмина СССР от 22 февраля 1985 г. № 177 «Об утверждении Положения о среднем профессионально-техническом училище».

ний и умений по изучаемой профессии, овладения современной техникой и передовыми методами труда.

Производственное обучение и производственная практика учащихся проводились, как правило, на тех предприятиях, в учреждениях и организациях и на тех рабочих местах, где учащиеся должны работать после окончания учебного заведения, под руководством мастеров производственного обучения учебного заведения в составе учебных групп, учебных бригад (звеньев), на самостоятельно обслуживаемых рабочих местах или в составе лучших производственных бригад.

Продолжительность рабочего дня учащихся в период производственного обучения в условиях производства и производственной практики должна была соответствовать времени, отведенному учебным планом, но не превышать продолжительности рабочего дня, установленной трудовым законодательством для соответствующих категорий работников.

В вечерних (сменных) ПТУ возможно было устанавливать другой учебный режим с учетом характера работы предприятий отдельных отраслей народного хозяйства.

Учащиеся профессионально-технических учебных заведений объединялись по профессиям в учебные группы по 25 – 30 человек. Производственное обучение профессиям, связанным с обслуживанием сложного оборудования, выполнением опасных или особо сложных работ, осуществлялось в группах по 12 – 15 человек.

Перечень этих профессий и работ определялся Госпрофобром СССР по согласованию с ВЦСПС, Госкомтрудом СССР и Минфином СССР.

Учащимся средних профессионально-технических училищ, сдавшим выпускные квалификационные экзамены, выдавался диплом о получении среднего образования и присвоении соответствующей квалификации (разряда, класса, категории) по профессии, а учащимся технических училищ – диплом о присвоении соответствующей квалификации (разряда, класса, категории) по профессии.

Учащимся других ПТУ, сдавшим выпускные квалификационные экзамены, выдавался аттестат о присвоении соответствующей квалификации (разряда, класса, категории) по профессии. Производственные разряды, классы, категории, присвоенные лицам, окончившим ПТУ, были обязательны для всех предприятий, учреждений и организаций.

Профессионально-технические учебные заведения специализировались на подготовке рабочих по отраслям народного хозяйства и проводили свою работу на базе соответствующих предприятий, учреждений и организаций.

Базовые предприятия, учреждения и организации создавали необходимые условия для подготовки квалифицированных рабочих в профессионально-технических учебных заведениях, совместно с учебными заведениями проводили работу по профессиональной ориентации и набору учащихся.

Руководители предприятий, учреждений и организаций осуществляли своевременную подготовку к приему молодых рабочих, окончивших ПТУ, создавали им необходимые условия для работы в соответствии с полученной профессией и квалификацией, всемерно способствовали росту про-

фессионального, общеобразовательного и культурного уровня молодых рабочих.

Профессионально-технические учебные заведения оказывали предприятиям, учреждениям и организациям методическую помощь в профессиональном обучении рабочих непосредственно на производстве.

Прием молодежи в ПТУ для обучения профессиям, связанным с выполнением вредных, тяжелых и опасных работ, а также движением транспорта, проводился с учетом действующего трудового законодательства.

Учащиеся, обучающиеся без отрыва от производства в вечерних (сменных) профессионально-технических учебных заведениях и на вечерних (сменных) отделениях (в группах) дневных профессионально-технических учебных заведений, пользовались льготами, установленными для них действующим законодательством.

Учащиеся ПТУ были обязаны систематически и глубоко овладевать теоретическими знаниями и практическими навыками, посещать учебные занятия, в установленные сроки выполнять задания, предусмотренные учебными планами и программами.

Время обучения в ПТУ засчитывалось в общий трудовой стаж, а также в непрерывный трудовой стаж, если перерыв между днем окончания учебного заведения и днем поступления на работу не превышал трех месяцев.

Выпускники профессионально-технических учебных заведений, получившие диплом или аттестат с отличием, пользовались преимущественным правом при распределении на работу, а также правом поступления соответственно в высшие и средние специальные учебные заведения непосредственно после окончания учебного заведения.

Выпускники технических училищ, получившие диплом с отличием и поступающие в высшие учебные заведения для обучения без отрыва от производства по родственным специальностям, зачислялись на обучение вне конкурса при получении положительных оценок на вступительных экзаменах.

Выпускники дневных ПТУ направлялись в установленном порядке на предприятия, в учреждения, организации и обеспечивались работой в соответствии с полученной профессией и квалификацией.

Учащиеся, направленные на учебу предприятиями, учреждениями и организациями, по окончании ПТУ направлялись для работы на эти предприятия, в учреждения и организации. Выпускники дневных профессионально-технических учебных заведений были обязаны проработать не менее двух лет на предприятиях, в учреждениях и организациях, куда они были направлены после окончания профессионально-технических учебных заведений.

Предприятия, учреждения и организации предоставляли выпускникам дневных ПТУ, обучавшимся один год и более, перед началом работы отпуск с оплатой его из расчета тарифной ставки по присвоенному выпускнику квалификационному разряду (классу, категории) или соответствующего должностного оклада с учетом действующего в данной местности районного коэффициента.

Список литературы

1. **Занданов И. В.** Ученический договор как форма профессиональной подготовки и переподготовки работников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. М., 2011. 27 с.
2. **История** профессионального образования в России / под науч. ред. С. Я. Батышева и др. М.: Профессиональное образование, 2003. 663 с.
3. **Новикова Н. В.** Правовое регулирование отношений по повышению квалификации в России: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Пермь, 2007. 25 с.
4. **Петров А. Я.** Профессиональное образование и обучение работников (персонала). Правовые основы: учебник для СПО. М.: Юрайт, 2019. 317 с.

References

1. **Zandanov I.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, 12.00.05. Moscow, 2011, 27 p. (In Russ.)
2. **Batyshev S. Ya. (Ed.) et al.** *Istoriya professional'nogo obrazovaniya v Rossii* [History of vocational education in Russia], Moscow: Professional'noye obrazovaniye, 2003, 663 p. (In Russ.)
3. **Novikova N.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, 12.00.05. Perm', 2007, 25 p. (In Russ.)
4. **Petrov A. Ya.** *Professional'noye obrazovaniye i obucheniye rabotnikov (personala). Pravovyye osnovy: uchebnik dlya SPO* [Professional education and training of workers (personnel). Legal foundations: textbook for open source software], Moscow: Yurayt, 2019, 317 p. (In Russ.)

Vocational Training of Workers and Vocational Education of Students in Vocational Schools (1980s): Legal Aspects

A. Ya. Petrov, *Dr. Sci. (Law), Professor,*
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
alexey.petrov@yandex.ru

The article is the second part of a series devoted to topical legal issues of the development of the training system for workers and vocational education in vocational schools in the Soviet Union. Part two is devoted to the study of the legal foundations of vocational education in the 1980s. The author characterizes the regulatory framework and the organization of vocational training in connection with their changes reflected in the standard framework documents.

Keywords: professional education; vocational training in production; training; vocational and technical education; secondary special education; higher education; benefits for employees combining work with training.

© А. Я. Петров, 2022

Статья поступила в редакцию 26.10.2021

При цитировании использовать:

Петров А. Я. Профессиональное обучение рабочих и профессиональное образование учащихся в ПТУ (80-е гг. XX столетия): правовые аспекты // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 13 – 23. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.013-023

Проведен анализ становления и развития «пропаганды» в различных гуманитарных науках, по результатам которого автор подчеркивает сложное междисциплинарное содержание понятия «пропаганда», выделяет его общенаучные универсальные признаки. Отдельные аспекты пропаганды получают специфику в различных гуманитарных науках с учетом их предметной области познания, которые приобретают важность для юриспруденции. Это с очевидностью свидетельствует об универсальном значении пропаганды, что крайне важно для становления ее категориального статуса в юриспруденции. Именно в гуманитарных науках, где проходило становление и раскрытие дефиниции «пропаганда», были заложены основные признаки пропаганды как научной категории.

Ключевые слова: гуманитарные науки; общенаучность категории; полидисциплинарный подход; пропаганда; универсальность.

Екатерина Николаевна Тогузаева, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра гражданского права и процесса,
ФГБОУ «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия;
belana1@yandex.ru

ПРОПАГАНДА КАК ОБЩЕНАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Введение

С момента возникновения понятие «пропаганда» претерпело значительные трансформации как в сущностном его понимании, так и в сфере применения. Изначально пропагандой в Риме обозначалось миссионерское учреждение (Congregatio de Propaganda Fide), занимающееся распространением католичества среди язычников в XVII веке. Во времена французской революции пропагандой обозначали тайные политические общества, распространяющие свои революционные идеи. В начале XIX в. употребление термина «пропаганда» стало применяться больше в политическом и военном контексте, чем в религиозном. Первая мировая война послужила значительным катализатором в использовании термина «пропаганда», и именно в этот период исторического развития в начале XX в. многие ученые отмечали значительную трансформацию понятия «пропаганда» от положительного к резко отрицательному. В 1921 году Агнесс Реплиер заметила: «Одно из худших деяний, которое мы совершили в войну, заключается во вложении в это древнее благородное слово дурного значения, и превращение его в понятие, обозначающее позор, наказания и пытки наших жизней» [17]. Профессор Эрвин У. Феллоуз в своей статье об истории слова «пропаганда», прослеживая изменения в коннотациях данного слова на фоне смены сфер употребления, отмечает, что отрицательное отношение к пропаганде, характерное для 1920-30-х гг., было, прежде всего, результатом ассоциаций этого слова с действиями, осуществляемыми в военное время, которые осуждались как таковые [15, с. 157].

В России начала XX века интерес к пропаганде был активизирован через коммунистическую и большевистскую пропаганду. Однако отмечается, что предпринимаемые попытки взглянуть на пропаганду все-таки не через призму классового противостояния «приводили советских исследователей к выводу о коммуникативном характере (правда, с поправкой на идеологию) пропагандистской деятельности» [10].

Среди основных подходов к определению пропаганды, которые существуют в гуманитарных и социальных науках, профессор И. Б. Орлов отмечает три базовых подхода:

1) первое определение основано на том, что выводы или обобщения строятся на сомнительных и односторонних доводах, а некоторые аргументы или замалчиваются, или откровенно дискредитируются;

2) в рамках второго определения «пропаганда» рассматривается как способ распространения намеренно ошибочных идей;

3) третье (общекультурное) – включает в сферу пропаганды обширную область общественных отношений, включая образование и развлечения, политику, журналистику и искусство [10].

Профессор Н. Б. Зазаева, рассматривая основные тенденции развития пропаганды как технологии работы с общественным мнением в современной России, замечает значительное смещение в настоящее время акцента с манипулятивных, внушающих методов в сторону убеждающих, и обращает внимание на эффективность практики пропаганды на основе «вдумчивого убеждения». Государство вынуждено реагировать на современные реалии и вызовы, осуществляя поиск новых технологически более сложных и содержательно более «чистых» форм пропагандистского воздействия [5, с. 104].

Результаты и обсуждения

В настоящее время информационно-коммуникативное содержание включено в пропаганду, однако нормативно закрепленного определения «пропаганды» современное российское законодательство не содержит, несмотря на широкое использование этого понятия и производных от него в отраслевом законодательстве. В связи с этим для уяснения сущности и значения пропаганды обратимся сначала к ее пониманию в таких научных сферах, как политология, социология, психология, философия, история. Вот только некоторые подходы, которые используются в указанных отраслях знаний:

- как инструмент идеологии;
- способ распространения сведений;
- инструмент достижения политических целей;
- инструмент разъяснения социальных идей;
- социальная деятельность;
- метод идейно-психологической деятельности;
- инструмент развития сознания людей;
- особая форма коммуникации;
- методика манипулирования общественным сознанием и др.

Вслед за развитием и количественным наращиванием самих подходов к понятию «пропаганды» и пониманию ее сущности возникает задача ее

адекватного регулирования. Совершенно очевидно, что в настоящем исследовании перед нами не стоит задача по раскрытию и изучению всех возможных подходов к пониманию термина пропаганда в социологии, политологии, философии, психологии, однако выделение основных из них крайне важно для понимания сущностного содержания данного явления в юриспруденции и последующего эффективного его отражения в правовом пространстве.

Политология рассматривает пропаганду как средство политической коммуникации и как феномен социально-политической реальности, также возможно ее рассмотрение как коммуникативного акта, поскольку политика в целом является всегда символической коммуникацией.

Известный идеолог пропаганды Жак Эллюль отмечал иллюзорность пропаганды, в связи с тем, что есть разрыв между действительностью и тем, что вложено в эту пропаганду. Конечный ожидаемый факт пропаганды, по его мнению, является лишь иллюзией, что зачастую порождает правовые и политические проблемы, сталкиваясь в действительности с обманом, наблюдается значительный разрыв между государством и человеком, что всегда характеризует пропаганду со знаком «минус» [20, 21].

Многие политологи замечают, что вообще обращение государства к любому типу пропаганды указывает на его «болезненность», либо какие-либо грядущие ужесточения, чаще это касается ужесточения формы правления, что опять накладывает на пропаганду негативный аспект, приравнивая ее к подобию акта насилия. Даже в позитивной пропаганде как реакции государства часто усматриваются глубоко негативные импульсы. Так, известный исследователь информационного и постинформационного общества М. Кастельс рассматривает пропаганду как властный способ урегулирования разногласий, которому нет места в здоровом государстве, когда правовые и иные социальные нормы не справились с регулированием отношений.

С таким подходом следует понимать, что решение любой политической проблемы с помощью пропаганды и ее средств обращает решение этой проблемы в правовое поле.

Политология, являясь относительно новой дисциплиной в системе социогуманитарных наук, изучает политическую сферу общества и все происходящие в ней процессы. Ключевым понятием политологии является «идеология», о соотношении последней с пропагандой политологи дискутируют уже длительное время. По мнению французского социолога Ж. Эллюля, идеологию можно определить как «низведенную до уровня чувств и ощущений упрощенную политическую доктрину или глобальную концепцию мира» [20, с. 5]. Он считал, что идеология постепенно выстраивается вокруг действий, предписанных пропагандой. П. С. Гуревич, отмечая важность обращения к идеологической символике, считает, что идеология как социальный феномен возникла в раннеклассовом обществе, в котором появилось социальное неравенство, для оправдания последнего и привилегий [4, с. 40]. При этом «весь поток пропаганды здесь направлен на утверждение новых идеологических стереотипов, культурных стандартов, на использование ранее не употреблявшихся средств идейно-психологического воздействия на массы» [4, с. 36].

В политологии традиционно под пропагандой понимают «открытое целенаправленное распространение определенных идей, ценностей, взглядов, аргументов, фактов, норм, программ поведения и других сведений для формирования общественного мнения, определенных взглядов, эмоциональных состояний или иных целей, преследуемых пропагандистами» [6, с. 5]. Собственно информация «становится пропагандой, если лицо, публикующее ее, преследует какие-либо цели» [3, с. 27].

Политологов пропаганда чаще интересует в научных изысканиях как явление политической культуры и как технология. В политологическом аспекте также нельзя не обратить внимание на пропаганду в контексте новых ее форм и приемов, с безусловным интересом к последствиям пропагандистского воздействия – «придание сознанию людей желательных свойств, качеств, приближение его к идеалу, соответствующему политическим, культурным и идеологическим нормам и ценностям того типа общества, которое необходимо источнику пропаганды» [8].

Включенная в механизм политической социализации пропаганда участвует в политической вовлеченности личности, активизируя в первую очередь электоральную активность.

П. С. Гуревич в своей книге «Пропаганда в идеологической борьбе» резюмирует подходы к интерпретации феномена пропаганды в идеологическом смысле. Концептуальное оформление, по его мнению, получили такие подходы пропаганды, как:

- «просвещение»;
- «информирование»;
- «коммуникация»;
- «социализация»;
- «социальное окружение» [4, с. 107–108].

На поле *социологии* сама пропаганда и ее возможные результаты также давно интересовали научное сообщество. Феномен пропаганды в середине XX века активно исследовался американскими и западными социологами:

– американский социолог Г. Лассуэлл определял пропаганду как попытку повлиять на установку большого числа людей по противоречивым вопросам [22, с. 218];

– американский социолог М. Чукас в своих трудах подчеркивал, что пропаганда является средством формирования сознания человека и контроля над ним, тем самым растворяясь в более широком – феномене социализации [18, с. 41];

– французский социолог Ж. Доменак полагал, что пропаганда возникает лишь после того, как воздействие на людей принимает институциональный характер, закрепляется какими-либо общественными институтами, то есть только тогда можно говорить о пропаганде, когда возникают организации, провозгласившие своей деятельностью распространение конкретных воззрений [19];

– многие ученые-социологи связывали появление пропаганды исключительно со способами тиражирования слова, книгопечатанием, развитием технических средств и др. (например, У. Шрамм), другие отмечали важность для появления пропаганды хотя бы минимального социального взаимодействия (Дж. Хьюз).

Широко известна концепция социологической пропаганды, которую в своих работах развил Ж. Эллюль (*фр.* – la propagande sociologique, *англ.* – sociological propaganda). К социологической пропаганде он отнес все социальное окружение человека, включая материальную среду, рекламу, социальные символы. Разделив пропаганду на политическую и социологическую, он отметил, что первая непосредственно связана с политическими целями, а вторая – имеет целью проникновение идеологии через социальный контекст, политические цели здесь не наблюдаются [21, с. 100]. Субъектом политической пропаганды является правительство, а в социологической пропаганде, как правило, отсутствует единый субъект управления. Политическая пропаганда – всегда преднамеренная попытка воздействия на массы, тогда как социологическая пропаганда спонтанная и непреднамеренная, однако развитие коммуникационных средств в настоящее время способствует активному распространению социологической пропаганды [1, с. 113].

Таким образом, социологией накоплен значительный объем представлений о пропаганде как о социальном феномене с выяснением ее траектории изменения в зависимости от социального контекста.

В *философском* аспекте пропаганда интересовала ученых в соотношении с идеологией и контексте теорий мифологизации. Большое внимание пропаганде было уделено в марксистско-ленинской философии, которая рассматривала пропаганду как инструмент развития сознания людей, их отношения к социальной действительности [4, с. 109].

В советской науке отмечалась близость философии и идеологии вплоть до их тождественности: не случайно в 1962 г. идеологический отдел ЦК КПСС был образован именно объединением Отдела культуры ЦК КПСС, Отдела науки, высших учебных заведений и школ ЦК КПСС с Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС (12 мая 1965 г. переименован в Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС, в октябре 1988 г. преобразован в Идеологический отдел ЦК КПСС) [16, с. 15–16]. В диссертационных исследованиях советского периода по философии политическая пропаганда и агитация рассматриваются чаще как часть общественной деятельности и как инструмент распространения марксистско-ленинской идеологии.

Философия, уделяя большое внимание мифу и мифологизации явлений, считает, что миф всегда привлекает к себе внимание, показывая разрушение старого мифа. Новый миф с помощью пропаганды внедряется в общественное сознание.

Философия как наука о принципах бытия и познания, об отношении человека к миру, о всеобщих законах развития общества, сосредоточив свои научные интересы на отношении человека к миру и человеческом понимании действительности, может выделить многообразие подходов к изучению пропаганды и явлений с ней связанных.

В первую очередь осознание пропаганды и важности ее результативности возможно через ее понимание как результата социальной динамики общества, через учение о познаваемости общества. Типичная гносеологическая парадигма позволяет рассмотреть пропаганду не только с точки зрения деятельностного подхода, но и с точки зрения ее результатов и идеологической сущности.

Также возможно применение онтологического, антропологического и аксиологического подходов, последний из которых позволит рассматривать категорию пропаганды через ценностные ориентиры. Понимание аксиологического аспекта пропаганды (и, в частности, ситуативной ее аксиологической неустойчивости) имеет несомненную значимость, однако этот подход тесно связан с лингвистикой, так как аксиологическая структура пропагандистского текста может способствовать раскрытию системы ценностей и антиценностей, для чего субъекты пропаганды часто пользуются семантической дифференциацией. Проблематика рефлексивного переосмысления системы ценностей, анализа и понимания имеющейся системы ценностей в обществе всегда тесно сопряжена с пропагандой.

Привлечь философские идеи для осмысления сущности пропаганды можно, основываясь на учении об объективной истине, соответствия ей. Известный философ Ильин считал, что истинно то, в чем ты сумеешь убедить других.

Из поля зрения философии не может также выйти и манипулятивный характер пропаганды, неизбежность дезинформации в результате пропагандистской деятельности.

Кроме того, нельзя забывать и об информационной составляющей пропаганды, поскольку именно информация лежит в ее основе. А к трактовке информации у представителей философской науки имеется два основных подхода: в *первом* случае, информация наделяется свойством всех объектов органического и неорганического мира и на этом основании считается атрибутом материи, подчеркивая универсализм информации, во *втором* случае, приверженцы функционального подхода полагают, что информация является свойством не всей, а только высокоорганизованной материи, и отрицают ее существование в неживой природе [11, с. 100].

Психология изучает пропаганду как социально-психологический феномен. С одной стороны, пропаганда интересна сама как инструмент влияния на общественное мнение с точки зрения ценностных ориентаций и установок, с другой стороны, изучается психология пропаганды: инструменты и психологические основы информационно-пропагандистской деятельности в целях повышения эффективности пропаганды.

Коммуникативный подход, который сводит пропаганду к простейшей коммуникации людей, позволяет говорить о возникновении пропаганды с того момента, когда люди начали общаться друг с другом (приверженцем такой теории являлся американский социолог Ч. Симман). Именно во время коммуникативного процесса возможно максимальное проявление психологического воздействия. В классической отечественной науке пропаганда рассматривается чаще в узком понимании как «деятельность по распространению в массах идеологии и политики определенных классов, партий и государства» [13, с. 539].

Если пропаганда настроена на конструктивное построение, развитие, то используются методы убеждения, просвещения. Чаще пропаганда рассматривается как вид психологического воздействия. Ряд ученых делят информационно-психологическое воздействие на психологическое и пропагандистское [7, с. 83]. При этом основной акцент делается на анализ внутренних психологических механизмов личности, влияющих на эффективность пропаганды [9].

Социальная психология, изучая закономерности поведения и взаимодействия людей и их социальных групп, не может обойти вниманием эффект пропаганды в контексте изучения иллюзий, стереотипов, формирующих общественное мнение, такого явления как «массовая пропаганда», где неизбежно обращение к сознанию. Многие ученые-психоаналитики сходятся во мнении, что пропаганда является средством обмана, информационно-психологического насилия над личностью и контроля ее поведения, манипулирования. Аргументированным на этот счет видится мнение И. Б. Орлова в работе, посвященной сущности и механизмам пропаганды: «Безусловно, и пропаганда, и манипулирование предполагают наличие массовой аудитории, прочно ориентированной на определенные стереотипы. Более того, манипулирование входит в арсенал пропаганды, но в целом назначение последней шире – мобилизация общественного мнения на поддержку претендующих на общенациональный статус целей и ценностей и политическая социализация населения». Профессор И. Б. Орлов отмечает, что несмотря на общее усиленное внедрение в сознание определенного содержания в отличие от манипулирования, пропаганда утверждает определенные цели публично [10].

С сознательным манипулированием как видом психологического воздействия, созданием иллюзий и ложью пропаганду связывали многие ученые. Такого мнения, например, придерживался американский теоретик пропаганды М. Чукас, а основоположник политического психоанализа Г. Лассуэлл понимал пропаганду как «менеджмент коллективных отношений с помощью манипуляции общественными символами». При этом он трактовал в позитивном ключе как пропаганду, так и манипулирование [2].

Однако в настоящее время ученые смещают отрицательный оттенок манипулятивного воздействия пропаганды на ее эффект со знаком «плюс». Отмечается, что новые информационно-технические возможности и коммуникативные технологии позволяют смещать акцент с манипулятивных, внушающих методов в сторону убеждения. Осуществляется поиск новых практик, что позволяет аргументировать значимость в настоящее время уделения особого внимания изучению позитивного аспекта пропаганды как коммуникативной технологии, основанной на использовании приемов и методов вдумчивого убеждения [5, с. 104]. Профессор Н. Б. Зазаева отмечает, что «убеждающая пропаганда в информационном обществе становится серьезной альтернативой манипулятивным пропагандистским практикам, поскольку обеспечивает доверие массовой аудитории» [5, с. 109].

Историческая ретроспектива понятия «пропаганда» также являлась и остается по настоящее время предметом научных изысканий. Историко-политическое исследование особенностей пропаганды позволяет ориентировать научный поиск на различные этапы исторического развития, что дает возможность детерминировать оптимальные подходы к организации пропагандистского воздействия в частности, и коммуникационного воздействия в целом в современном мире. Анализ исторического опыта использования пропагандистских технологий позволяет проследить «преемственность “правил игры” – это значительно облегчает возможности изучения пропаганды», отмечает А. А. Порецкова [12, с. 30–31].

Проведенный анализ имеющихся диссертационных работ по историческим наукам, касающихся различных аспектов пропаганды, позволил нам классифицировать имеющиеся научные труды по следующим основаниям:

- 1) исследования, посвященные советской пропаганде и идеологической подготовке в довоенные годы и годы Великой Отечественной войны;
- 2) исследования, посвященные анализу пропаганды в печатных изданиях, чаще советского периода;
- 3) работы, раскрывающие особенности общественно-исторического развития внешнеполитической пропаганды.

Заключение

Таким образом, чаще следует говорить скорее об интегрированном подходе к изучению понятия «пропаганда», поскольку не вызывает сомнений общенаучный характер пропаганды, которая выступает предметом исследования таких общественных наук, как политология, социология, психология, философия, история.

Интеграционные процессы, социально-практическая обусловленность позволяют все чаще говорить о междисциплинарной общенаучности тех или иных категорий. При этом самым важным критерием общенаучности все же следует назвать универсальность. Подчеркивая важность универсальности как критерия, правоведы отмечают, что совершенствование законодательства и практики возможно только на основе строгости, точности, обоснованности правовых понятий, при этом любая неточность, двусмысленность понятия детерминирует двусмысленность его содержания, порождая ошибки и деформации в формах реализации права [14].

Значимость полидисциплинарности в изучении пропаганды подчеркивалась как учеными прошлого века (Ж. Эллиуль был убежден, что исследование пропаганды должно опираться как на психологию, так и на социологию), так и современными исследователями [12, с. 30–31].

В настоящее время такой подход дает еще более глубокое осмысление понятия «пропаганда» в контексте юриспруденции. Отсутствие единообразия в понимании «пропаганды» в правовом пространстве делает особенно актуальным полидисциплинарный подход к изучению и пониманию ее правовой природы в настоящее время. Обозначенные в гуманитарных исследованиях различных областей процессы формирования, развития и становления пропаганды и ее возможностей, особенности институционализации позволяют компенсировать отсутствие устоявшегося категориального аппарата в юриспруденции, и с помощью правовых средств устранить имеющиеся пробелы, минимизировав тем самым правовые риски. Становясь явлением правовой действительности, пропаганда трансформировалась в сверхмногогранное явление, что не может не отражать политологические, социологические, психологические и исторические его аспекты.

Анализ проведенного исследования показал, что категория «пропаганда» обнаруживает свое сложное междисциплинарное содержание, отдельные аспекты которого получают специфику в различных гуманитарных науках с учетом их предметной области познания. Это с очевидностью свидетельствует об универсальном значении пропаганды, что крайне важно для становления ее категориального статуса.

Становление и раскрытие дефиниции «пропаганда» первоначально происходило в философии, истории, то есть тех гуманитарных науках, существование которых предшествовало появлению юридической науки, а это значит, что именно в них были заложены основные признаки пропаганды как научной категории.

Впоследствии пропаганда вошла в обиход юриспруденции, поскольку проявился ее правовой аспект. Однако в настоящее время в качестве научной перспективы исследования юридическому сообществу еще предстоит выявить юридические критерии пропаганды для наилучшего правового регулирования этой деятельности, а также деятельности по правовому просвещению и правовому информированию, тесно связанными с нею.

Список литературы

1. **Белоусов А. Б.** Что такое социологическая пропаганда? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 110 – 122.
2. **Булкина И. В.** Теория политической коммуникации Гарольда Д. Ласуэлла: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.05. Казань, 2000. 20 с.
3. **Власов Ю. М.** Пропаганда за фасадом новостей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 143 с.
4. **Гуревич П. С.** Пропаганда в идеологической борьбе: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1987. 262 с.
5. **Зазаева Н. Б.** Развитие пропаганды как коммуникативной технологии в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 4. С. 103 – 110. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-4-103-110
6. **Иванов А. А.** Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: учеб.-метод. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2017. 72 с.
7. **Мельников В. П., Клейменов С. А., Петраков А. М.** Информационная безопасность и защита информации: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведения / под ред. С. А. Клейменова. 3-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 330 с.
8. **Мозолин А. В.** Современная пропаганда как методологическая проблема // PR-Универсум: материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. Томск, 2004. С. 37 – 47.
9. **Мозолин А. В.** Подходы к определению пропаганды: границы предметного поля [Электронный ресурс] // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы доклада, сделанного на III Всероссийском социологическом конгрессе; социологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 3 – 5 окт. 2006 г. URL: <https://docplayer.com/63290283-Podhody-k-opredeleniyu-propagandy-granicy-predmetnogo-polya.html> (дата обращения: 11.01.2022).
10. **Орлов И. Б.** От какого наследства мы отказываемся? (Сущность и механизмы пропаганды) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 57 – 66.
11. **Полякова Г.** Информация как общенаучная категория // Власть. 2013. № 9. С. 98 – 101.
12. **Порецкова А. А.** Концептуализация теоретических подходов к изучению политической пропаганды // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, № 2. С. 19 – 32.
13. **Семечкин Н. И.** Социальная психология. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 608 с.
14. **Тюменева Н. В.** Особенности применения универсальных критериев научности в юриспруденции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, № 1. С. 82 – 88.

15. **Феллоуз Эрвин У.** «Пропаганда»: история слова / пер. И. П. Зыряновой // Политическая лингвистика. 2009. №3 (29). С. 155 – 159.
16. **Философия и идеология:** от Маркса до постмодерна / отв. ред. А. А. Гусейнов, А. В. Рубцов, сост. А. В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018. 464 с.
17. **Repplier Agnes.** A Good Word Gone Wrong // The Independent and the Weekly Review, CVII (Oct. I, 1921), 5. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.32000000689234&view=1up&seq=22> (дата обращения: 11.01.2022).
18. **Choukas M.** Propaganda Comes of Age. Wash., 1965. 320 p.
19. **Domenach J.** La Propaganda politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1950. 448 s.
20. **Ellul J.** L`ideologie marxiste chretienne. Paris: Centurion, 1979.
21. **Ellul J.** Propaganda. N.Y., 1973.
22. **Lasswell H.** Psychopathology and Politics. Chicago, 1960. 338 p.

References

1. **Belousov A.B.** [What is sociological propaganda?], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 2018, no. 3, pp. 110-122. (In Russ.).
2. **Bulkina I.V.** *Extended abstract of candidate's of Sociological thesis, Kazan'*, 2000, 20 p. (In Russ.).
3. **Vlasov Yu.M.** *Propaganda za fasadom novostey* [Propaganda behind the facade of news], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976, 143 p. (In Russ.).
4. **Gurevich P.S.** *Propaganda v ideologicheskoy bor'be* [Propaganda in the ideological struggle], Moscow: Vysshaya shkola, 1987, 262 p. (In Russ.).
5. **Zazayeva N.B.** [Development of propaganda as a communication technology in modern Russia], *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Institute of Management], 2017, v. 17, no. 4, pp. 103-110. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-4-103-110 (In Russ.).
6. **Ivanov A.A.** *Kommunikativnoye prostranstvo voyny: propaganda i obshchestvennyye nastroyeniya* [Communicative space of war: propaganda and public sentiments: study guide. allowance], St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2017, 72 p. (In Russ.).
7. **Mel'nikov V.P., Kleymenov S.A. (Ed.), Petrakov A.M.** *Informatsionnaya bezopasnost' i zashchita informatsii* [Information security and information protection], 3-ye izd., ster. Moscow: Akademiya, 2008, 330 p. (In Russ.).
8. **Mozolin A.V.** [Modern propaganda as a methodological problem], *PR-Universum: materialy I Mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* [PR-Universum: materials of I Interregional. scientific-practical. conf.], Tomsk, 2004, pp. 37-47. (In Russ.).
9. **Mozolin A. V.** available at: <https://docplayer.com/63290283-Podhody-k-opredeleniyu-propagandy-granicy-predmetnogo-polya.html> (accessed 11 January 2022). (In Russ.).
10. **Orlov I.B.** [What inheritance do we refuse? (The essence and mechanisms of propaganda)], *Voprosy pravovedeniya* [Questions of jurisprudence], 2009, no. 1, pp. 57-66. (In Russ.).
11. **Polyakova G.** [Information as a general scientific category], *Vlast'* [Power], 2013, no. 9, pp. 98-101. (In Russ.).
12. **Poretskova A.A.** [Conceptualization of theoretical approaches to the study of political propaganda], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye* [Problem analysis and state management design], 2015, v. 8, no. 2, pp. 19-32. (In Russ.).

13. **Semechkin N.I.** *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology], Rostov n/D: Feniks, 2003, 608 p. (In Russ.).
14. **Tyumeneva N.V.** [Features of the application of universal scientific criteria in jurisprudence], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo* [Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Economy. Control. Right], 2019, v. 19, no. 1, pp. 82-88. (In Russ.).
15. **Fellouz Ervin W., Zyryanovoy I.P. (Transl.)** [“Propaganda”: the history of the word], *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2009, no. 3 (29), pp. 155-159. (In Russ.).
16. **Guseynov A.A., Rubtsov A.V. (Eds.)** *Filosofiya i ideologiya: ot Marksa do postmoderna* [Philosophy and ideology: from Marx to postmodern], Moscow: Progress-Traditsiya, 2018, 464 p. (In Russ.).
17. **Replier Agnes.** A Good Word Gone Wrong // *The Independent and the Weekly Review*, CVII (Oct. I, 1921), 5. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=inu.32000000689234&view=1up&seq=22> (data obrashcheniya: 11.01.2022)
18. **Choukas M.** *Propaganda Comes of Age*. Wash., 1965. 320 p.
19. **Domenach J.** *La Propaganda politique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1950. 448 s.
20. **Ellul J.** *L'ideologie marxiste chretienne*. Paris: Centurion, 1979.
21. **Ellul J.** *Propaganda*. N.Y., 1973.
22. **Lasswell H.** *Psychopathology and Politics*. Chicago, 1960. 338 p.

Propaganda as a General Scientific Category

E. N. Toguzaeva, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure,
N.G.Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia;
belana1@yandex.ru*

The analysis of the formation and development of “propaganda” in humanities, according to the results of which the author emphasizes the complex interdisciplinary content of the concept of “propaganda”, highlights its general scientific universal features. Certain aspects of propaganda acquire specificity in various humanities, taking into account their subject area of knowledge, acquire importance for jurisprudence. This clearly indicates the universal significance of propaganda, which is extremely important for the formation of its categorical status in jurisprudence. It was in the humanities, where the formation and disclosure of the definition of “propaganda” took place the main signs of propaganda as a scientific category were laid.

Keywords: humanities; general scientific category; polydisciplinary approach; propaganda; universality.

© E. H. Торузаева, 2022

Статья поступила в редакцию 20.10.2021

При цитировании использовать:

Торузаева Е. Н. Пропаганда как общенаучная категория // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 24 – 34. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.024-034

Рассмотрен вопрос о том, всегда ли законодатель должен учитывать общественное мнение. Предварительно проанализированы проблемы определения понятия общественного мнения: проведено различие между тем, что люди думают, говорят и делают. В контексте руссоистского разграничения «общей воли» и «воли всех» сформулирована собственная позиция относительно общественного мнения. Доказано, что и общественное мнение, и действующее законодательство не всегда справедливо, при этом справедливость как общественный идеал имеет приоритет и над тем, и над другим. Отсюда сделан вывод, что законодательство, будучи формой стремления к справедливости, не всегда должно учитывать общественное мнение. Одновременно обоснована практическая значимость учета общественного мнения в контексте реализации идеала справедливости, выявления действительных потребностей членов общества, а также морального обоснования ценностей и определения лиц, уполномоченных на такое обоснование. Проведено разграничение между общественным мнением и моральной позицией общества. Законодателю, как утверждается, следует учитывать и то, и другое, но по разным причинам и с различными целями.

Ключевые слова: общественное мнение; законность; справедливость; законодательство; право; мораль; нравственность.

Николай Александрович Шавеко, канд. юрид. наук,
старший научный сотрудник, Удмуртский филиал
Института философии и права Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия;
Shavekonikolai@gmail.com

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Введение

В современной юридической науке активно обсуждается вопрос о том, должен ли (и всегда ли, при каких обстоятельствах и т.п.) законодатель учитывать общественное мнение? При этом, зачастую, следованию общественному мнению противопоставляется принцип целесообразности, под которым авторы понимают (правда, не всегда это в достаточной мере эксплицируют) стремление к некоторому базовому идеалу, отличному от общественного мнения. Поскольку сам этот идеал может пониматься различно (кантиански, утилитаристски, аристотелиански и т.п.), постольку и целесообразность оказывается размытым понятием. Полагаем, что уместнее говорить о соотношении общественного мнения и справедливости.

Так или иначе, должны сразу оговорить, что мы понимаем под общественным мнением. И здесь сразу всплывает давно подмеченное социологами различие между тем, что люди говорят, и тем, что они делают; при этом действительные убеждения людей могут по самым разным причинам не совпадать ни с тем, ни с другим [3, с. 397 – 391]. Например, в середине XX века в США был проведен социальный опрос, в котором американцам предполагалось ответить на два вопроса: 1) созданы ли все люди равны-

ми?; 2) равны ли негры и белые? В северных штатах на первый вопрос положительно ответило 79 %, однако на второй лишь 21 %; в южных штатах цифры были соответственно 61 и 4 %. Такой результат объясняется тем, что респонденты не хотели высказываться против общепризнанной идеологии равенства, тогда как в душе не готовы были ее принять [18, с. 183]. Сказанное можно продемонстрировать и на примере восприятия коррупции в российском обществе. Данная проблема, с одной стороны, в достаточной мере осознается обществом: ей посвящено множество общественных дебатов и научных трудов, социальные опросы показывают понимание людьми таких негативных последствий коррупции, как замедление экономического роста и усиление социального неравенства. С другой стороны, по оценкам международной неправительственной организации Transparency International уровень озабоченности российских граждан проблемами коррупции является одним из самых низких в мире (с 2007 г. Россия занимает в соответствующем рейтинге места с 119 по 154, соседствуя с такими странами, как Того, Мавритания или Уганда¹). Сказанное означает, что упомянутые научные и социальные дискуссии о вреде коррупции – не более чем лицедейство, следование модному тренду, на самом же деле многие граждане России не готовы отказаться от дачи взятки там, где это сулит им быстрое решение проблем, а от получения взятки их удерживает не мораль, а страх юридической ответственности². По всей видимости, при анализе общественного мнения с точки зрения его значимости для теории справедливости мы должны исходить именно из реальных убеждений людей, обеспечивающих их предрасположенность к конкретной деятельности, хотя законодатель, конечно, для обеспечения более эффективного правового регулирования, должен принимать во внимание любые фактические слова и действия народных масс.

Обсуждение

Но должны ли мы различать простую совокупность различных убеждений и убеждение общества в целом? Данное разграничение берет свое начало еще у Руссо, который противопоставлял общую волю и волю всех. Он писал: «Часто существует немалое различие между волею всех и общею волею. Эта вторая блюдет только общие интересы; первая – интересы частные и представляет собой лишь сумму изъявлений воли частных лиц. Но отбросьте из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности; в результате сложения оставшихся расхождений получится общая воля» [14, с. 170]. Вместе с тем, указанное разграничение с самого начала вызывало обоснованную критику. Ведь вполне возможно, что даже если граждане достаточно осведомлены, никем не принуждаемы и не стремятся с помощью голосования пролоббировать свой частный интерес, исключение взаимно уничтожающих крайностей не даст нам ровным счетом ниче-

¹ Transparency International: интернет-сайт. URL: <http://www.transparency.org/research/cpi> (дата обращения: 02.02.2020).

² См. Результаты опроса ВЦИОМ от 04.07.2006. URL: <http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/2850.html>. Или же схожие результаты за 2018 г. по данным исследования ВШЭ. URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/16/issledovanie-pokazalo-chtorossiyane-vse-uvazhitelnee-otnosyatsya-k-korrupcii.html> (дата обращения: 02.02.2020).

го. Другие мыслители полагают, что в обществе публично высказываются самые различные точки зрения, и только «путем их столкновения формируется доминирующее течение общественного мнения, часто называемое попросту общественным мнением» [3, с. 396]. С точки зрения данного подхода, изначально преобладающие в количественном отношении взгляды могут не совпадать со сформировавшимся на основе всех имеющихся взглядов общим мнением. Это связано, помимо прочего, с тем, что человек в различных ситуациях проявляет себя то как член гражданского общества, то как член политического союза (гражданин), а именно: сначала его мнение основывается на понимании своих частных интересов, но после соотношения их с другими частными интересами у него вырабатывается иное мнение, основывающееся на его представлениях уже об общественном интересе. Правда, в таком случае не ясно ни то, каков уровень общественных дебатов должен иметь место, чтобы общественное мнение вообще сформировалось, ни то, как на практике различить частное и гражданское мнение одного и того же человека. Поэтому, по всей видимости, общественным мнением следует считать широко распространенное в обществе мнение, то есть такую совокупность частных мнений, которая свойственна большинству представителей исследуемой социальной группы.

Анализ показывает, что по вопросу соотношения законов и общественного мнения сегодня в науке сложились *две противоположных позиции*.

Первая состоит в представлении о том, что в периоды социальной нестабильности, когда общественное мнение возбуждено и крайне неустойчиво, изучать его надо «лишь для того, чтобы учитывать как ограничивающий фактор, который надо знать, чтобы убеждать, воспитывать, избегать взрывов». В такие моменты гораздо важнее, считают сторонники данной позиции, «наличие компетентных людей, способных принимать квалифицированные решения» [8, с. 157].

На это справедливо возражают (*вторая позиция*), что в прошлом веке российское государство уже имело опыт пребывания у власти «компетентных людей», занимавшихся «убеждением и воспитанием граждан», вместо того чтобы считаться с их мнениями, и этот опыт вряд ли можно назвать удачным. Сохраняя сам принцип такого подхода, мы рискуем снова совершить те же ошибки, а именно неверно отразить в законе общественный интерес, и навязывать этот закон с помощью репрессивных механизмов [13, с. 780]. Поэтому правотворчество необходимо осуществлять в соответствии с общей волей народа.

На наш взгляд, обе представленные точки зрения содержат в себе рациональное зерно.

Прежде всего, не следует забывать, что общественное мнение народа может неправильно отражать его действительные потребности. Так, в условиях социальных потрясений общественное мнение нестабильно и легкоуправляемо, и потому неразумно ставить его во главу угла. Также и в условиях острой необходимости социальных реформ, неосуществление которых грозит в будущем резким ухудшением благосостояния общества, общественное мнение может оказаться неготовым к переменам, и поэтому правильнее будет изменять его, а не потакать пагубным устоям. Можно привести примеры из российской истории. Так, в начале XX века государ-

ственная власть в России пришла к четкому осознанию неэффективности сельской общины как хозяйственной единицы и необходимости во благо нормального экономического развития страны разрешить крестьянам свободный выход из общины (на хутор или на отруб) [2, с. 213–214; 7, с. 577]. Однако общинные крестьяне крайне негативно относились к тем, кто воспользовался предоставленным правом на выдел [10; 16, с. 264]. Таким образом, подавляющее большинство населения страны негативно относилось к целесообразной по своей сути правовой норме. Другой пример имел место в СССР. Конституция СССР 1977 года устанавливала, что руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). В литературе утверждается, что «долгие годы эта формулировка разделялась и поддерживалась подавляющим большинством граждан» [11, с. 70]. В то же время известно, что командная экономика, поддерживаемая КПСС, к тому времени уже обнаружила свою принципиальную неэффективность, а сам партийный аппарат становился все более коррумпированным. То есть, большинство людей поддерживало нецелесообразную правовую норму. В обоих случаях, как мы полагаем, имеет место неверное осознание людьми своих же собственных интересов. Резюмировать можно словами А. Гамильтона, который выразился о соотношении общественного мнения и мнения членов представительного органа власти: «Когда интересы людей расходятся с их склонностями, долг лиц, назначенных быть хранителями этих интересов, воздержаться от преходящих заблуждений, дать время и возможности для хладнокровных и уравновешенных размышлений» [15, с. 468].

Кроме того, как пишет С. С. Алексеев, «необходимо с должной строгостью отдавать ясный отчет в том, что негативные стороны характерны не только для юридического регулирования..., но в не меньшей мере и для морали... Наряду с общепринятой и передовой моралью существует и порой сохраняет крепкие позиции мораль отсталая, архаичная, фиксирующая порядки, отвергнутые историей и прогрессом» [1, с. 213]. Вышеприведенные примеры лояльного отношения к коррупции в современной России или лояльного отношения к расовой дискриминации в США в середине XX века показывают верность данного тезиса. Моральное разложение в Древнем Риме конца республиканского периода и в России начала 1990-х гг. также может рассматриваться как его подтверждение. В результате, мы получаем еще один аргумент против безусловного учета общественного мнения, даже если оно квалифицировано и не является следствием политтехнологических манипуляций. Мы видим, что население лояльно относится к коррупции, но означает ли это, что менять общественное мнение и общественную мораль не следует? Отнюдь. То же самое относится и к другим проблемам морали российского общества. Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин отмечал, в частности, nepотизм (кумовство) и экстремистское правосознание [6, с. 17]. Таким образом, законодательство не всегда должно отражать общественную мораль; в некоторых ситуациях оно призвано менять ее возможными мерами.

Традиция критики общественного мнения проходит через все Новое и Новейшее время (от Бэкона до Липпмана). Мы лишь обратим внимание на

предложенную в середине XX века Э. Фроммом (1900 – 1980) концепцию социального характера. Данный автор писал, что причины, по которым социум может неправильно осознавать свои действительные потребности и интересы, связаны с объективными внешними условиями и с той социальной системой, которая является ответной реакцией на эти условия. Любой член общества изначально воспитывается так, чтобы иметь возможность функционировать в соответствии с требованиями устоявшейся социальной системы. Семья, являясь агентом общества, заботится о том, чтобы ребенку с раннего детства хотелось действовать именно так, как он должен действовать. В результате, согласно Фромму, вырабатывается так называемый «социальный характер», то есть доминирующая в обществе ценностная ориентация. При этом не соответствующие сложившимся ценностям мысли и чувства у большинства членов общества вытесняются в бессознательное. Это означает, что данные мысли и чувства будут отрицаемы под любым предлогом, поскольку их допущение означало бы вызов всему обществу и его системе. Однако если объективные условия меняются, возникает необходимость изменить как социальную систему, так и соответствующие ей ценности. И в этом случае большинство членов общества, скорее всего, окажется неготовым к таким переменам, всячески отрицая их значимость; доминирующее общественное мнение будет противоречить общественным интересам [17, с. 85 – 160]. На этом, собственно, и основывается марксистская критика современного общества потребления, поскольку каждый человек в нем пытается пробудить в другом человеке надуманные вожеления, и в итоге взаимный обман становится смыслом жизни [12, с. 128–129]. Это, в свою очередь, ведет к вечному недовольству и повсеместному эгоизму, поэтому капитализм, согласно Марксу, априори не может сделать людей счастливыми, не служит общему благу. Однако сложившаяся система ценностей не позволяет людям осознать этого.

Итак, законы действительно не всегда должны соответствовать общественному мнению. Говоря обобщенно, законы должны ориентироваться не столько на общественное мнение, сколько на общественные потребности и интересы, понятые в русле идеи справедливости (равенства). «Ведь в конечном итоге законодателю нужно не мнение (даже если это и общественное мнение), а знание, точнее – достоверное знание о тех социальных потребностях и интересах, которые скрываются за теми или иными мнениями» [13, с. 786]. Иными словами, общественное мнение имеет не нормативное значение, а значение некоторого маркера. Конечной целью как права, так и морали и других социальных регуляторов является справедливость, которая отвечает на вопрос о том, какие именно потребности и интересы следует удовлетворять и защищать, а какие нет. В юридической литературе, поэтому, верно отмечается, что ответственные депутаты – суть те, которые «интересуются не только тем, что люди думают сегодня, но и тем, как изменить их установки, убедить согласиться с тем, с чем они сейчас не согласны, принять закон, пусть даже он сегодня кажется неприемлемым» [9]. Именно этот подход в большей степени соответствует традиции русской философии права. Так, С. И. Гессен рассматривал общую волю народа не как готовую сущность, которую отображает представи-

тельный орган, а «как цель или как задание политического действия. Задача всякого акта государственной власти и заключается в том, чтобы создавать общую волю, искать ее путем непрерывного сглаживания интересов, путем отказа отдельных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, исключая все другие» [4, с. 200]. Демократия, по Гессену, нужна для того, чтобы закон, путем вовлечения в процесс создания общей воли всех групп и слоев, стал действительным социальным компромиссом, а не инструментом господства какого-то одного класса. Следовательно, теоретически даже в демократическом обществе законы должны соответствовать идеалу правового государства. Таким образом, именно справедливость, а не общественное мнение, имеет приоритет. Поэтому если в той или иной ситуации законодательство в большей степени, чем общественная мораль, отражает идею справедливости, то оно однозначно имеет приоритет перед ним.

Ранее было сказано о том, что рациональное зерно присутствует и в позиции необходимости учета общественного мнения при законотворчестве. Рассмотрим теперь и эту позицию. Вообще, ее критика в юридической литературе основана, как правило, на том допущении, что результаты политических выборов правильно отображают долгосрочное общественное мнение, поэтому избранные населением органы не обязаны учитывать какие-либо иные разрозненные сиюминутные мнения [13, с. 783]. Однако при этом не учитывается, *во-первых*, что при голосовании на выборах люди нередко заботятся лишь о своих личных интересах, не имея внятной публичной политической позиции, а *во-вторых*, сами избранные представители власти зачастую выражают не публичный, а частный интерес. *Первый* из названных аспектов может проявляться, в частности, в голосовании представителей меньшинств за ту или иную партию лишь по причине поддержки ей этого меньшинства, в голосовании за кандидата той же расы лишь по причине его расы, в голосовании определенным образом под угрозой увольнения с работы или, напротив, в связи с обещанными карьерными перспективами или денежным вознаграждением, в агитации за того, а не иного кандидата лишь потому, что он предложил больший, чем его конкуренты, гонорар и т.д. *Второй* аспект имеет место, поскольку каждый избранный депутат естественным образом стремится использовать новую должность для реализации своих личных интересов, парламент всегда испытывает сильное влияние лоббистов, правящие партии и должностные лица выполняют свои предвыборные обещания и программы лишь постольку, поскольку это необходимо для переизбрания (а это не так много с учетом подконтрольности им, как правило, избирательных комиссий и основных СМИ). Распространенность вышеперечисленных ситуаций хорошо известна и настолько очевидна, что не требует подробного обоснования. Уже поэтому позиция, согласно которой представительный орган всегда верно отражает общественное мнение, не выдерживает критики. Поэтому учитывать общественное мнение представительному органу все же имеет смысл.

Существуют веские причины делать это.

Во-первых, общественное мнение в принципе является важным индикатором потребностей общества, и потому должно всесторонне учиты-

ваться законодателем, в том числе посредством опросов населения, публичных слушаний по социальным проблемам, обсуждений особо значимых законопроектов. «Как бы ни было возбуждено и неустойчиво общественное мнение, за ним всегда стоят объективные потребности общественной жизни. Зачастую эти потребности могут быть неосознаваемы самими носителями общественного мнения, представлены в суждениях общественного мнения в завуалированном и просто искаженном виде. Однако если за изменчивыми и внешне противоречивыми высказываниями и оценками общественного мнения исследователям удастся увидеть пульсацию жизненных интересов... то они получают информацию, которая необходима для создания законов, отвечающих действительным потребностям общественного развития» [13, с. 786]. Речь здесь идет снова об общественном мнении как маркере потребностей, проблем и интересов отдельных социальных групп. Но более важен другой вопрос – как обойтись с этими проблемами, потребностями и интересами с точки зрения справедливости. Имеет ли здесь общественное мнение хоть какое-то значение? Следующие два аспекта соотношения законодательства и общественного мнения призваны ответить на данный вопрос.

Итак, *во-вторых*, стоит отметить, что даже, казалось бы, разумный закон, противоречащий общественным устоям, может вызвать резкое неприятие со стороны населения, в результате чего рискует оказаться всего лишь декларацией и не получить должного применения. Руссо писал: «Когда обычаи уже установились и предрассудки укоренились, опасно и бесполезно было бы пытаться их преобразовать» [14, с. 182]. И хотя данное утверждение спорно, ведь отсутствие борьбы с предрассудками может означать согласие с несправедливостью, доля истины в нем все же есть. При принятии законов следует тщательно продумывать как принудительные, так и поощрительные механизмы его реализации, а также проводить соответствующую работу по просвещению населения. Однако, если указанные механизмы не приводят к положительному результату, этого нельзя ставить обществу в вину. Ибо социальный характер, обусловленный традиционным укладом, является мощнейшим и объективным фактором общественного развития. Спонтанный социальный порядок (по выражению Ф. фон Хайека), который он рождает, может прямо противоречить принципу рациональности [6, с. 17]. В современной юридической литературе, в частности, утверждается, что выполнение правовых норм в значительной мере обуславливается тем, в какой мере они соответствуют обычаям, морали и ценностям общества. Г. В. Мальцев пишет: «Правовой способ регуляции общественных отношений... теряет значительную часть своей силы в изоляции от других регулятивных форм» [13, с. 101]. А. Б. Венгеров также отмечает, что «причины многих правонарушений коренятся в несоответствии конкретных законов... исторически сложившимся пластам духовной жизни, стереотипам поведения» [2, с. 553–554]. С учетом этого представляется, что закон, который в принципе невозможно применить из-за неприятия его обществом, либо сеющий в общество разрушительную смуту, априори не является правильным. Формально его содержание может быть справедливым, но если он не имеет должных ме-

ханизмов реализации, его справедливость оказывается «половинчатой», могущей принести лишь вред.

Наконец, *в-третьих*, общественное мнение важно потому, что в вопросах справедливости сложно найти однозначные ответы. Наиболее распространенными в научной литературе является мнение, согласно которому мнение экспертов должно касаться лишь средств достижения основных целей общества, но при этом никто не вправе указывать человеку саму цель, поскольку не существует «экспертов по ценностям» [20, с. 280, 288]. Но даже если данное мнение ошибочно, и «эксперты по ценностям» существуют, никогда нельзя быть точно уверенным в том, кто именно является экспертом. Отсюда – важность не только постоянных дискуссий в обществе, но и связи этих дискуссий с законодателем. Соответственно, развитие демократических институтов, учет общественного мнения по важным вопросам политической повестки, взаимодействие гражданского общества и государственной власти – все это оказывает неоценимую услугу делу справедливости. Отход от общественного мнения при законотворчестве усиливает роль государственного принуждения, которое, в свою очередь, не всегда строго отделено от насильственного произвола. Конечно, само по себе мнение большинства не является определяющим для справедливости. Так, главная идея справедливости – принцип равенства или беспристрастности – нами постулируется таким образом, что она была бы действительна даже в отсутствие сложившегося и весьма широкого консенсуса вокруг нее. Этим консенсусом мы обосновываем лишь значимость ее разработки применительно к различным сферам общественной жизни, но не саму эту идею. И все же учитывать общественное мнение важно для того, чтобы сделать поиск справедливости более объективным.

Однако в этом случае мы, по всей видимости, должны учитывать не столько общественное мнение, сколько моральную позицию общества. Разграничение этих двух понятий предоставил Р. Дворкин. Он убеждал, что моральной позицией является то, что человек может аргументировать, но не всякое обоснование считается надлежащим. Так, автор выделял предубеждения (когда мы осуждаем людей за то, что от них не зависит, например, негативно относимся к чернокожим или гомосексуалистам), эмоциональные реакции (не все, что вызывает неприязнь, является безнравственным, так как именно норма нравственности должна определять эмоциональную реакцию, а не наоборот), фактические ошибки (умозаключения, не соответствующие принятым в обществе стандартам рациональности) и ссылки на мнение других лиц («большинства»). Использование в аргументации предубеждений, эмоций, рационализаций или ссылок на мнение других лиц обычно не считается убедительным. Кроме того, ссылки на какие-либо основания не могут быть противоречивыми (например, если мы ссылаемся на авторитет Библии в одной ситуации, было бы логично учитывать ее и в других ситуациях). Следовательно, не следует путать предубеждения, рационализации и негативные реакции большинства, их непродуманные высказывания с общественной моралью [5, с. 336–342]. Отсюда, законодатель может следовать общественной морали, но при этом идти вразрез с общественным мнением. Р. Дворкин пишет: «Законодателя, который отказывается видеть в широко распространенных проявлениях негодования, нетерпимости и отвращения моральную позицию общества,

нельзя обвинять в моральном высокомерии. Он не просто противопоставляет свои просвещенные взгляды взглядам широкой публики, которая их не приемлет. Он делает все возможное, чтобы утвердить особую и принципиально важную часть общественной морали» [5, с. 345].

Подобное разграничение, в свою очередь, ставит вопрос о том, насколько допустимо с моральной точки зрения поведение, противоречащее общественному мнению в области морали. С точки зрения Дворкина получается, что такое поведение не всегда означает нарушение общественной морали. Но, как представляется, это делает ситуацию неоправданно запутанной. Логичнее было бы все же говорить о нарушении общественной морали в случае, если соответствующее поведение не соответствует морально должному, по мнению большинства членов общества. В свою очередь, то разграничение, которое предложил Дворкин, будет уместно лишь при рассмотрении узкой проблемы соотношения общественного мнения и справедливости. Соответственно, поступок вопреки общественному мнению формально аморален, но вместе с тем общество получает сигнал о необходимости пересмотра существующей морали и выработки того, что Дворкин и назвал моральной позицией общества.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Общественное мнение не всегда справедливо. Законодательство также не всегда справедливо. Справедливость имеет приоритет и над тем, и над другим. Следует различать общественное мнение и моральную позицию общества. Законодателю следует учитывать и то, и другое, но по разным причинам и с различными целями. В условиях социальных потрясений, острой необходимости социальных реформ и в других случаях, когда общественное мнение неадекватно отражает общественный интерес, а также в случаях, когда оно явно несправедливо, как отдельному индивиду, так и законодателю в некотором смысле дозволено преступать через него. В то же время необходимо помнить, что общественное мнение – важный индикатор потребностей общества, и отступление от него должно быть умеренным и обоснованным. При принятии противоречащего общественному мнению закона нужно учитывать возможную реакцию общества на него: не исключено, что последняя принесет вред больший, чем польза указанного закона (вызовет массовый правовой нигилизм, социальные протесты и т.п.). В свою очередь учет моральной позиции общества является важной защитой против сползания политического режима в тоталитаризм.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.
2. **Венгеров А. Б.** Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. 608 с.
3. **Вятр Е.** Социология политических отношений: пер. с польского / Под ред. и с предисл. Ф. М. Бурлацкого. М.: Прогресс, 1979. 463 с.
4. **Гессен С. И.** Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. 812 с.
5. **Дворкин Р.** О правах всерьез / Пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой; ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.

6. **Зорькин В. Д.** Право эпохи модерна // Рос. газ. 2010. № 5217 (138).
7. **История** России с древнейших времен до наших дней: учебник / Под ред. А. П. Сахарова. М.: Проспект, 2011. 768 с.
8. **Карцева И.** Общество, лишённое мифов: Изложение содержания доклада В. Э. Шляпентоха в Институте социологии АН СССР // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 157.
9. **Кибак И. А.** Общественное мнение и законотворческая деятельность // Вестник Самарского юридического института. 2011. № 3. С. 15 – 20.
10. **Козлов С.** Проснувшаяся деревня: Столыпинские аграрные реформы в Центрально-Нечерноземной России 1907 – 1914 гг. // История. 2007. № 12. С. 6 – 15.
11. **Лившиц Р. З.** Теория права: учебник. М.: Бек, 1994. 208 с.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Экономическо-философские рукописи 1844 года // Соч. Т. 42. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 41 – 174.
13. **Проблемы** общей теории государства и права / Под ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2004. 832 с.
14. **Руссо Ж.-Ж.** Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
15. **Федералист.** Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея: пер. с англ. / Под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева, коммент. О. Л. Степановой. М.: Прогресс – Литера, 1994. 592 с.
16. **Федоров В. А.** История России, 1861 – 1917: учеб. для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2000. 384 с.
17. **Фромм Э.** По ту сторону порабащивающих нас иллюзий. Дзен-буддизм и психоанализ / Пер. с англ. Т. В. Панфиловой, Э. А. Гроссман. М.: АСТ, 2010. 320 с.
18. **Сумерки богов** / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. 398 с.
19. **Хингибидзе Ц. Ч., Горозия В. Е.** Маркузеанская критика западной цивилизации // Человек. Государство. Глобализация: сб. философских ст. / Под ред. В. В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. Вып. 3. С. 279 – 295.
20. **Хеффе О.** Есть ли будущее у демократии? О современной политике / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М.: Дело, 2015. 328 с.

References

1. **Alekseyev S.S.** *Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to the law. Searches and solutions], Moscow: NORMA, 2001, 752 p. (In Russ.).
2. **Vengerov A.B.** *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law: textbook]. 2nd ed. Moscow: Omega-L, 2005, 608 p. (In Russ.).
3. **Vyatr Ye., Burlatskogo F.M. (Ed.)** *Sotsiologiya politicheskikh otnoшений* [Sociology of political relations], Moscow: Progress, 1979, 463 p. (In Russ.).
4. **Gessen S.I.** *Izbrannyye sochineniya* [Selected works], Moscow: ROSSPEN, 1999, 812 p. (In Russ.).
5. **Dvorkin R., Makeyeva L.B. (Ed.)** *O pravakh vs'er'yez* [Seriously about rights], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004, 392 s. (In Russ.).
6. **Zor'kin V.D.** *Rossiskaya gazeta*. 2010, no. 5217 (138). (In Russ.).
7. **Sakharov A.P. (Ed.)** *Istoriya Rossii s drevneyshikh времен do nashikh dney* [History of Russia from ancient times to the present day: textbook]. Moscow: Prospekt, 2011, 768 p. (In Russ.).
8. **Kartseva I.** [A society devoid of myths: Presentation of the content of the report by V. E. Shlapentokh at the Institute of Sociology of the USSR Academy of Sciences], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 1991, no. 1, pp. 157. (In Russ.).
9. **Kibak I.A.** [Public opinion and legislative activity], *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo institute* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2011, no. 3, pp. 15-20. (In Russ.).
10. **Kozlov S.** [The awakened village: Stolypin's agrarian reforms in Central Non-Black Earth Russia 1907-1914], *Istoriya* [History], 2007, no. 12, pp. 6-15. (In Russ.).
11. **Livshits R.Z.** *Teoriya prava* [Theory of law: textbook]. Moscow: Bek, 1994, 208 p. (In Russ.).

12. **Marks K., Engel's F.** *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophical manuscripts of 1844], *Sochineniya* [Works], v. 42. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1974, pp. 41-174. (In Russ.).
13. **Nersesyants V.S. (Ed.)** *Problemy obshchey teorii gosudarstva i prava* [Problems of the general theory of state and law], Moscow: NORMA, 2004, 832 p. (In Russ.).
14. **Russo Zh.-Zh.** *Traktaty* [Treatises], Moscow: Nauka, 1969, 704 p. (In Russ.).
15. **Yakovlev N.N. (Ed.)**. *Federalist. Politicheskiye esse A. Gamil'tona, Dzh. Medisona i Dzh. Dzheya* [Federalist. Political essays by A. Hamilton, J. Madison and J. Jay], Moscow: Progress-Litera, 1994, 592 p. (In Russ.).
16. **Fedorov V.A.** *Istoriya Rossii, 1861 – 1917* [History of Russia, 1861-1917: textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 2000, 384 p. (In Russ.).
17. **Fromm E.** *Po tu storonu poraboshchayushchikh nas illyuziy. Dzen-buddizm i psikhoanaliz* [Beyond the illusions that enslave us. Zen Buddhism and Psychoanalysis], Moscow: AST, 2010, 320 p. (In Russ.).
18. **Yakovlev A.A. (Ed.)**. *Sumerki bogov* [Twilight of the gods], Moscow: Politizdat, 1990, 398 p. (In Russ.).
19. **Khintibidze Ts.Ch., Goroziya V.Ye.** [Marcusean criticism of Western civilization], *Chelovek. Gosudarstvo. Globalizatsiya* [Person. State. Globalization: a collection of philosophical articles]: sb. filosofskikh st. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoye filosofskoye obshchestvo, 2005, Issue 3, pp. 279-295. (In Russ.).
20. **Kheffe O.** *Yest' li budushcheye u demokratii? O sovremennoy politike* [Does democracy have a future? On modern politics], Moscow: Delo, 2015, 328 p. (In Russ.).

Public Opinion and Justice

N. A. Shaveko, *Cand. Sci. (Law), Senior Researcher,
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia;
Shavekonikolai@gmail.com*

The article considers the question of whether the legislator should always take into account public opinion. The problems of defining the concept of public opinion are considered: a distinction is made between what people think, say and do. In the context of the Rousseist distinction between the "common will" and the "will of all", one's own position regarding public opinion is formulated. Further, it is proved that both public opinion and the current legislation are not always fair, while justice as a social ideal takes precedence over both. Hence, it is concluded that legislation, being a form of striving for justice, should not always take into account public opinion. At the same time, the practical significance of taking into account public opinion in the context of the realization of the ideal of justice, identifying the actual needs of members of society, as well as the moral justification of values and determining the persons authorized for such justification is justified. A distinction is made between public opinion and moral position of society. It is argued that the legislator should take into account both public opinion and the moral position of society, but for different reasons and for different purposes.

Keywords: public opinion; legality; justice; legislation; law; morality.

© Н. А. Шавеко, 2022

Статья поступила в редакцию 06.07.2021

При цитировании использовать:

Шавеко Н. А. Общественное мнение и справедливость // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 35 – 45. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.035-045

Причины возникновения международного терроризма можно подразделить на три основные группы: политические, религиозные и социально-экономические. Появление информационного общества – это первая и одна из самых важных предпосылок распространения международного терроризма. Реальные государственные проблемы, возникающие в процессе исторического развития в различных сферах общественной жизни в какой-либо стране, есть вторая предпосылка международного терроризма. Научно-технический прогресс является третьей предпосылкой террористических проявлений в мире.

Ключевые слова: международный терроризм; национальная безопасность; причины проявлений международного терроризма.

Алексей Иванович Бельский, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовно-правовых дисциплин, полковник полиции,
ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт МВД России
имени И. Д. Путилина», Белгород, Россия;
sembel77@yandex.ru

Виктория Игоревна Якимова, доцент группы дознания
Отделения МВД России по Пристенскому району, лейтенант полиции,
Белгород, Россия
vika.yakimowa29@yandex.ru

ПРИЧИНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Введение

Нынешнее общество переживает фундаментальные и динамичные перемены, которые всецело отражаются как на мировой политике, так и на политике отдельных государств. Сейчас глубокий кризис наблюдается в международных экономических отношениях, происходят изменения в духовной жизни всего общества. Перед современным миром встают все новые угрозы (в том числе международный терроризм), которые чаще всего носят глобальный характер и требуют адекватной оценки со стороны всего мирового сообщества и немедленного принятия совместных усилий для уничтожения этих угроз. Международный терроризм за последние годы стал одной из самых важных и глобальных проблем человечества.

Современный терроризм развивается в контексте глобализационных процессов, происходящих на планете, что приводит к резкому повышению уровня его угроз как для национальной, так и для международной безопасности. Происходит стирание границ между внутригосударственным и международным терроризмом, а терроризм как явление и террор как метод устрашения всячески поддерживаются рядом стран, становятся средством развязывания современных войн и вооруженных конфликтов.

Обсуждение

Проявления международного терроризма посягают на безопасность всего мира в целом, то есть в результате совершения международного террористического акта может быть причинен ущерб сразу нескольким государствам либо спровоцированы социальные, политические, национальные и религиозные столкновения; начало войны между государствами, подрыв суверенитета или нарушение территориальной целостности какой-либо страны (стран) и т.п. Ядерный, химический, биологический и компьютерный терроризм являются наиболее опасными для человека и окружающей среды видами международного терроризма, так как могут привести к непоправимым последствиям и многочисленным человеческим жертвам, а также экологическим катастрофам [6].

В XIX веке терроризм преобразовался в важный фактор политической жизни общества. Этому свидетельствует множество проведенных террористических акций, направленных против представителей правящих кругов, например, покушение на Наполеона III (1858), убийство Карла III – герцога Пармского (1854), сербского князя Михаила Обреновича III (1868), президента Французской республики С. Карно (1894), покушения на королеву Испании Изабеллу и герцога Фердинанда III (1856), канцлера Германии Отто Бисмарка (1874), прусского короля Вильгельма I (1849). Данные преступления были совершены в целях смены политического режима страны, свержения правящей династии, изменения общественного устройства и т.п. [1]. В XX веке произошла качественная деформация террористической системы, вырос уровень террористической угрозы по всему миру. Появляются первые международные террористические связи. Терроризм появляется в Латинской Америке, Азии, преобразуется в весьма опасный и эффективный фактор политической конфронтации на межгосударственном уровне. В настоящее время терроризм представляет серьезную опасность и для РФ.

Международный терроризм как разновидность транснациональной преступности зародился сравнительно недавно, около 60 лет назад, во второй половине двадцатого столетия. Множество резонансных терактов произошло в условиях «холодной войны» (1946 – 1989 гг.), то есть в период противостояния между СССР и их союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками – с другой. На тот момент времени международные террористы были орудием в руках спецслужб и наиболее радикальных политических сил. Стремление США любым способом вытеснить СССР из Республики Афганистан, которая сейчас находится на втором месте в мире по числу совершенных на ее территории террористических актов, во многом способствовало формированию одной из самых крупных и опасных на сегодняшний день международной террористической организации «Аль-Каида». Ее членами 11 сентября 2001 г. было организовано четыре самых масштабных теракта на территории Соединенных Штатов Америки, в результате которых погибло около 3000 человек.

В условиях политической обстановки в мире в то время, пользуясь противостоянием между различными политическими системами (капитализм и социализм), военно-политическими союзами (страны НАТО и Варшавского договора), региональными конфликтами и разногласиями

между отдельными группами и слоями населения, террористы в своей противоправной деятельности вышли за границы своих государств. С этого момента и начинается развитие такого преступного явления, как международный терроризм.

Причины возникновения международного терроризма можно подразделить на три основные группы: политические, религиозные и социально-экономические [2]. К политическим причинам можно отнести политическую нестабильность, в период которой зачастую возрастает число совершенных террористических актов; использование террористических методов не только отдельными лицами или организациями, но и целыми государствами для достижения поставленных целей; недостаток мер принимаемых мировым сообществом по обеспечению защиты и безопасности населения; конфликт Запада и Востока, в котором терроризм являлся одним из наиболее действенных способов ведения борьбы; создание мирового «информационного» общества, а также начало процесса манипуляции массовым сознанием [3].

Религия всегда являлась одним из наиболее эффективных средств воздействия на человеческое сознание, а особенно в условиях политической и социально-экономической нестабильности общества, например, как во второй половине XX века. Именно тогда появляются религиозные течения, пропагандирующие насилие, что и является одной из причин возникновения такой глобальной проблемы современного мира, как международный терроризм. На данный момент самые крупные и опасные международные террористические организации проповедуют ислам, с помощью его оправдывают свои действия.

Социально-экономическими причинами возникновения исследуемого преступного деяния являются, во-первых, низкий уровень жизни и развития населения отдельных районов планеты. Многие люди совершают террористические акты из-за недостатка финансовых ресурсов с целью заработать денег, так как терроризм – деятельность хорошо оплачиваемая, ведь этот нелегальный бизнес способен приносить своим организаторам немалую прибыль, что и является второй социально-экономической причиной возникновения международного терроризма. Также к ряду таких причин можно отнести неравномерное развитие стран, потерю большим количеством населения идеологических, духовных и нравственных жизненных ориентиров.

Появление информационного общества – это первая и одна из самых важных предпосылок распространению международного терроризма. Так как терроризм возник в Европе – наиболее развитой части земного шара, где люди постоянно общаются и читают газеты, тем самым каждый день получая все новую информацию [4]. В такой обстановке средства массовой информации (СМИ) начинают оказывать воздействие на массы, а с появлением радио, телевизоров это влияние только начинает увеличиваться, и террористы этим не могли не воспользоваться. СМИ для них становятся наиболее удобным инструментом распространения своих идеологий и целей, а также орудием воздействия на сознание большого числа людей.

Реальные государственные проблемы, возникающие в процессе исторического развития в различных сферах общественной жизни в какой-

либо стране, есть вторая предпосылка международного терроризма. В благополучной стране, где народ доволен своим социальным, экономическим положением, где четко сформированы нравственные и духовные устои, где государство заботится о своих гражданах как в области их безопасности и защиты от преступных посягательств, так и в области их материального обеспечения, духовного обогащения, культурного развития, терроризм как явление слабо выражен, так как обычно террористы опираются на какую-либо национально-освободительскую идеологию, пользуются различными религиозными, этническими конфликтами, их воздействие обычно направленно на уязвимые элементы государства.

Научно-технический прогресс – третья предпосылка террористических проявлений в мире. В результате проникновения цифровых технологий в жизнедеятельность современного человека стало возможным появление нового социального пространства, которое получило название виртуальной реальности. Современная наука под виртуализацией понимает любое замещение реальности неким образом, породившим так называемое киберпространство, которое изменило само понимание реальности. В связи с этим в сознании человека реальность разделилась на объективную и виртуальную, а широкое распространение информационных технологий породило новые проблемы и угрозы.

Всемирная информационная компьютерная сеть Интернет есть средство, с помощью которого международные террористические организации осуществляют свою деятельность и распространяют свои идеи. В настоящее время аналитиками разных государств отмечается стремительный рост активных пользователей глобальной сети Интернет. Так, согласно докладу Антимонопольного центра БРИКС, в Азии – их уже более 1,5 млрд, в США более 312 млн, на Европейском континенте – более 300 млн, в Африке – более 100 млн, а в Российской Федерации – 109,5 млн человек¹. На сегодняшний день Интернет охватывает практически все страны нашей планеты. Это обусловлено тем, что с применением новых технологий (использование мобильных спутниковых устройств связи) подключение к сети Интернет возможно из любой точки мира. С помощью различных социальных сетей, которыми, как мы видим, пользуется большая часть населения планеты, террористы, являясь великолепными психологами, подталкивают людей к совершению теракта либо же вербуют их в свои преступные организации.

Заключение

Еще в 2000 году на конференции по проблемам защиты от кибертеррора (Вашингтон, США) отмечалось, что компьютерный терроризм – это уже не теория, а реальность [5]. Методы совершения данного вида терроризма не только наиболее безопасны для самих террористов, но и могут привести к непоправимым последствиям. Это подтверждает, во-первых,

¹ Доклад Антимонопольного центра БРИКС «Новые подходы к защите конкуренции в условиях цифровой экономики» // VI Конференция по конкуренции под эгидой БРИКС. 2019. [Электронный ресурс]. URL: bricscompetition.org (дата обращения: 30.11.2021).

то, что электронный терроризм обладает определенно высокой степенью анонимности, не встречающейся в более традиционных формах свершения террористических актов. Во-вторых, кибертерроризм уменьшает либо устраняет потребность в географической близости к цели. Удаленная способность вести кибератаку является главным фактором транснационального характера совершения террористических актов и привлечения новых членов. В-третьих, в отличие от традиционных террористических методов кибертерроризм может оказывать возможность прямого воздействия на большое число людей, что приводит к повышению осведомленности о конкретных действиях (угрозе совершения каких-либо действий) и широко распространению нужной информации.

Международный терроризм является одной из наиболее опасных угроз нашей планеты и требует от мирового сообщества принятия немедленных мер по борьбе с ней, пока ситуация не ухудшилась. В настоящее время настала острая необходимость криминализации международного терроризма. Уголовное законодательство Российской Федерации идет в ногу со временем, остро чувствуя различного рода, в том числе и такие, угрозы обществу, и не могло не отреагировать на такие преступные проявления. В 2016 году Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. претерпел изменения. 6 июля 2016 года в Уголовный кодекс РФ была введена новая статья 361 «Акт международного терроризма».

Список литературы

1. **Батанина И. А., Огнева В. В.** Международный терроризм: глобальный политический контекст // Известия Тульского государственного университета. 2019. № 2. С. 3 – 10.
2. **Косов Ю. В.** Международный терроризм как глобальная проблема [Электронный ресурс] / Антропология: web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kosov-yuv/mezhdunarodnyu-terrorizm-kak-globalnaya-problema> (дата обращения: 30.11.2021).
3. **Лебедева И. Н.** Терроризм как глобальная проблема современности // Вопросы современной юриспруденции: сб. ст. по матер. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012. С. 118.
4. **Михалёв Ю. А.** Особенности современного терроризма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 658. С. 187
5. **Сайтарлы Т.** Опыт США в расследовании компьютерных преступлений. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.crime-research.ru/news/2002/09/1103.htm> (дата обращения: 30.11.2021).
6. **Хазанов А. М., Олимпиев А. Ю.** Терроризм: ответы США, Европы и Израиля: монография. М.: Закон и право: ЮНИТИ, 2019. 287 с.

References

1. **Batanina I.A., Ogneva V.V.** [International terrorism: the global political context], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tula State University], 2019, no. 2, pp. 3-10. (In Russ.).
2. **Kosov Yu.V.** [International terrorism as a global problem], *Antropologiya: web-kafedra filosofskoy antropologii* [Anthropology: web-department of philosophical anthropology], available at: <http://anthropology.ru/ru/text/kosov-yuv/mezhdunarodnyu-terrorizm-kak-globalnaya-problema> (accessed 30 November 2021).
3. **Lebedeva I.N.** [Terrorism as a global problem of our time], *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii: sbornik statei po materialam XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Issues of modern jurisprudence: a Collection of Articles based on the

materials of the XIII International Scientific and Practical Conference], Novosibirsk, 2012, pp. 118. (In Russ.).

4. **Mikhailov Yu.A.** [Features of modern terrorism], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2012, no. 658, pp. 187 (In Russ.).

5. **Saytarly T.** [US experience in investigating computer crimes], available at: <https://www.crime-research.ru/news/2002/09/1103.htm> (accessed 30 November 2021).

6. **Khazanov A.M., Olimpiyev A.Yu.** *Terrorizm otvety SSHA, Yevropy i Izrailya* [Terrorism responses to the USA, Europe and Israel], Moscow: Zakon and pravo: YUNITI, 2019, 287 p. (In Russ.).

The Causes of International Terrorism as a State-Legal Problem

A. I. Belsky, *Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Colonel of the Police, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia;*
sembel77@yandex.ru

V. I. Yakimova, *Investigator of the Inquiry Group of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Priestensky district, Police Lieutenant, Belgorod, Russia;*
vika.yakimowa29@yandex.ru

At present, deep crisis is observed in international economic relations; changes are taking place in the spiritual life of the entire society. The modern world is facing ever new threats (including international terrorism), which are most often of a global nature and require an adequate assessment by the entire world community and the immediate adoption of joint efforts to eliminate these threats. In recent years, international terrorism has become one of the most important and global problems of humanity.

Modern terrorism is developing in the context of the globalization processes taking place on the planet, which leads to a sharp increase in the level of its threats to both national and international security. The borders between domestic and international terrorism are being erased, and terrorism as a phenomenon and terror as a method of intimidation are being supported in every possible way by a number of countries, becoming a means of unleashing modern wars and armed conflicts. The causes of international terrorism can be divided into three main groups: political, religious and socio-economic. The emergence of the information society is the first and one of the most important prerequisites for the spread of international terrorism. The real state problems that arise in the process of historical development in various spheres of public life in any country are the second prerequisite for international terrorism. Scientific and technological progress is the third prerequisite for terrorist manifestations in the world.

Keywords: international terrorism; national security; causes of manifestations of international terrorism.

© А. И. Бельский, 2022

© В. И. Якимова, 2022

Статья поступила в редакцию 30.11.2021

При цитировании использовать:

Бельский А. И., Якимова В. И. Причины международного терроризма как государственно-правовая проблема // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 46 – 51. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.046-051

Рассмотрены понятие «хулиганство», виды ответственности. Проведено разграничение хулиганства в уголовном и административном праве. Проанализированы особенности уголовной и административной ответственности за хулиганские действия. Даны описания отличительных черт ответственности за действия хулиганского характера в административном и уголовном праве. На практике у правоприменителей возникают сложности в отграничении мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ) от хулиганства (ст. 213 УК РФ). Этим объясняется необходимость продолжения изучения темы.

Цель: отграничить преступление «хулиганство» от административного правонарушения «мелкое хулиганство».

Методы: методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод, метод системности, сравнительно-правовой метод.

Результаты: даны отличительные признаки состава преступления (ст. 213 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 20.1 КоАП РФ).

Выводы: указанные деяния отличаются по объекту посягательства, степени общественной опасности, а также видам наказания.

Ключевые слова: хулиганство; общественный порядок; общественная безопасность; административное право; уголовное право.

Александр Геннадьевич Упоров, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», Новокузнецк, Россия;
uporov65@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ХУЛИГАНСТВА В УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Понятие «хулиганство» в уголовном праве

Хулиганство, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), – одно из наиболее распространенных преступлений, посягающих на охраняемый законом общественный порядок.

Лицо, виновное в совершении указанного преступления, привлекается к уголовной ответственности тогда и только тогда, когда грубое нарушение общественного порядка, имеющее своей целью выразить явное неуважение к обществу, совершено при следующих условиях (причем для наступления ответственности достаточно наличия одного из перечисленных условий):

1) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

2) по политическим, идеологическим, расовым, национальным или религиозным мотивам либо по мотивам ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы;

3) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом другом общественном транспорте.

Указанные в ч. 1 ст. 213 УК РФ виды хулиганства условно можно разделить на три группы: вооруженное, экстремистское и транспортное.

Отметим, что правоприменитель сталкивается с определенными трудностями, решая вопрос о квалификации содеянного. Хулиганство рассматривается как преступление, представляющее собой грубый проступок при явно выраженном неуважении к социуму.

Характеризуя хулиганство как грубое нарушение общественного порядка, законодатель использует оценочную категорию («грубое»). Таким образом, закономерно возникает вопрос, что в каждом конкретном случае будет являться грубым нарушением порядка в обществе, которое является уголовно-наказуемым деянием, а что является «негрубым», попадающим под действие Кодекса об административных правонарушениях РФ.

Обратим внимание на то, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении¹ (*далее* – Постановление Пленума ВС РФ) не дает разъяснений по поводу того, при каких обстоятельствах (условиях) нарушение общественного порядка должно признаваться судами как грубое.

Согласно п. 1 Постановления Пленума ВС РФ, судам при решении вопроса о квалификации совершенного деяния следует обращать внимание на способ, время и место совершения деяния, его интенсивность и иные обстоятельства. Кроме того, судом должно быть установлено, в каких конкретно действиях виновного лица выразилось грубое нарушение общественного порядка, что должно быть отражено в приговоре суда. При этом в качестве квалифицирующих признаков выступает совершение деяния с применением оружия, и иные признаки, указанные в УК РФ.

Более жесткие меры наказания предусмотрены за уголовное хулиганство, которое распространяется на организованные группы и отдельных лиц, применяющих взрывчатые вещества в нарушение общественного порядка. Независимо от нормы права, применяемой к правонарушению, должен существовать объект хулиганских посягательств [3, с. 23].

На практике такие действия носят стихийный характер, отношения с жертвой или жертвами хулиганства строятся на основе неприязни или личной неприязни. Например, хулиганством является нападение на мирно идущих вечером граждан, которые имеют определенный достаток.

Второе направление, согласно которому хулиганство совершается по Уголовному кодексу РФ, является экстремистским. Умысел хулиганских действий в таком случае основан на различных видах мотивации – это может быть расовая, политическая, идеологическая мотивация, из-за которой совершается хулиганское нападение, в целом такая мотивация противоречит гарантированным Конституцией РФ правам граждан.

Самостоятельную группу правонарушений и преступлений образуют случаи хулиганства на транспорте. В данном случае нарушители общественного спокойствия – хулиганы могут воздействовать на пострадавших

¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета. 21.11.2007. № 260.

при путешествиях на бортах воздушных судов, морских судов либо же автомобилей.

Вышеуказанный вид ответственности был введен законодателем в апреле 2017 года в качестве особого вида преступления, который связан с дополнительной опасностью для общества. При этом угроза безопасности транспортных средств позволяет квалифицировать данное деяние в качестве преступного.

В современной России хулиганство продолжает происходить в основном со стороны несовершеннолетних. По закону такие лица не могут быть привлечены даже к административной ответственности.

Для отнесения граждан к категории хулиганов требуются определенные действия, которые квалифицируются по соответствующим нормам уголовного права РФ. В виде наказания за хулиганство можно получить штраф, если совершенные действия квалифицируются по ч.ч. 1 или 2 ст. 213 УК РФ.

Если совершенное преступление-хулиганство носит смежный характер с экстремизмом, то есть преступление-хулиганство совершается с применением взрывчатых веществ, то в данном случае санкцией ч. 3 ст. 213 УК РФ предусмотрено лишение свободы на срок от 5 до 8 лет.

В качестве объекта преступления по ст. 213 УК РФ выступают общественные ценности и общественный порядок, в том числе могут быть дополнительные цели преступных посягательств, такие как достоинство, честь и здоровье граждан, в том числе имущество и условия жизни граждан, а также это могут быть интересы организаций. При этом грубость деяния-хулиганства как необходимый признак преступления по ст. 213 УК РФ выступает как оценочный фактор.

Суд обязан учитывать время, место и продолжительность воздействия на объект посягательства в каждом случае. Умысел в виде необходимого элемента преступления выражен в степени противодействия обществу.

Существующая правоприменительная практика по хулиганству включает ситуации, когда нарушители наказываются по совокупности преступлений, например, за хулиганство (ст. 213 УК РФ) и причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ).

В Постановлении Пленума ВС РФ даны разъяснения по квалификации преступлений, связанных с нарушением общественного порядка. Чтобы определить тяжесть совершенного преступления, нужно изучить обстоятельства дела, в каких условиях было совершено преступление или преступления. Обязательно должны быть учтены квалифицирующие признаки – групповое это деяние или нет, был ли факт сопротивления представителям власти, а также возможна ли квалификация преступления по совокупности статей.

В случае отсутствия основания для применения уголовно-правовых санкций судам следует ссылаться на положения ст. 20.1 КоАП РФ. Так, например, ключевыми отличиями вандализма от хулиганства являются конкретный результат деяния – а именно, повреждалось ли имущество, строения или здания, в том числе в общественных местах.

Зачастую применение уголовного законодательства осуществляется в комплексе, поскольку хулиганство как опасное для общества деяние сопровождается вандализмом и наоборот. Хулиганские действия происходят спонтанно, как правило, умысел отсутствует. Массовые же беспорядки характеризуются наличием большого числа людей. Нужно учитывать, что провокаторы могут иметь план действий и цель. При умышленной организации беспорядков проводится подготовительная работа, и имеет место агитация. Как следствие, толпа ведет себя агрессивно, тем самым выражая возмущение и неприятие к установленному общественному порядку.

Преступления против личности часто готовятся и планируются заранее. Однако правонарушения, направленные против общественного порядка хулиганскими, совершаются не последовательно. Хулиганом самим провоцируются конфликты с потерпевшими. Действия хулигана, как правило, не подвластны логике, при совершении преступления все происходит на эмоциональном порыве.

Понятие «хулиганство» в административном праве

За совершенные хулиганские действия лицо привлекается к административной ответственности по КоАП РФ только тогда, если причиненный им вред не является значительным. Объективная сторона мелкого хулиганства включает в себя совокупность двух обязательных признаков – нарушение общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, и одного из трех, перечисленных в ст. 20.1 КоАП РФ, факультативных признаков (нецензурная брань, оскорбительное приставание к гражданам либо уничтожение или повреждение чужого имущества).

Уничтожение или повреждение чужого имущества – объективный признак состава административного правонарушения – мелкого хулиганства. Этот признак является факультативным признаком наряду с действиями, сопровождающимися оскорбительными ругательствами и оскорблениями граждан в общественных местах.

Мелкое хулиганство, сопровождающееся повреждением или уничтожением чужого имущества, правоприменителю следует ограничивать не только от хулиганства, наказуемого по ст. 213 УК РФ, но и от ч. 2 ст. 167 УК РФ, то есть от умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенных из хулиганских побуждений.

Принимая во внимание разъяснения, данные в п. 14 Постановления Пленума ВС РФ, квалификация деяния как уголовно- или административно-наказуемого будет зависеть от размера причиненного ущерба в результате совершения хулиганских действий.

Так, если умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества совершены из хулиганских побуждений, что повлекло за собой причинение значительного ущерба гражданину, который согласно ч. 2 ст. 158 УК РФ определяется с учетом его имущественного положения и не может быть менее 5000 рублей, то такие действия образуют состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ. В иных случаях, когда гражданину причинен ущерб на сумму менее 5000 рублей, например, на 1000 рублей,

то действия виновного образуют состав административного правонарушения (ст. 20.1 КоАП РФ).

Таким образом, законодателем четко определены действия, которыми может быть нарушен общественный порядок:

- 1) ненормативная лексика (нецензурная брань) в общественных местах;
- 2) оскорбительное преследование граждан;
- 3) уничтожение или повреждение чужого имущества.

Предполагается, что те же действия будут свидетельствовать о нарушении общественного порядка, если они будут совершаться с использованием оружия или других предметов, которые используются в качестве оружия, но таковым не являются.

Таким образом, «объектом мелкого хулиганства выступает тоже общественный порядок, то есть порядок поведения людей в общественных местах, который регламентируется законом, и обеспечивает спокойствие граждан, их честь, достоинство и неприкосновенность личности, сохранность имущества, нормальное функционирование государственных органов и общественных организаций» [5, с. 16].

Так, например, если при мелком хулиганстве основным объектом преступления является общественный порядок, то при стрельбе из пистолета в местах, не предназначенных для этого, – общественная безопасность. В последнем случае общественный порядок становится уже не основным, а дополнительным объектом, на который посягает субъект преступления.

При описании хулиганства на практике часто возникают спорные ситуации, требующие более подробного и глубокого анализа обстоятельств преступления. Это обусловлено тем, что действия виновного лица могут нанести ущерб другим интересам, защищенным уголовным правом. Например, в результате действий декриминализованного лица случайные прохожие могут пострадать или нанести ущерб имуществу.

В настоящее время существует определенная категория преступлений, то есть преступления, совершенные по хулиганским мотивам.

Административным видом хулиганства «считается пренебрежение к установленным нормам поведения» [4, с. 88].

Мелким хулиганством в соответствии с КоАП РФ считается нецензурная брань и оскорбления, а также умышленное уничтожение или повреждение имущества, которое принадлежит другому лицу.

Сходства и различия трактовок, их проблематика

На практике правоприменительные органы часто испытывают трудности при квалификации совершенного деяния: совершено хулиганство (ст. 213 УК РФ) или мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ).

Мелкое хулиганство характеризуется его повсеместностью, разнообразием форм и мест проявления.

Хулиганство в Уголовном кодексе РФ определяется как преступление, которое является серьезным проступком с явным неуважением к обществу. В статье предусмотрено несколько квалифицирующих при-

знаков, в частности, речь идет о совершении действия с применением оружия и других признаков, указанных в Уголовном кодексе РФ.

Более суровые наказания назначаются за уголовное хулиганство от организованных групп и лиц, использующих взрывчатку, в нарушение общественного порядка.

В современной России хулиганство продолжает происходить в основном со стороны несовершеннолетних. По закону эти лица даже не могут быть привлечены к административной ответственности.

Чтобы разделить граждан на категорию хулиганов – административных и уголовных, необходимы определенные действия, соответствующие нормам уголовного права Российской Федерации. Важно, чтобы действия виновного совершали акт хулиганства, который связан «с грубым нарушением общественного порядка и выражением явного неуважения к обществу», а не из-за личных неприязненных отношений.

В качестве наказания за хулиганство можно получить наказание по частям 1 и 2 ст. 213 УК РФ.

Если совершенное преступление-хулиганство примыкает к экстремизму, то есть если преступление-хулиганство было совершено при использовании взрывчатки, то в этом случае предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

Многие аналитики российского законодательства задаются вопросом о необходимости «пересмотра» хулиганства [1]. Чтобы определить тяжесть совершенного преступления, следует учитывать качественные признаки – является ли это действие групповым или нет, является ли оно сопротивлением представителям власти, и характер преступления по ряду статей.

Если нет оснований для введения уголовно-правовых санкций, суды должны обратиться к положениям ст. 20.1 КоАП РФ.

Хулиганские действия происходят спонтанно, намерения обычно нет. Беспорядки характеризуются наличием большого количества людей. Следует учитывать, что у провокаторов может быть план действий и цель. При организации преднамеренных беспорядков проводятся подготовительные работы, и происходит агитация.

Поскольку хулиганство на территории РФ является массовым и организованным, считаем целесообразным дополнить перечень действий, за совершение которых будет наступать административная или уголовная ответственность.

Согласно статистике, представленной Министерством внутренних дел РФ, граждане стали реже привлекаться к ответственности по ст. 20.1 («Мелкое хулиганство») КоАП РФ.

Количество рассмотренных судами дел об административных правонарушениях, совершенных по ст. 20.1 КоАП РФ, в 2017 году составило 225 817, из них 213 602 гражданина привлечены к административной ответственности (94 %), в 2018 – 212 852 дел рассмотрено, привлечены к ответственности – 202 440 (95,1 %), 2019 – 202 350 дел, наказаны 193 449 граждан (95 %) ².

² Судебная статистика РФ: офиц. сайт [Электронный ресурс]: URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 13.02.2021).

Итак, хулиганство в УК РФ рассматривается как преступление, представляющее собой грубый проступок при явно выраженном неуважении к социуму. При этом в качестве квалифицирующих признаков выступает совершение деяния с применением оружия, и иные признаки, указанные в УК РФ. Более жесткие меры наказания предусмотрены за уголовное хулиганство, которое распространяется на организованные группы и отдельных лиц, применяющих взрывчатые вещества в нарушение общественного порядка. Независимо от нормы права, применяемой к правонарушению, должен существовать объект хулиганских посягательств [3].

На практике такие действия носят стихийный характер, отношения с жертвой или жертвами хулиганства строятся на основе неприязни или личной неприязни. Например, хулиганством является нападение на мирно идущих вечером граждан, которые имеют определенный достаток.

Второе направление, согласно которому хулиганство совершается по Уголовному кодексу РФ, является экстремистским. Умысел хулиганских действий в таком случае основан на различных видах мотивации – это может быть расовая, политическая, идеологическая мотивация, из-за которой совершается хулиганское нападение, в целом такая мотивация противоречит некоторым гарантированным Конституцией РФ правам. Особое внимание законодателем уделяется так называемому «транспортному» хулиганству: в КоАП РФ и УК РФ – это самостоятельный состав правонарушения (преступления).

В описанной ситуации хулиганы, посягающие на общественное спокойствие, воздействуют на пострадавших при путешествиях на различных видах транспорта: на бортах воздушных, морских судов либо же автомобилей. Вышеуказанный вид ответственности был введен законодателем в апреле 2017 года, в качестве особого вида преступления, который связан с дополнительной опасностью для общества. При этом угроза безопасности транспортных средств позволяет квалифицировать данное деяние в качестве преступного.

В современной России хулиганство продолжает происходить в основном со стороны несовершеннолетних. По общему правилу к административной ответственности привлекается лицо, которое во время совершения административного правонарушения, в том числе мелкого хулиганства, достигло шестнадцати лет (ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ). Если несовершеннолетний не достиг указанного возраста, то по закону такое лицо не может быть привлечено к административной ответственности. Стоит отметить, что в таких случаях компетентными органами будет решаться вопрос о постановке лица, совершившего мелкое хулиганство, на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних, причем в некоторых случаях до достижения возраста административной ответственности [2, с. 210].

Что касается возраста уголовной ответственности для привлечения виновного лица по ст. 213 УК РФ, то здесь важную роль играет квалификация содеянного. Так, если совершено деяние, содержащее признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ, то субъектом уголовной ответственности является достигший возраста шестнадцати лет несовершеннолетний. Если действия хулигана квалифицированы по ч. 2 или ч. 3 ст. 213 УК РФ, то уголовную ответственность будет нести несо-

вершеннолетний, достигший на момент совершения уголовно-наказуемого деяния четырнадцати лет.

Таким образом, для отнесения граждан к категории хулиганов требуются определенные действия, которые квалифицируются по соответствующим нормам уголовного права РФ.

Список литературы

1. **Иванова Л. С.** Хулиганство и его общественная опасность // Российский следователь. 2018. № 4. С. 51 – 53.
2. **Мятникова К. И.** Цели административных наказаний // Вестник современных исследований. 2018. № 8.4(23). С. 208 – 212.
3. **Оноколов Ю. П.** О взаимосвязи предупреждения административных правонарушений и уголовных деяний // Таможенное дело. 2011. № 4. С. 23 – 27.
4. **Суховская М. Г.** Недетские проступки детей: когда родители должны возместить вред [Электронный ресурс] // Главная книга. 2019. № 3. С. 88 – 92. URL: https://glavkniga.ru/elver/2019/3/3999-nedetskie_prostupki_detej_kogda_roditeli_dolznyi_vozmestiti_vred.html (дата обращения: 12.01.2022).
5. **Трусов А. И., Техов Д. Н.** О необходимости совершенствования конструкции состава ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 15 – 18.

References

1. **Ivanova L.S.** [Hooliganism and its social danger], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator], 2018, no. 4, pp. 51-53. (In Russ.).
2. **Myatnikova K.I.** [Goals of administrative punishments], *Vestnik sovremennykh issledovaniy* [Bulletin of modern research], 2018, no. 8.4(23), pp. 208-212. (In Russ.).
3. **Onokolov Yu.P.** [On the relationship between the prevention of administrative offenses and criminal acts], *Tamozhennoye delo* [Customs business.], 2011, no. 4, pp. 23-27. (In Russ.).
4. **Sukhovskaya M.G.** [Non-childish misconduct of children: when parents must compensate for harm], *Glavnaya kniga* [Main book], 2019, no. 3, pp. 88-92: available at: https://glavkniga.ru/elver/2019/3/3999-nedetskie_prostupki_detej_kogda_roditeli_dolznyi_vozmestiti_vred.html (accessed 12 January 2022).
5. **Trusov A.I., Tekhov D.N.** [On the need to improve the design of the composition of Art. 20.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation “Petty hooliganism”], *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice], 2019, no. 8, pp. 15-18. (In Russ.).

Characterization of the Distinction between Hooliganism in Criminal and Administrative Law

A. G. Uporov, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of the Chair of State and Legal Disciplines,
Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia;
uporov65@mail.ru*

The article considers the concept of hooliganism, types of liability. The author made a distinction between hooliganism in criminal and administrative law. The peculiarities of criminal and administrative

responsibility for hooligan actions were analyzed. Distinctive features of responsibility for actions of a hooligan nature in administrative law and criminal law are described. In practice, law enforcement officers have difficulties in delimiting petty hooliganism (Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation) from hooliganism (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation). This explains the need to continue to study the topic.

The purpose is to distinguish the crime of hooliganism from the administrative offense of “petty hooliganism”.

Research methods: The methodological basis of the study is the universal dialectical method, the system method, and the comparative legal method.

Results: The author gives distinctive features of the corpus delicti (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) and administrative offense (Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation).

Conclusions: The author concludes that these acts differ in the object of the attack, the degree of public danger, as well as the types of punishment.

Keywords: hooliganism; public order; public safety; administrative law; criminal law.

© А. Г. Упоров, 2022

Статья поступила в редакцию 07.07.2021

При цитировании использовать:

Упоров А. Г. Характеристика разграничения хулиганства в уголовном и административном праве // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 52 – 60. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.052-060

Исследованы вопросы, связанные со способами совершения мошенничества. Доказано, что в качестве разновидности обмана, в предмете может быть выделен обман в цене товара. Обоснованы критерии, при наличии которых завышение цены может быть квалифицировано как мошеннический обман. Цель статьи – проанализировать особенности совершения мошенничества, сопряженного с обманом в цене. Приведены примеры квалификации завышения цены в качестве мошенничества с обманом в цене. Рассмотрено расширение сферы данного мошенничества в современной экономике. Сделан вывод об обусловленности выделения обмана в цене в качестве способа совершения мошенничества, так как подобный обман обладает рядом специфических признаков, что соответствует необходимым критериям его отдельного выделения и изучения в доктрине уголовного права.

Ключевые слова: хищение; мошенничество; способ совершения преступления; обман; злоупотребление доверием; обман в цене.

Александр Викторович Курсаев, канд. юрид. наук,
главный эксперт-специалист,
Договорно-правовой департамент МВД России, Москва, Россия;
kursaev@list.ru

МОШЕННИЧЕСТВО С ОБМАНОМ В ЦЕНЕ

Введение

Собственность – экономический базис любых общественно-государственных отношений. Деятельность по охране права собственности на имущество является неперенным элементом деятельности любого государства, а в Российской Федерации следует из ст. 17 Конституции Российской Федерации. На борьбу с противоправными посягательствами на собственность направлены преступления, противостоящие хищениям, одним из которых является мошенничество.

Мошенничество (ст. 159 УК РФ) представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Данное деяние достаточно распространено, а число осужденных за его совершение в целом стабильно. В частности, за мошенничество (ст.ст. 159 – 159⁶ УК РФ) было осуждено в 2016 г. – 22091 человек, 2017 г. – 23059, 2018 г. – 22638, 2019 г. – 22836, 2020 г. – 21870 человек.

По особенностям способа совершения хищения в форме мошенничества УК РФ выделяет две разновидности рассматриваемого преступления: 1) завладение имуществом путем обмана; 2) завладение имуществом путем злоупотребления доверием.

Наличие так называемого мошеннического обмана, при помощи которого виновный воздействует на поведение другого лица – потерпевшего, создавая у него неправильное представление об обстоятельствах, имеющих значение для определения поведения обманываемого, является краеугольным для квалификации деяния в качестве мошенничества. За мошеннический обман отвечает тот, кто в какой-либо момент до окончания преступления своим поведением дал другому лицу основание предполагать, что виновный утверждает или отрицает обстоятельства, имеющие значение для определения решимости потерпевшего передать виновному свое имущество (право на имущество) или совершить в его пользу имущественные действия.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» разъясняет, что обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение. Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Безусловно, способы обмана (обманные приемы) весьма многочисленны. В то же время разновидности обмана определяются обстоятельствами, образующими его содержание.

Обсуждение

Указанное выше позволяет представителям уголовно-правовой доктрины выделить несколько способов обмана.

Фойницкий И. Я. в своей фундаментальной работе «Мошенничество по русскому праву» выделял обман в предмете сделки, в лице и в других обстоятельствах, если они имеют в данном случае значение вознаграждения либо обеспечения за него за теряемое обманутым имущество [16, с. 107].

Профессор Б. С. Никифоров к предмету мошеннического обмана относил предмет сделки, личность контрагента и другие обстоятельства, суждение о которых в конкретном случае определило деятельность обманутого [12, с. 123].

В свою очередь, Г. Н. Борзенков выделял обман в отношении личности получателя имущества, обман относительно предметов, обман по поводу различных событий или действий либо обман в намерениях [4, с. 35].

Аналогичной с Г. Н. Борзенковым позиции придерживаются А. И. Бойцов [3, с. 338] и Р. Б. Осокин [13, с. 13].

В свою очередь, П. Л. Сердюк в качестве мошеннического обмана предлагает выделять обман в отношении личности получателя имущества, обман в отношении событий, фактов, обстоятельств, обман относительно подлинности документов или их значения (силы), обман относительно количества, качества или принадлежности предметов [14, с. 51].

Профессор А. Г. Безверхов выделяет обман в отношении личности (обман в лице), обман в отношении предмета (обман в предмете) и обман относительно иных обстоятельств действительности (действий, событий и др.) [2, с. 251].

Ф. Н. Багаутдинов и Л. С. Хафизова предлагают выделять обман в отношении личности, обман относительно различных предметов, обман по поводу различных событий и действий, обман в намерениях [1, с. 66].

Более подробную классификацию мошеннического обмана предлагает Н. А. Лопашенко, которая выделяет обман относительно действительных намерений, обман в предмете преступления (в его свойствах, качестве или количестве), обман в каких-либо фактах или событиях, обман в личности виновного, обман в игре так называемый «цыганский обман», в том числе обман с использованием гадания, обман в лечении или целительстве [11, с. 210].

Множественность способов обмана заставила многих авторов отказаться от исследования конкретных способов обмана и перейти непосредственно к проблемам квалификации проблемных случаев мошенничества. Так, В. А. Владимиров и Ю. И. Ляпунов писали о том, что обманом может быть признана любая ложная информация, любое фальсифицирование истины независимо от того, насколько примененный обман искусен и убедителен, а также от того, какова форма, в которую он облечен [7, с. 44].

Схожей позиции придерживался и С. И. Сирота, отмечавший, что способы обмана могут быть самые разнообразные. Обман может выражаться в сообщении потерпевшему заведомо неправильных ложных сведений или в умолчании о таких обстоятельствах, о которых виновный обязан был сообщить независимо от того, относятся они к настоящему, прошедшему или будущему [15, с. 93].

Таким образом, практически все указанные авторы отмечали возможность наличия обмана относительно каких-либо предметов. Наиболее часто данный вид обмана присутствует, когда стороны выступают в качестве сторон какой-либо сделки (покупателя и продавца).

Обман относительно предметов может иметь свои разновидности. В первую очередь, это обман относительно существования предметов. Наиболее типичным случаем такого обмана является «продажа» несуществующих предметов.

В частности, по двум эпизодам по ч. 2 ст. 159 УК РФ была осуждена гражданка Воробьева Д. В., которая посредством сети Интернет на сайте бесплатных объявлений «Авито.ру» в первом случае разместила объявления о продаже несуществующих американских норковых шуб, а во втором – пальто и куртки. Получив полную оплату за приобретение данных товаров, виновная скрылась¹.

¹ Приговор Анапского городского суда Краснодарского края от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-313/2017.

Аналогичные случаи, при которых, не имея в наличии необходимого товара для реализации и не намереваясь выполнять взятые на себя обязательства перед потерпевшим, но сообщая ему заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения о том, что приобретенный им товар будет ему передан (доставлен) после внесения предоплаты или оплаты за него в полном размере, имел место в отношении автомобильных запчастей², мобильных телефонов³, семян подсолнечника⁴.

Теория уголовного права также выделяет обман относительно количества предметов. Так, по конкретному делу обманом было признано хищение денежных средств Управлением Федеральной почтовой связи Оренбургской области, выразившегося в предоставлении недостоверных сведений о наименовании и количестве поставляемых автозапчастей в адрес УФПС Оренбургской области, то есть осуществлять поставку запасных частей на автомобили в меньшем количестве, чем указано в представленных документах, в результате чего виновное лицо извлекло при этом прибыль от недопоставки в адрес УФПС Оренбургской области автозапчастей⁵.

Следующую группу мошеннических обманов составляют обманы относительно качества (тождества) предметов.

В качестве примера можно привести случаи квалификации по статье 159 УК РФ преступлений, связанных с продажей ювелирных изделий, выполненных их недрагоценного металла желтого цвета, под видом золотых изделий⁶.

Данные виды мошеннического обмана в предмете достаточно хорошо разработаны уголовно-правовой доктриной.

Однако существует еще один вид мошеннического обмана относительно предметов, сама возможность квалификации по которому вызывает определенные споры. Это так называемый обман в цене.

Одни ученые отрицают самостоятельное существование обмана в цене как способа мошеннического обмана.

В частности, в литературе распространена точка зрения об обмане в цене как о частном случае обмана в качестве товара. Указанный тезис обосновывается тем суждением, что цена товара выступает одной из объективных характеристик имущества. Отсюда делается вывод о том, что назначение высокой цены за вещь представляет собой способ выдачи ее не за то, чем она является в действительности. Это и есть обман в цене, так

² Приговор Николаевского районного суда Волгоградской области от 7 февраля 2018 г. по делу № 1-109/2017.

³ Приговор Ахтубинского районного суда Астраханской области от 7 мая 2019 г. по делу № 1-43/2019.

⁴ Приговор Благодарненского районного суда Ставропольского края от 13 мая 2019 г. по делу № 1-4/2019.

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга от 20 мая 2020 г. по делу № 1-348/2020.

⁶ Приговор Октябрьского районного суда г. Тамбова от 29 ноября 2019 г. по делу № 1-535/2019; Постановление Октябрьского районного суда г. Владимира от 7 мая 2020 г. по делу № 1-145/2020; приговор Муромского городского суда Владимирской области от 18 февраля 2020 г. по делу № 1-81/2020.

как «субъект назначает за вещь цену, которую она на самом деле не стоит» [12, с. 128].

Аналогичной позиции придерживался и Г. Н. Борзенков, также относящий по общему правилу обман в цене к разновидности обмана в качестве предметов [4, с. 45].

Однако данное положение нам представляется спорным. Цена не является объективным признаком предмета, присущим ему изначально. Цена товара определяется на основе закона спроса и предложения и может корректироваться в процессе времени, что не позволяет относить цену товара к одному из элементов его качественных свойств.

Наоборот, качественные составляющие товара определяют его цену.

Однако, как отмечал И. Я. Фойницкий, «в цене купец волен» [16, с. 109]. Данное правило относит установление цены товара к области согласования между покупателем и продавцом. Если продавец приобрел товар по завышенной, как вследствие выяснится, цене, это обстоятельство не означает, что имел место обман. Покупатель может приобрести товар по более высокой цене вследствие ожидания предстоящего увеличения его стоимости на рынке, недостаточным исследованием конъюнктуры цен и иными причинами.

Данное обстоятельство ставит вопрос о том, имеет ли выделение обмана в цене теоретическое и практическое значение либо данный способ обмана представляет собой лишь схоластическую детализацию способов совершения мошенничества, лишённую практической значимости.

Теория уголовного права в качестве, пожалуй, единственного примера мошенничества с обманом в цене ставила вопрос о возможности обмана в сфере установленных государством розничных цен на товары.

Признавая возможность такого обмана, уголовная наука в то же время отрицала за ним возможность квалификации в качестве мошенничества. Так, И. Я. Фойницкий отмечал, что редкие примеры запрещения продажи определенных предметов высокой ценой основывались исключительно на мотивах обеспечения народонаселения дешевым продовольствием и всегда составляли «лишь полицейский проступок, не входя в мошенничество как в имущественное преступление» [16, с. 109]. В качестве примера данный автор приводил имевший место в судебной практике случай квалификации по ст. 1080 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1857 г.) случай сбора денег за провоз выше таксы. Статья 1080 устанавливала ответственность за сбор чиновником, состоящим на государственной или общественной службе, с проезжающих по дорогам в большом, против установленного, количестве и относилась к главе десятой «О нарушениях правил, установленных для сохранения путей сообщения».

Схожий подход, не относящий обман в цене к мошенничеству, был закреплен и в советском уголовном праве. Обман в цене квалифицировался как хозяйственное преступление и влек ответственность по ст. 128в УК РСФСР 1926 г., объективная сторона которой предусматривала, в том числе нарушение установленных розничных цен на товары широкого потребления в магазинах, лавках, ларьках, столовых, буфетах и т.п., и ст. 156 (Обман покупателей и заказчиков) УК РСФСР 1960 г., по которой каралось и превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов

на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые населению. По данным нормам квалифицировался обман в цене в отношении граждан.

Комментируя данное законодательное регулирование, Г. Н. Борзенков также отмечал самостоятельное значение обмана в цене только в случае превышения твердых цен, установленных государством (оптовых, розничных, закупочных и др.). Однако нарушение этих цен признавалось им не мошенничеством, а хозяйственными преступлениями [4, с. 45].

Впрочем, грань между хозяйственными преступлениями и мошенничеством в случае обмана в цене не была достаточно четкой, и в отдельных случаях названный вид обмана уже квалифицировался в качестве мошенничества. Такое имело место в том случае, когда обманутыми оказывались не отдельные граждане, а государственная или общественная организация (в том числе колхозы).

Например, как хищение были квалифицированы действия заведующего ларьком отдела рабочего снабжения Малхасьяна, который продал промартели 200 кг сахара с превышением государственной розничной цены и разницу в стоимости обратил в свою пользу. Исходя из того, что Малхасьян обратил в свою пользу не средства покупателей – отдельных лиц, а средства кооперативной организации, содеянное было квалифицировано именно как хищение общественного имущества⁷.

Такое правило квалификации в судебной практике имело место и в дальнейшем. Так, в судебной практике разъяснялось, что действия представителя колхоза, реализующего на рынке продукцию по более высокой против установленной колхозом цене и присваивающего разницу между предполагаемой и фактически полученной выручкой, должны квалифицироваться как хищение колхозно-кооперативного имущества⁸.

В иных случаях, не связанных со сферой государственного регулирования цен, обосновывалась невозможность обмана в цене в отношениях между гражданами. Это объяснялось тем, что в таких отношениях цена определяется по соглашению между покупателем и продавцом. Квалификация обмана в цене как мошенничества допускалась лишь в случае, если обман в цене являлся следствием обмана в качестве (тождестве) предмета. Если же такого обстоятельства не имелось, и, как отмечал Г. Н. Борзенков, продавец не обманывал покупателя относительно качества товара, то в его действиях состав мошенничества отсутствует [4, с. 45].

Действующее российское законодательство предусматривает государственное регулирование цен на алкогольную⁹, а также на табачную или никотинсодержащую¹⁰ продукцию, лекарственные препараты¹¹.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 марта 1950 года по делу Малхасьяна.

⁸ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924 – 1977. Часть 2. М., 1978. С. 227.

⁹ Пункт 5 статьи 11 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Однако за нарушение данного запрета установлена не уголовная, а административная ответственность (ст. 14.6 «Нарушение порядка ценообразования» и ч. 4 ст. 14.4.2 «Нарушение законодательства об обращении лекарственных средств» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Таким образом, уголовно-правовой аспект обмана в цене посредством превышения твердых цен, установленных государством, в настоящее время утратил свою актуальность.

Данная ситуация позволила некоторым ученым поставить вопрос об отсутствии мошенничества, связанного с обманом в предмете.

Клуб уголовного права *De lege lata*, научно-образовательный центр «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ и редакция журнала «Уголовное право» 7 июня 2021 года провели в дистанционном формате заседание круглого стола «Мошенничество с обманом в цене». Спикер данного заседания Г. А. Есаков указал, что действия (бездействия) лица, внешне могущие быть охарактеризованы как обман в цене, в действительности, по мнению докладчика, не являются обманом в цене как способом совершения этого преступного деяния.

В данном случае правильность данного тезиса будет зависеть от того, известны ли практике конкретные казусы, связанные с обманом в цене. Как формой правообразования является легализация правовой практики [10, с. 496 – 501], так и юридическая наука черпает свои силы и получает свое дальнейшее развитие из проблем, стоящих перед практическими работниками.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в процитированном выше пункте 2 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» прямо допускает возможность мошенничества посредством сообщения ложных сведений (либо сведений, о которых умалчивается), относящихся к стоимости имущества.

Теоретическое представление об обмане в мошенничестве также допускает возможность наличия и обмана в цене. И действительно, обман, по сути, представляет собой любое умышленное искажение действительного положения вещей, при котором происходит сознательная дезинформация потерпевшего, преднамеренное введение его в заблуждение относительно определенных фактов и обстоятельств с целью побудить его передать определенное имущество мошеннику.

Профессор В. А. Владимиров верно отмечал, что мошенническим обманом может быть признано любое фальсифицирование истины [6, с. 92].

Соответственно, такое фальсифицирование истины может иметь место и относительно цены товара, при которой покупатель осведомлен

¹⁰ Часть 2 статьи 13 Федерального закона от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции».

¹¹ Глава 12 «Государственное регулирование цен на лекарственные препараты для медицинского применения» Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

о количестве или качестве товара, однако введен в заблуждение относительно действительной стоимости товара.

Признак введения в заблуждение в данном случае означает, что между мошенником и покупателем существуют какие-либо доверительные отношения, в силу которых покупатель принимает во внимание доведенную до него цену товара и считает ее достоверной.

При отсутствии указанных признаков содеянное не может быть квалифицировано как мошенничество.

Так, покупка гражданином по завышенной цене какого-либо товара на рынке у первого же продавца, находящегося ближе всего ко входу к торговым рядам, будет свидетельствовать не о мошенничестве со стороны продавца, а о беспечности самого покупателя. Покупателю была сообщена цена, за которую продавец был готов продать товар, и покупатель имел возможность оценить разумность данной цены путем обращения к иным продавцам за установлением действительной стоимости вещи.

Иное будет иметь место в том случае, когда мошенник, используя сложившиеся отношения между ним и покупателем, сообщает ему недостоверную цену, рассчитывая, что покупатель в силу данных отношений действительно приобретет ее по завышенной цене.

Такие рода отношения могут следовать из того, что мошенник обладает функцией по экспертной оценке стоимости вещи, по определению ее наиболее вероятной цены на открытом рынке.

Такая функция может вытекать из профессиональных обязанностей мошенника, например, в случае, если он имеет статус оценщика, установленный Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

В частности, по конкретному головному делу виновный совершил хищение денежных средств, принадлежащих открытому акционерному обществу «Сбербанк России», путем обмана сотрудников «Сбербанка России», выразившегося в заключении кредитных договоров под залог имущества, приобретаемого им путем заключенных фиктивных сделок по приобретению и продаже указанного имущества, не имея истинных намерений исполнять принятые на себя обязательства по кредитным договорам, а также передавать предмет залога в случае неисполнения обязательств. В этих целях виновный обратился в оценочную компанию в целях умышленного завышения цены, которая составляла 18,5 млн руб., на части нежилого здания, общей площадью 877,3 м². В соответствии с отчетом об оценке рыночной стоимости стоимость указанного недвижимого имущества составила 61,2 млн руб.¹²

Аналогичная функция может следовать также из факта специального возложения покупателем на определенное лицо, оказавшееся мошенником, полномочий по определению стоимости имущества. Такое возложение полномочий должно основываться на соответствующем правовом основании.

¹² Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 23 января 2020 г. по делу № 1-126/2020.

В частности, статьей 38 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусмотрено создание в организации – государственном заказчике, специальной контрактной службы. В обязанности данной контрактной службы входит в том числе определение и обоснование начальной (максимальную) цену контракта и начальной цены единицы товара, максимального значения цены контракта¹³.

Практике известны такие многочисленные случаи.

В качестве типичного примера мошенничества с обманом в цене можно привести следующее уголовное дело. Иванова Н. Ф., являясь должностным лицом коммерческой организации, ответственным за закупку продуктов, получила от Кричкиной С. А. денежные средства в качестве коммерческого подкупа, за то, что доводила до руководства акционерного общества заведомо ложную информацию о выгодности договорных отношений с индивидуальным предпринимателем Кричкиной С. А., чем вводила руководство в заблуждение, лоббировала интересы Кричкиной С. А., подписывала первичные бухгалтерские документы на оплату поставленных продуктов питания, а также в силу своего служебного положения способствовала заключению с ней договоров поставки продуктов питания в Общество по завышенным ценам.

По просьбе Ивановой Н. Ф., Кричкина С. А. самостоятельно либо через подчиненных сотрудников фиксировала в договорах, счетах-фактурах и товарных накладных заведомо завышенные цены по сравнению с иными покупателями продуктов питания, подписывала данные документы и организовывала поставку продуктов питания в адрес Общества по заведомо завышенным ценам, а в дальнейшем получала оплату за поставленный товар, после чего часть из указанных денежных средств – «откат» (в среднем в размере 3 % от суммы денежных средств, перечисленных Обществом за поставленный товар) перечисляла или выдавала в качестве коммерческого подкупа Ивановой Н. Ф., выполняющей управленческие функции в коммерческой организации, за совершение действий в пользу Кричкиной С.А.

Судом действия Ивановой Н. Ф. были квалифицированы по совокупности как незаконное получение коммерческого подкупа в крупном размере и мошенничество в особо крупном размере (п. «г» ч. 7 ст. 204 и ч. 4 ст. 159 УК РФ), а действия Кричкиной С. А. – как незаконная передача предмета коммерческого подкупа в особо крупном размере и пособничество в особо крупном мошенничестве (пункт «в» ч. 3 ст. 204, ч. 5 ст. 33 и ч. 4 ст. 159 УК РФ)¹⁴.

Фактически в указанных случаях обман в цене тесно сопрягается с таким способом мошенничества как употребление доверием.

¹³ Подпункты 3.1.4, 3.2.2.1 Типового положения (регламента) о контрактной службе, утвержденного приказом Минфина России от 31 июля 2020 г. № 158н.

¹⁴ Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 9 июля 2020 г. № 1-9/2020.

Как правильно отмечает Г. В. Верина, для злоупотребления доверием характерно то, что мошенник использует доверительные отношения между ним и собственником или иным законным владельцем имущества [5, с. 117]. В данном случае обман и злоупотребление доверием настолько тесно взаимосвязаны между собой, что провести между ними грань, позволяющую их различить, достаточно сложно. Два данных способа мошенничества тесно переплетаются между собой, переходя на разных этапах реализации преступного умысла друг в друга. Указанное подтверждается и подсчетами Г. Н. Борзенкова, отметившего, что «мошенничество, совершенное путем злоупотребления доверием, не сопряженного с обманом, встречается крайне редко (0,6 % дел)» [4, с. 75].

Поэтому вполне обоснованным является суждение Г. А. Кригера, дававшего определение злоупотребления доверием в качестве разновидности обмана доверия [9, с. 156].

Специфика злоупотребления доверием как обмана в этом случае состоит только в том, что виновный не совершает действий, которые способны ввести в заблуждение лицо, владеющее имуществом, по передаче такого имущества. При злоупотреблении доверием этого просто не требуется в силу доверительных отношений между мошенником и собственником имущества.

Поэтому следует согласиться с мнением А. Г. Безверхова, заметившего, что «без использования чужого доверия, злоупотребления им, мошенничество является трудноосуществимым» [2, с. 280]. На этот же аспект указывает и Н. А. Лопашенко, когда пишет о том, что «в любом мошенничестве всегда присутствуют элементы и обмана, и злоупотребления доверием» [11, с. 230]. Таким образом, широкая потребность в экспертной оценке стоимости товара привела к реставрации такого способа мошенничества как обмана в цене товара.

Достаточно типичным также является случай мошенничества путем завышения стоимости приобретаемого жилья за счет средств материнского (семейного) капитала. Например, к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ была привлечена Тымко Н. И., которая сообщала потерпевшей стороне заведомо ложные и не соответствующие сведения о стоимости приобретаемого на средства материнского капитала жилого помещения, а также умалчивала об истинных характеристиках и состоянии данной недвижимости. В результате такого обмана Тымко Н. И. получила возможность в каждом конкретном случае совершить хищение чужого имущества. При квалификации действий суд в приговоре специально указал, что сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в том числе к стоимости имущества. Из установленных в ходе судебного следствия обстоятельств следует, что подсудимая Тымко Н. И., совершая каждое из вменяемых ей преступлений, еще до совершения преступлений знала о реальной стоимости объекта недвижимости, то есть о сумме, которая была уплачена при покупке этого объекта, а также о его техническом состоянии. Обман, путем которого совершалось хищение, заключался в том числе в указании Тымко Н. И. в договоре займа при его составлении завышенной стоимости объекта недвижимости для того, чтобы впоследст-

вии похитить заемные средства потребительского кооператива, а в случае, если Пенсионный фонд Российской Федерации не произведет оплату, средства материнского (семейного) капитала потерпевших – денежные средства физических лиц¹⁵.

В то же время следует учитывать, что само по себе искажение стоимости имущества не всегда может являться признаком хищения в форме мошенничества. Обманные действия должны влечь причинение материального ущерба и быть связаны с незаконным и безвозмездным изъятием имущества.

Так, Пленум Верховного Суда СССР не признал состава хищения в действиях В., который в закупочных актах увеличил стоимость купленного им для государственной организации мяса в целях возврата личных денег, затраченных им ранее в связи с покупкой мяса этому же учреждению [9, с. 158].

От обмана собственно в цене, связанного с неверным определением стоимости предмета, следует отличать ситуацию, при которой виновное лицо совершает обман в фактах именно для получения за вещь большей цены, чем она стоит в действительности.

Так, Кучеренко Н. Н. был признан виновным по ч. 2 ст. 159 УК РФ в том, что в целях получения материальной выгоды путем реализации верхней одежды несоответствующего качества и намеренно по завышенной стоимости сообщил сознательно заведомо ложные и несоответствующие действительности сведения о качестве и стоимости товара, и предложил Т., приобрести по явно завышенной цене шубу, сшитую из искусственного меха и куртку, сшитую из искусственной кожи, выдавая их за изделия, изготовленные из натурального меха и кожи. Т., являясь пожилой женщиной, в силу своего престарелого возраста не разбираясь в качестве товара, будучи уверенная в качестве приобретаемых изделий, передала ему денежные средства, будучи убеждена, что приобретает шубу, сшитую из меха норки, и куртку, сшитую из натуральной кожи¹⁶.

Обман в цене как способ мошеннического обмана известен и зарубежному законодательству. В частности, немецкая доктрина в качестве такого случая приводит пример, связанный с поставкой доильного агрегата с введением в заблуждение завышенной ценой [8, с. 466].

Заключение

Таким образом, обогащение виновного посредством обмана (введения в заблуждение) потерпевшего относительно действительной стоимости имущества не должно оставаться безнаказанным, а сами такие действия могут находиться в сфере уголовно-правового регулирования. Проведенное исследование показало, что выделение обмана в цене в качестве способа совершения мошенничества обоснованно как с практической, так и

¹⁵ Приговор Борского городского суда Нижегородской области от 6 мая 2020 г. № 1-19/2020.

¹⁶ Постановление Киселевского городского суда Кемеровской области от 18 февраля 2020 г. по делу № 1-141/2020.

теоретической точки зрения. Обман в цене, особенно в сфере государственных закупок, приобрел широкое распространение. В свою очередь, обман в цене обладает рядом специфических признаков, что обуславливает необходимость его отдельного выделения и изучения в доктрине уголовного права. Отказ от привлечения к уголовной ответственности и моральное одобрение мошеннического обмана в цене, выведение его за границы уголовного права фактически будет способствовать широкому распространению такого общественно-опасного поведения.

Список литературы

1. **Багаутдинов Ф. Н., Хафизова Л. С.** Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). М.: Юрлитинформ, 2008. 272 с.
2. **Безверхов А. Г.** Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.
3. **Бойцов А. И.** Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 773 с.
4. **Борзенков Г. Н.** Ответственность за мошенничество. Вопросы квалификации. М.: Юридическая литература, 1971. 168 с.
5. **Верина Г. В.** Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. 214 с.
6. **Владимиров В. А.** Квалификация похищений личного имущества. М.: Юридическая литература, 1974. 208 с.
7. **Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.** Социалистическая собственность под охраной закона. М.: Юридическая литература, 1979. 200 с.
8. **Жалинский А. Э.** Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2006. 560 с.
9. **Кригер Г. А.** Квалификация хищений социалистического имущества. М.: Юридическая литература, 1974. 336 с.
10. **Кулик О. В.** Правовая практика как фактор правотворчества // Право – явление цивилизации и культуры: сб. тр. конференции. Москва, 30–31 марта, 2018 г. М., 2019. С. 496 – 501.
11. **Лопашенко Н. А.** Посягательства на собственность. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 528 с.
12. **Никифоров Б. С.** Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 180 с.
13. **Осокин Р. Б.** Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 24 с.
14. **Сердюк П. Л.** Мошенничество в сфере банковского кредитования. М.: Юрлитинформ, 2009. 159 с.
15. **Сирота С. И.** Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1968. 203 с.
16. **Фойницкий И. Я.** Мошенничество по русскому праву. Сравнительное исследование. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1871. 553 с.

References

1. **Bagautdinov F.N., Khafizova L.S.** *Finansovoye moshennichestvo (ugolovno-pravovoy i kriminologicheskiy aspekty protivodeystviya)* [Financial fraud (criminal and criminological aspects of counteraction)], Moscow: Yurlitinform, 2008, 272 p. (In Russ.).

2. **Bezverkhov A.G.** *Imushchestvennyye prestupleniya* [Property crimes], Samara: Izdatel'stvo "Samarskiy universitet", 2002, 359 p. (In Russ.).
3. **Boytsov A.I.** *Prestupleniya protiv sobstvennosti* [Crimes against property], St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2002, 773 p. (In Russ.).
4. **Borzenkov G.N.** *Otvetstvennost' za moshennichestvo. Voprosy kvalifikatsii* [Responsibility for fraud. Questions of qualification], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971, 168 p. (In Russ.).
5. **Verina G.V.** *Prestupleniya protiv sobstvennosti: problemy kvalifikatsii i nakazaniya* [Crimes against property: problems of qualification and punishment], Saratov: Saratov. gos. akad. prava, 2001, 214 p. (In Russ.).
6. **Vladimirov V.A.** *Kvalifikatsiya pokhishcheniy lichnogo imushchestva* [Qualification of theft of personal property], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974, 208 p. (In Russ.).
7. **Vladimirov V.A., Lyapunov Yu.I.** *Sotsialisticheskaya sobstvennost' pod okhranoy zakona* [Socialist property under the protection of the law], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1979, 200 p. (In Russ.).
8. **Zhalinskiy A.E.** *Sovremennoye nemetskoye ugovnoye pravo* [Modern German criminal law], Moscow: Prospekt, 2006, 560 p. (In Russ.).
9. **Kruger G.A.** *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of theft of socialist property], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974, 336 p. (In Russ.).
10. **Kulik O.V.** [Legal practice as a factor of lawmaking], *Pravo – yavleniye tsivilizatsii i kul'tury* [Law is a phenomenon of civilization and culture: a collection of proceedings of the conference], Moskva, 30-31 marta, 2018 g. Moscow, 2019, pp. 496-501. (In Russ.).
11. **Lopashenko N.A.** *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Encroachments on property], Moscow: Norma, Infra-M, 2012, 528 p. (In Russ.).
12. **Nikiforov B.S.** *Bor'ba s moshennicheskimi posyagatel'stvami na sotsialisticheskuyu i lichnyuyu sobstvennost' po sovetskomu ugovnomu pravu* [Fight against fraudulent encroachments on socialist and personal property under Soviet criminal law], Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952, 180 p. (In Russ.).
13. **Osokin R.B.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis.* Moscow, 2004, 24 p. (In Russ.).
14. **Serdyuk P.L.** *Moshennichestvo v sfere bankovskogo kreditovaniya* [Fraud in the field of bank lending], Moscow: Yurlitinform, 2009, 159 p. (In Russ.).
15. **Sirota S.I.** *Prestupleniya protiv sotsialisticheskoy sobstvennosti i bor'ba s nimi* [Crimes against socialist property and the fight against them], Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1968, 203 p. (In Russ.).
16. **Foynitskiy I.Ya.** *Moshennichestvo po russkomu pravu. Sravnitel'noye issledovaniye* [Fraud in Russian law. Comparative study], St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestv. pol'za", 1871, 553 p. (In Russ.).

Price Fraud

A. V. Kursaeв, Chief Expert Specialist,
Legal Department of the MIA of Russia, Moscow, Russia;
kursaeв@list.ru

Questions related to the ways of committing fraud are investigated. It is proved that one of the frauds is price fraud. The distinguishing criteria are substantiated, in the presence of which the overpricing can be qualified as

a fraudulent deception. The purpose of the article is to analyze the features of committing fraud associated with price fraud. Examples of qualification of overpricing as price fraud are given. The expansion of the scope of this fraud in the modern economy is proved. The conclusion is made about the conditionality of highlighting deception in price as a method of committing fraud, since such deception has a number of specific features, which corresponds to the necessary criteria for its separate selection and study in the doctrine of criminal law.

Keywords: theft; fraud; modus operandi of the crime; deception; breach of trust; price fraud.

© А. В. Курсаев, 2022

Статья поступила в редакцию 15.01.2022

При цитировании использовать:

Курсаев А. В. Мошенничество с обманом в цене // Право: история и современность. 2022. Т. 6, № 1. С. 61 – 74. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.061-074

Рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся использования в нормативных правовых актах термина QR-код при отсутствии его легального толкования. На основе изучения действующей законодательной и эмпирической базы, сложившейся судебной практики, автор поднимает дискуссионный и малоизученный в настоящее время наукой вопрос об отнесении QR-кода о вакцинации к официальным документам и возможности наступления уголовной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельного QR-кода о вакцинации против COVID-19 (ст. 327 УК РФ).

Ключевые слова: QR-код; вакцинация против COVID-19; подделка официального документа; общественная опасность; уголовная ответственность.

Виталий Викторович Тарасенко, преподаватель,
кафедра уголовного права,
Центральный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», Воронеж, Россия;
vitvrn89@mail.ru

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДДЕЛКУ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ ИЛИ ОБОРОТ ПОДДЕЛЬНОГО QR-КОДА О ВАКЦИНАЦИИ ПРОТИВ COVID-19: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Введение

В последние годы происходит активный процесс внедрения в нормативные правовые акты различного уровня ранее неизвестных понятий из области IT-сферы, что представляется никак не удивительным, а закономерным процессом, идущим в ногу со временем. На современном этапе развития гражданского общества информация как таковая становится все более востребованным и крайне значимым в обиходе ресурсом, который нуждается в определенном уровне защиты. Для защиты информации от определенного рода вмешательств IT-специалистами был разработан QR-код.

Обсуждение

QR-код представляет собой двухмерный матричный цифровой код, разработанный в 1994 году японской компаний Denso Wave. Одной из главных причин появления такого явления IT-жизни, как QR-код, послужило стабильное увеличение из года в год объема информации, подлежащей обработке, и необходимости ее отражения на материальных носителях информации. В частности, тот объем информации, который наличествовал на стандартном штрих-коде, оказался не достаточным для его использования во многих сферах общественной жизни Японии [1, с. 64].

Являясь двухмерным цифровым кодом, вмещающим большой объем данных, которые можно распознать при использовании простых техниче-

ских средств, например, с помощью мобильного телефона или планшета, QR-код в последнее десятилетие активно проник и в общественную жизнь нашего общества и начал получать закрепление в нормативных правовых актах.

Так, в п. 3.1 (введен Федеральным законом от 06 июня 2019 г. № 129-ФЗ – *прим. авт.*) ст. 1.2. Федерального закона от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» говорится о возможности предоставления кассового чека (бланка строгой отчетности) путем отражения исходных данных в QR-коде, который позволяет покупателю (клиенту) осуществить его считывание и идентифицировать кассовый чек (бланк строгой отчетности), и структура данных которого включает в себя дату и время осуществления расчета, порядковый номер фискального документа, признак расчета, сумму расчета, заводской номер фискального накопителя, фискальный признак документа¹.

Согласно п. 21 Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий, на документы, оформляемые контрольным (надзорным) органом, наносится QR-код, сформированный единым реестром, обеспечивающий переход на страницу в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащую запись единого реестра о профилактическом мероприятии, контрольном (надзорном) мероприятии в едином реестре, в рамках которого составлен документ. При использовании для просмотра информации QR-кода сведения отображаются без ограничений доступа к ним, предусмотренных приложением к Правилам².

Уже почти год QR-код используется на нотариальных документах как цифровая гарантия защищенности, обеспечивая дополнительную цифровую защиту документов от подделок³.

Учитывая простоту и удобство в применении, QR-коды стали активно использоваться в борьбе с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19. Основную массу нормативных правовых актов в данном направлении составляют акты регионального уровня. Так, например, согласно п. 4¹ указа губернатора Воронежской обл. от 13 мая 2020 г. № 184-у «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Воронежской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»,

¹ О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации: Федер. закон от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // СПС КонсультантПлюс.

² Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415: постановление Правительства РФ от 16 апреля 2021 г. № 604 (ред. от 15.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

³ Об утверждении Порядка представления информации о нотариальном документе и формата ее размещения на документе с использованием машиночитаемой маркировки: приказ Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 229 // СПС КонсультантПлюс.

не допускается посещение гражданами (за исключением лиц, не достигших 18 лет) без предъявления сертификата о вакцинации COVID-19 или сертификата о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19), или медицинских противопоказаний к вакцинации и(или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) либо QR-кода на электронном или бумажном носителе, подтверждающего вакцинацию против новой коронавирусной инфекции (COVID-19), либо перенесение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) при условии, что с даты выздоровления прошло не более 6 календарных месяцев, или отрицательного результата лабораторного исследования методом полимеразной цепной реакции (ПЦР) на наличие новой коронавирусной инфекции (COVID-19), проведенного не позднее чем за 72 часа с момента исследования, или действующей справки о наличии медицинских противопоказаний к вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19), а также лицами, не достигшими 18 лет, без сопровождения родителей или иных законных представителей зданий, строений, сооружений (помещений в них), в которых осуществляются следующие виды деятельности»⁴.

Также стоит отметить, что все активнее о QR-кодах как одном из направлений борьбы против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) говорит в настоящее время и федеральный законодатель. Так, Правительство России направило в Государственную Думу РФ законопроекты о QR-кодах в общественном месте и на транспорте⁵. Планируется внести изменения в Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии⁶, чтобы установить единые правила оказания услуг при угрозе распространения коронавируса, Воздушный кодекс⁷ и Устав железнодорожного транспорта⁸, которые предусматривают ограничения по продаже билетов. В Законе о санитарно-эпидемиологическом благополучии появится ст. 31.1. После 01 февраля 2022 г. в регионах, где ввели меры по предотвращению распространения инфекции, граждане должны иметь возможность посещать различные объекты при предъявлении документов (п.п. 1 и 4 ст. 31.1): о проведении вакцинации; наличии медотвода; перенесенном COVID-19. Также у гражданина при себе должен быть документ, удосто-

⁴ Указ губернатора Воронежской обл. от 13 мая 2020 г. № 184-у «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Воронежской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (вместе с «Перечнем заболеваний») (в ред. Указа Губернатора Воронежской области от 12.11.2021 № 199-у) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Проект Федерального закона № 17357-8 (поправки к Закону о санитарно-эпидемиологическом благополучии) Проект Федерального закона № 17358-8 (поправки к Воздушному кодексу и Уставу железнодорожного транспорта) // СПС КонсультантПлюс.

⁶ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

⁷ Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: Федер. закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

веряющий личность. Несовершеннолетним меддокументы не потребуются. Мера будет действовать до 01 июня 2022 г. и затронет (ч. 2 ст. 2 проекта, п. 1 ст. 31.1): места проведения массовых и других мероприятий; организации культуры; общепит; розничную торговлю (исключение – торговля продуктами питания и товарами первой необходимости, аптеки); иные объекты, перечень которых установит регион.

В документах будет QR-код. Их будут выдавать на бумаге в МФЦ (п. 2 ст. 31.1). Формы утвердит Минздрав. Ранее выданные документы продолжают действовать (п. 6 ст. 31.1). Следует отметить, что с 08 ноября 2021 г. уже действует новая форма сертификата о вакцинации. В ней уже есть место для QR-кода. Формы документов для военнослужащих и приравненных к ним лиц утвердят органы власти, в которых они проходят службу (п. 3 ст. 31.1). До 01 февраля 2022 г. пройти в общественные места можно будет с документом об отрицательном результате ПЦР. Порядок посещения в этот период определяют власти регионов. Он не будет касаться военнослужащих и приравненных к ним лиц (абз. 2 п. 1, абз. 2 п. 3, п. 4 ст. 31.1).

Таким образом, актуальным для науки и практики в настоящее время является вопрос об уголовной ответственности для недобросовестных членов общества, совершающих действия по подделке, изготовлению или осуществляющих оборот поддельными QR-кодами о вакцинации против COVID-19.

Статья 327 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков. К предмету данного состава преступления относятся: 1) официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей (ч. 1, 3, 4); 2) удостоверения, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей (ч. 2 – 4); 3) паспорт гражданина (ч. 2 – 4); 4) государственные награды РФ, РСФСР, СССР (ч. 1, 3, 4); 5) штампы, печати, бланки (ч. 1, 3, 4); 6) непосредственно подложный документ (ч. 5).

Очевидно, что диспозиция ч. 1 ст. 327 УК РФ содержит исчерпывающий перечень предметов данного преступления. Объективная сторона основных составов в ч. 1 и ч. 2 ст. 327 УК РФ альтернативна. Во-первых, деянием является подделка официального документа, паспорта гражданина или удостоверения, посредством приведения их в вид, имеющий все формальные признаки, но удостоверяющий отсутствующие факты и состояния. Во-вторых, выделено изготовление поддельных государственных наград, штампов, печатей, бланков. Следующей формой выражения объективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2, рассматриваемой нормы является сбыт (возмездная или безвозмездная передача, отчуждение) любого из названных предметов. Для признания преступления оконченным достаточно совершения хотя бы одного из перечисленных действий.

Рассматриваемый состав преступления отсутствует, если подделан, изготовлен, сбыт документ, который не предоставляет никаких прав и не освобождает от обязанностей, а равно документ, исходящий от частного лица, даже если он и заверен нотариусом, должностным лицом.

Учитывая, что действующее законодательство не содержит легально-го определения понятия «QR-код», возникает вопрос о возможности его

отнесения к официальному или иному документу, предоставляющему права или освобождающего от обязанностей.

Обратимся к разъяснениям, данными Пленумом Верховного Суда РФ в недавно принятом постановлении «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (*далее* – Постановление)⁹. Подделкой официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, и подделкой паспорта гражданина или удостоверения, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в ч. 1 и ч. 2 ст. 327 УК РФ Пленум Верховного Суда РФ предлагает признавать как незаконное изменение отдельных частей такого подлинного официального документа путем подчистки, дописки, замены элементов и др., искажающее его действительное содержание, так и изготовление нового официального документа, содержащего заведомо ложные сведения, в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа. Документы признаются подложными, если установлено наличие в них вышеуказанных признаков (п. 8 Постановления).

Пленум Верховного Суда РФ также разъясняет судам, что признавая лицо виновным в использовании заведомо поддельного удостоверения или иного официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей (ч. 3 ст. 327 УК РФ), суд должен установить, какие именно права мог предоставить этому лицу или иным лицам или фактически предоставил данный поддельный документ либо от каких обязанностей мог освободить или освободил (например, предъявление поддельного диплома об образовании, медицинской книжки для трудоустройства, предъявление поддельного водительского удостоверения инспектору дорожно-патрульной службы для подтверждения права управления транспортным средством и освобождения от административной ответственности) (п. 9 Постановления).

Говоря об использовании заведомо поддельного (подложного) документа (ч. 3 и ч. 5 ст. 327 УК РФ) Пленум Верховного Суда РФ, предлагает понимать его представление (а в случае электронного документа – в том числе посредством применения информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет) по собственной инициативе или по требованию уполномоченных лиц и органов в соответствующее учреждение либо должностному лицу, иным уполномоченным лицам в качестве подлинного в целях получения (подтверждения) права, а равно освобождения от обязанности. При этом использование лицом своего подлинного документа, являющегося недействительным (например, с истекшим сроком действия), либо подлинного документа, принадлежащего другому лицу, или предъявление вместо надлежащего документа схожего с ним подлинного документа не образует состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 327 УК РФ (п. 10 Постановления).

⁹ О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 - 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43 // СПС КонсультантПлюс.

Очевидно, что указанные разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, также не дают однозначного ответа на ранее поставленный вопрос. Здесь следует отметить, что нельзя отнести QR-код и к электронному документу, под которым федеральный законодатель и Пленум Верховного Суда РФ понимают документ, созданный в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе, подписанный электронной подписью в порядке, установленном законодательством РФ¹⁰.

В данном аспекте представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ, который отдает решение вопросов по отнесению документов к разряду официальных, предоставлении последним какого-либо права (освобождающим от обязанностей) на откуп правоприменителя. Так, по мнению Конституционного Суда РФ, приведенному в Определении Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1320-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Синельниковой Лидии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации», в ст. 327 УК РФ установлена уголовная ответственность за подделку официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей в целях его использования, или сбыт такого документа либо изготовление в тех же целях или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР, штампов, печатей или бланков (ч. 1). Предусмотрев такую ответственность, федеральный законодатель исходил из того, что данная норма уголовного закона направлена на обеспечение порядка управления (гл. 32 УК РФ), в том числе в части, касающейся надлежащего оборота документов. При этом законодатель наделил правоприменителя правом в каждом конкретном случае оценивать свойства документа и признавать его либо предоставляющим права (освобождающим от обязанностей), либо нет и в зависимости от этого привлекать или не привлекать к ответственности за совершение преступления¹¹.

Граждане РФ, официально переболевшие коронавирусом, могут получить QR-код, в котором заложена информация о том, что человек действительно болел данным вирусом с указанием даты этого события. QR-код присваивается непосредственно сертификату, который выдается лицам, перенесшим COVID-19. При его сканировании можно увидеть сведения о сертификате переболевшего и ссылку для проверки его подлинности. Сертификат о перенесенном COVID-19 не выдается тем лицам, кто не обращался в медучреждение с заболеванием, а осуществлял лечение самостоятельно. Действует данный код в течение полугода с момента выздо-

¹⁰См.: п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС КонсультантПлюс; п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС КонсультантПлюс.

¹¹Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1320-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Синельниковой Лидии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

рвления. По истечении шести месяцев документ теряет свою силу и для свободного перемещения в местах ограничений потребуется либо сдать ПЦР-тест, либо пройти вакцинацию¹².

Заключение

Таким образом, QR-код является аналогом электронного документа по отношению к сертификату о вакцинации от COVID-19. QR-код о вакцинации от COVID-19 позволяет не только оперативно получить заинтересованным лицам и органам информацию, касающуюся вакцинации лица, но и предоставляет последнему право на посещение мероприятий, заведений общественного питания, различных организаций, а также позволяет человеку при возвращении из-за рубежа не сдавать ПЦР-тест в период действия в субъекте РФ ограничений в связи с коронавирусной инфекцией. Кроме того, наличие сертификата о вакцинации в ряде регионов РФ, где введена обязательная вакцинация от COVID-19 для работников ряда отраслей, гарантирует гражданину возможность работать и не быть отстраненным от работы без сохранения заработной платы¹³.

Наблюдаемая ежедневная статистика о росте числа заболевших и умерших от новой коронавирусной инфекции представляет сводки с фронта и обоснованно вызывает тревогу и озабоченность государства в лице его компетентных органов¹⁴. В настоящее время подделка сертификата о вакцинации представляет повышенную общественную опасность и должна караться государством путем привлечения лица, виновного в подделке, изготовлении или обороте поддельного сертификата о вакцинации от COVID-19 к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 327 УК РФ.

Вместе с тем QR-код о вакцинации от COVID-19, фактически являясь оттиском сертификата о вакцинации, по своей правовой природе (в силу ч. 2 ст. 3 УК РФ, устанавливающей запрет на применение уголовного закона по аналогии) не является предметом преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, поскольку не отвечает признакам официального и иного документа, в том числе электронного, печати, штампа или бланка.

Еще одним аспектом, касающимся возможности отнесения QR-код о вакцинации от COVID-19 к предмету преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, является вопрос о его объекте данного состава преступления.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, как указывалось ранее, находится в области порядка управления, в то время как подделка, изготовление или оборот поддельного QR-кода о вакцинации против COVID-19 относятся к санитарно-эпидемиологическому благопо-

¹² Приказ Минздрава России от 22 октября 2021 г. № 1006н «Об утверждении формы медицинской документации “Сертификат о профилактических прививках против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) или медицинских противопоказаниях к вакцинации и (или) перенесенном заболевании, вызванном новой коронавирусной инфекцией (COVID-19)” и порядка ее ведения» // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Пункт 1.1. Постановления главного государственного санитарного врача Воронежской области от 06 октября 2021 г. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека: офиц. сайт / Новости. О подтвержденных случаях новой коронавирусной инфекции COVID-19 в России. URL: [https://www.rosпотребнадzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=19631](https://www.rosпотребнадзор.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=19631) (дата обращения: 14.11.2021).

лучию населения, охрана которого осуществляется гл. 25 УК РФ, в частности ст. 236 УК РФ (нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекших по неосторожности: 1) массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий (ч. 1); 2) смерть человека (ч. 2); 3) смерть двух или более лиц (ч. 3)).

В рассматриваемом аспекте подделка, изготовление или оборот поддельного QR-кода о вакцинации против COVID-19 осуществляется в целях невыполнения правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения (ст. 20.6.1. КоАП РФ) и в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ не может повлечь за собой уголовной ответственности. Представляется, что в противном случае, использование подложного QR-кода о вакцинации от COVID-19 будет являться средством совершения преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, или преступлений против жизни и здоровья, в зависимости от направленности умысла.

Список литературы

1. Болотнова Е. А., Павлишин Б. И., Барейша В. К. Анализ современных методов влияния QR-кодов на жизнь человека в современном мире // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29 (3). С. 64 – 67.

References

1. Bolotnova E.A., Pavlishin B.I., Bareisha V.K. [Analysis of modern methods of the influence of QR codes on human life in the modern world], *Yestestvenno-gumanitarnyye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], 2020, no. 29 (3), p. 64-67. (In Russ.).

On Criminal Liability for Forgery, Manufacture or Circulation of a fake QR Code on Vaccination against COVID-19: Issues of Legislative Technique

V. V. Tarasenko, *Lecturer of the Department of Criminal Law
Central Branch of Russian State University of Justice, Voronezh, Russia;
vitvrn89@mail.ru*

The article deals with problematic issues concerning the use of the term QR code in regulatory legal acts, in the absence of its legal interpretation. Based on the study of the current legislative and empirical base, the established judicial practice, the author raises a controversial and little-studied question by science at the present time, about the attribution of the QR code on vaccination to official documents and the possibility of criminal liability for forgery, manufacture or trafficking of a fake QR code on vaccination against COVID-19 (Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: QR code; vaccination against COVID-19; forgery of an official document; public danger; criminal liability.

© В. В. Тарасенко, 2022

Статья поступила в редакцию 10.01.2022

При цитировании использовать:

Тарасенко В. В. Об уголовной ответственности за подделку, изготовление или оборот поддельного QR-кода о вакцинации против COVID-19: вопросы законодательной техники // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 75 – 82. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.075-082

Исследовано право потребителя жилищных услуг на снижение оплаты при некачественном оказании жилищных услуг или их оказании с перерывом. Данное право потребителя рассмотрено по отношению к обязанностям управляющей организации, привлеченной на основании договора для управления многоквартирным домом, содержания и текущего ремонта общего имущества многоквартирного дома. Проведен анализ данного права на предмет его правового закрепления и фактической возможности реализации.

Сформулирован вывод о том, что установленные порядок и способ расчета снижения оплаты за жилищные услуги не позволяют на практике реализовать данное право потребителя в силу затруднительности установления данных для расчета. Такой недостаток в праве создает условия для злоупотреблений со стороны управляющей организации в виде уклонения от надлежащего исполнения своих обязанностей.

Определена необходимость изменения установленного в праве порядка и способа снижения оплаты при некачественном оказании жилищных услуг или их оказании с перерывом.

Ключевые слова: право; договор; услуга; многоквартирный дом; общее имущество; снижение оплаты.

Ирина Анатольевна Калинина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
ia-kalinina@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВА НА СНИЖЕНИЕ ОПЛАТЫ ЗА ЖИЛИЩНЫЕ УСЛУГИ ПО ДОГОВОРУ

Введение

Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) предусмотрено право лица, приобретающего товары, работы и услуги, на снижение оплаты при передаче товара ненадлежащего качества, некачественном выполнении работы или оказании услуги. Данное право закреплено в соответствующих положениях о купле-продаже, договоре подряда и договоре возмездного оказания услуг, а также выводится из совокупного толкования общих положений об обязательствах, договорах и гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем в конкретной сфере частноправовых отношений даже в условиях наличия соответствующих правовых норм могут иметь место проблемы фактического порядка по осуществлению перерасчета оплаты по договору, что, в свою очередь, требует внесения уточнений в установленные правовые нормы о перерасчете. В частности, примером здесь выступает перерасчет оплаты по договору на предоставление жи-

лищных услуг (договор управления многоквартирным домом (*далее* – МКД), договор на содержание и текущий ремонт общего имущества МКД). Данная проблема в осуществлении перерасчета связана с установленным порядком и способом расчета снижения оплаты по договору, особенностями правового регулирования жилищных правоотношений и спецификой обстоятельств в жилищной сфере.

Методы

Для характеристики реализации права потребителя жилищных услуг на снижение оплаты по договору необходимо определить правовую природу предмета данных договорных отношений в контексте соотношения норм гражданского права и норм жилищного права. Следует проанализировать установленный порядок и способ расчета снижения оплаты за жилищные услуги по договору посредством рассмотрения состава общего имущества МКД, состава жилищных услуг, юридических возможностей определения и доказывания фактов нарушений оказания жилищных услуг в их содержательном и временном плане.

Результаты

Потребитель жилищных услуг имеет право на осуществление снижения оплаты по договору. Однако имеющиеся на данный момент правовые нормы о порядке и способе произведения указанного перерасчета являются неработоспособными.

Установленный порядок и способ расчета снижения оплаты за жилищные услуги не позволяют на практике реализовать данное право потребителя в силу затруднительности установления данных для расчета. Также это связано с тем, что фактически для потребителя весьма проблематично осуществить односторонний перерасчет в условиях уклонения исполнителя жилищных услуг от совершения необходимых действий фактического и юридического порядка по подтверждению имеющихся фактов ненадлежащего оказания жилищных услуг. Такое положение в праве создает условия для злоупотреблений со стороны управляющей организации в виде уклонения от надлежащего исполнения своих обязанностей.

А для потребителей-граждан, как следствие, на деле отсутствует возможность применить и меры гражданско-правовой ответственности исполнителя перед потребителем, предусмотренные нормами Закона РФ «О защите прав потребителей» при выявлении нарушений оказания жилищных услуг. В итоге, в условиях наличия необходимых правовых норм фактически имеет место сужение гарантий имущественных прав потребителей-граждан в сфере жилищных услуг в сравнении с остальными сферами реализации товаров, работ и услуг потребителям.

Поскольку с учетом специфики исполнения обязанностей по оказанию жилищных услуг проблематично применение формулы, закрепленной в постановлении Правительства (ПП) РФ № 491 [3], следует установить меру гражданско-правовой ответственности управляющей организации иным способом. При определении данного способа следует ориентироваться на осуществление перерасчета оплаты по итогам завершившегося календарного года исполнения управляющей организацией своих обязанностей с возвратом излишне уплаченных денежных средств и уплатой неустойки.

Обсуждение

Договорные отношения по оказанию жилищных услуг

Общественные отношения, складывающиеся по поводу бремени содержания общего имущества в МКД, являются особой сферой правового регулирования. Правовая природа данных отношений имеет гражданско-правовой характер, поскольку речь идет об имуществе и реализации прав и обязанностей собственников и иных правообладателей данного имущества (*далее* – собственники) как в рамках статики (вещное право), так и в рамках динамики гражданских правоотношений (обязательственное право). При этом Жилищный кодекс Российской Федерации (*далее* – ЖК РФ) определяет механизмы, обеспечивающие и способствующие как гарантированности имущественных прав собственников помещений в МКД, так и исполнению ими обязанностей по содержанию общего имущества МКД (гражданские правоотношения). Содержание общего имущества в МКД в надлежащем состоянии необходимо для его сохранности и работоспособности (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 161 ЖК РФ) (гражданские и жилищные правоотношения), что определяет благоприятные условия для проживания граждан (назначение жилищного права).

Для оказания услуг и выполнения работ по содержанию и текущему ремонту общего имущества МКД собственниками привлекаются подрядные организации (п. 1-2 ч. 2 ст. 161 ЖК РФ) или управляющая организация (п. 3 ч. 2 ст. 161 ЖК РФ) с учетом выбранного собственниками способа управления МКД. Наиболее распространенной формой управления МКД является привлечение собственниками помещений в МКД или товариществом собственников жилья (*далее* – ТСЖ) управляющей организации как профессионального участника рынка жилищно-коммунальных услуг. Отношения между собственниками помещений (ТСЖ) и управляющей организацией оформляются договором управления МКД. Данный договор закреплен в ЖК РФ, но не поименован в ГК РФ. В отношении договора управления МКД применяются положения ГК РФ с учетом специальных правовых норм, предусмотренных в ЖК РФ. При этом важно понимать, что данный договор является именно гражданско-правовым договором со всеми вытекающими из этого следствиями правового регулирования и договорного сопровождения.

Предметом договора управления МКД является, в том числе, осуществление содержания и текущего ремонта общего имущества МКД, что охватывается общим понятием «жилищные услуги». Состав жилищных услуг зависит: от состава общего имущества МКД; степени и характера изнашивания общего имущества МКД; утвержденного собственниками перечня работ и услуг, которые они готовы оплачивать по установленным управляющей организацией тарифам и др. (ч. 1.1 и ч. 1.2 ст. 161 ЖК РФ, ПП РФ №491 [3]):

– уборка прилегающей территории (подметание прилегающей территории в летний период; уборка мусора с газонов; сдвигание и подметание снега в зимний период; удаление наледи, посыпка подходов к подъездам и пешеходных зон песчаной смесью; удаление сосулек с крыши);

- содержание помещений общего имущества (дератизация помещений общего имущества, дезинсекция помещений общего имущества);
- проведение технических осмотров и мелкий ремонт (проведение технических осмотров и устранение незначительных неисправностей электротехнических устройств, в системах водопровода и канализации, теплоснабжения (за исключением приборов учета); прочистка канализационного лежачка);
- подготовка МКД к сезонной эксплуатации (консервация систем центрального отопления; регулировка, испытание, расконсервация систем центрального отопления (за исключением приборов учета), проверка состояния и ремонт продухов в цоколях зданий; частичное восстановление нарушенной теплоизоляции подвальной разводки внутридомовых инженерных коммуникаций; укрепление и частичный ремонт входных дверей и окон на лестничных клетках); обслуживание систем вентиляции (проведение осмотров и устранение незначительных неисправностей в системах вентиляции, дымоудаления; прочистка дымовентиляционных каналов);
- аварийное обслуживание (устранение аварийных ситуаций на внутридомовых инженерных коммуникациях);
- техническое обслуживание узла учета тепловой энергии; ремонт узла учета тепловой энергии и др. (далее – Перечень).

Нарушения в оказании жилищных услуг способны причинить вред жизни и здоровью граждан, а также имущественный вред. Так, неправильное содержание подвала (нарушения в отношении содержания и текущего ремонта отмостки, теплоизоляции труб, продухов, дымовентиляционных каналов) способно причинить следующий ущерб. Повышенная влажность и конденсат в подвале в условиях плохой вентиляции приводят к образованию и распространению коррозии на металлических трубах и деревянных элементах постройки, а также плесени, гнили, высолов на полу, стенах, потолке. В таких условиях уменьшается срок эксплуатации общего имущества (стены, фундамент, трубы). В результате отсутствия необходимой вентиляции накапливаются газы (радон, метан). Радон выделяется из почвы и является радиоактивным газом, способен причинить серьезный вред здоровью. Определенная концентрация метана создает условия для взрыва.

Особо ощутимы для граждан следующие нарушения в жилищных услугах: антисанитарное состояние лестниц и подвалов, плохое состояние крыш и потолков, прогнившие водопроводные и канализационные трубы [4, с. 22] и др.

Таким образом, нарушения в оказании жилищных услуг способны привести к серьезным последствиям имущественного и неимущественного характера. Жилое помещение обеспечивает место проживания, получение соответствующих коммунальных благ. Наличие благоприятных условий для проживания – это право каждого гражданина, это условие его качества жизни, развития, реализации себя в личной, семейной и профессиональной сферах. Имеющиеся в МКД нежилые помещения используются для предпринимательских и иных целей, а потому обеспечивают получение дохода для соответствующих лиц. Для обеспечения сохранности и работоспособ-

ности общего имущества (его функциональности), а также обеспечения качества жизни в МКД необходимо обеспечивать надлежащее оказание жилищных услуг.

Собственники помещений осуществляют оплату жилищных услуг ежемесячно на основании платежных документов, выставляемых управляющей организацией. Соответственно, в случае установления фактов нарушений (некачественное оказание услуг (работ), их неосуществление) потребитель имеет право на снижение оплаты. При этом здесь нет необходимости доказывать факты причинения ущерба. Взимание управляющей организацией оплаты за жилищные услуги при неосуществлении жилищных услуг влечет неосновательное обогащение на стороне управляющей организации (гл. 60 ГК РФ).

Соответственно, рассмотрим, каким образом в праве закрепляется возможность для потребителей жилищных услуг произвести снижение оплаты при нарушении исполнителем своих обязательств по оказанию услуг надлежащего качества.

Правовое закрепление права потребителя жилищных услуг на снижение оплаты по договору и механизм его реализации

Право потребителя жилищных услуг на снижение оплаты по договору в ЖК РФ прямо не зафиксировано, но однозначно вытекает из совокупного толкования норм гражданского законодательства и его положений о договоре подряда (п. 1 ст. 723 ГК РФ) и о защите прав потребителей (ст. ст. 28, 29 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Само право на снижение оплаты прямо зафиксировано и урегулировано ПП РФ № 491 с субсидиарным применением ПП РФ № 354 [1]. ПП РФ № 491 определяет жилищные услуги, а ПП РФ № 354 – коммунальные услуги.

Постановление Правительства РФ № 491 устанавливает «Правила изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность». Исходя из данной формулировки, жилищные услуги признаются оказанные как некачественные в двух случаях или их совокупности: во-первых, при ненадлежащем качестве собственно самих жилищных услуг (содержание и текущий ремонт общего имущества МКД); во-вторых, при наличии перерывов, превышающих установленную продолжительность. Для осуществления перерасчета оплаты необходимо применить формулу, закрепленную в п. 10 ПП РФ № 491. Здесь расчет снижения оплаты (размер уменьшения платы за содержание жилого помещения (рублей)) рассчитывается через следующие компоненты:

- стоимость соответствующей услуги или работы в составе ежемесячной платы за содержание жилого помещения (рублей);
- число календарных дней в месяце;
- число полных календарных дней, в течение которых оказывались и (или) выполнялись услуги или работы ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность.

Стоимость соответствующей услуги или работы в составе ежемесячной платы устанавливается в Перечне работ по содержанию и текущему ремонту общего имущества МКД. Данный Перечень является приложением к договору управления МКД, в котором определяется состав жилищных услуг, периодичность осуществления (раз в год; два раза в год; по необходимости; раз в год и(или) по необходимости и т.п.), а также тариф за отдельные услуги и работы. В совокупности данных тарифов определяется общий тариф, по которому и осуществляются начисления в квитанции и иных документах (для собственников нежилых помещений) по оплате жилищно-коммунальных услуг. Количество календарных дней, в течение которых имело место нарушение, определяется согласно акту, в котором фиксируется начало (дата) нарушения. Завершение периода нарушения определяется датой устранения нарушения.

Положения об указанном акте содержатся в ПП РФ № 491. Согласно п. 15 ПП РФ № 491 факт выявления ненадлежащего качества услуг и работ и (или) превышения установленной продолжительности перерывов в оказании услуг или выполнении работ отражается в акте нарушения качества или превышения установленной продолжительности перерыва в оказании услуг или выполнении работ (*далее* – Акт). Указанный Акт является основанием для уменьшения размера платы за содержание жилого помещения. Акт составляется по правилам, установленным ПП РФ № 354 (п. 16 ПП РФ № 491). Данные правила сводятся к следующему:

- потребитель уведомляет исполнителя о факте нарушения (п. 105 ПП РФ №354);
- исполнитель регистрирует данное сообщение (п. 106 ПП РФ № 354);
- исполнитель согласовывает с потребителем дату и время проведения проверки факта нарушения качества услуги; время проведения проверки назначается не позднее двух часов с момента получения от потребителя сообщения о нарушении (п. 108 ПП РФ № 354);
- по окончании проверки составляется акт проверки (п. 109 ПП РФ № 354);
- в случае непроведения исполнителем проверки в срок потребитель вправе составить акт проверки качества предоставляемых услуг в отсутствие исполнителя, который подписывают не менее двух потребителей, председатель совета МКД, в котором не созданы ТСЖ или кооператив, председателем ТСЖ или кооператива, если управление МКД осуществляется ТСЖ или кооперативом (п. 110(1) ПП РФ № 354).

Проблемы осуществления расчета снижения оплаты за жилищные услуги

Рассмотрим возможность определения даты начала нарушения и окончания нарушения в целях проведения расчетов снижения оплаты за жилищные услуги по установленной формуле (п. 10 ПП РФ № 491).

Предположим, имеет место нарушение оказания жилищной услуги по уборке снега. Согласно перечню жилищных услуг к договору управления, уборка снега в сезон должна осуществляться ежедневно. Фактически же уборка осуществляется раз в месяц. Выпадает снег, накапливается, уплотняется, тает, снова выпадает, дорожки протаптываются жильцами и иными

лицами при передвижении. В конце месяца управляющая организация осуществляет уборку снега (если к этому дню его визуально есть необходимость убрать) и составляет акт об уборке территории. Соответственно, возникает вопрос, с какого дня считать управляющую организацию не исполняющей обязанности по уборке территории, как определить период неисполнения? Если управляющая организация не составляет Акт, то возникает гражданско-правовой спор. Но как тогда потребителям доказывать факты некачественного оказания данной жилищной услуги? Составленный без участия исполнителя Акт не будет иметь для суда заранее установленной силы. Исполнитель также предоставит акт об уборке. А суд решает вопрос о праве, при этом назначение судебной экспертизы здесь бессмысленно. Фотографии, которые могут предоставить суду потребители о невыполнении уборки снега не позволят суду судить о нарушениях, потому что управляющая организация может пояснить, что уборка была осуществлена, а снег, зафиксированный фотосъемкой, напал примерно за пару часов, но уборка согласно перечню осуществляется раз в день, а не многократно в день. Аналогично потребителям сложно будет доказать факты неисполнения обязанностей по уборке и в иные сезоны года.

Предположим, имеет место нарушение оказания жилищной услуги по проведению технических осмотров и мелкого ремонта. Например, в подвале МКД, построенного еще в советский период, периодически происходит порыв трубы отопления. Собственники делают вывод о том, что если бы управляющая организация проводила бы в подвале периодические осмотры и по их итогам текущий ремонт, аварийных ситуаций с затоплением подвального помещения и приостановкой подачи отопления в МКД не происходило бы. Но доказать факты непроведения периодических осмотров невозможно, поскольку это именно осмотры. А установить причинно-следственную связь между неосуществлением текущего ремонта и возникновением аварийной ситуации здесь также крайне проблематично.

В отношении дератизации и дезинсекции, в Перечне, например, установлено оказание данной услуги раз в год или по мере необходимости. Такая формулировка не позволяет определить ни начало, ни окончание нарушения оказания жилищной услуги, а оплата со всех собственников взимается ежемесячно в течение всего календарного года.

Такие рассуждения можно продолжать в отношении и иных жилищных услуг. В рамках судебной экспертизы нет возможности получить подтверждение фактов неуборки (если только не установить видеокамеры и обеспечить просмотр видеозаписи в судебном заседании в отношении всего времени); эксперт не ответит, с какого времени началось нарушение обязанности, например, по неосуществлению частичного восстановления нарушенной теплоизоляции труб в подвале; не ответит, с какого времени не осуществляется прочистка канализационного лежачка; и осуществлялась ли дератизация и дезинсекция.

Нет возможности, например, определить, кто несет ответственность за наличие плесени и высолов в подвальном помещении, потому что они могут возникнуть по разным причинам: отсутствия вертикальной гидроизоляции цоколя здания (капитальный ремонт – обязанность собственников); отсутствия продухов в соответствующих помещениях подвала (те-

кущий ремонт – но обязанность собственников, поскольку дорогостоящие работы и требуется проведение проектных работ); наличия местами трещин в отмостке (горизонтальная гидроизоляция) (обязанность управляющей организацией); прорастание кустарников с муниципальной земли в землю, прилегающую к цоколю МКД, из-за чего разрушается отмостка (ответственность органов местного самоуправления); просачивание воды в подвал по причине наличия ямы, оставленной после ремонтных работ ресурсоснабжающей организацией (ответственность ресурсоснабжающей организации).

Также имеют место сложности с оценкой необходимости и времени проведения текущего ремонта (ремонт отдельными местами, окраска цоколей; ремонт отдельными местами отмостки; ремонт отдельными местами поверхностей наружных стен; частичный ремонт козырьков над входами в подъезд, ступеней и площадок при входе в подъезд и т.п.). Если ремонт определяется как текущий, то есть может быть осуществлен в текущем месяце или в следующем месяце или через пару месяцев, тогда каким образом определить дату начала нарушения исполнителя? – это не представляется возможным.

Усложняется реализация данного права и тем, что в гражданском и жилищном законодательстве нет четкого ответа о правовой природе данного договора в контексте применения положений об исполнении по требованию (ст. 429.4 ГК РФ). Например, требуется осуществить частичный ремонт площадок при входе в подъезд. Возникает вопрос, должна ли это делать управляющая организация по своей инициативе или только при поступлении соответствующей заявки от собственника(-ов) помещений в данном МКД. Положение п. 18 ПП РФ № 491 закрепляет, что «текущий ремонт общего имущества проводится по решению общего собрания собственников помещений для предупреждения преждевременного износа и поддержания эксплуатационных показателей и работоспособности, устранения повреждений и неисправностей общего имущества или его отдельных элементов». На практике управляющие организации ведут обособленный учет денежных средств, поступающих от собственников на текущий ремонт; при наличии указанного решения организуют и проводят данный ремонт. Но тогда возникает вопрос, для чего управляющие организации в Перечне определяют конкретный состав работ по текущему ремонту? И как разграничить виды ремонта при определении обязанностей управляющей организации применительно к осуществлению снижения оплаты за невыполнение жилищных услуг: текущий ремонт, который управляющая организация обязана осуществлять по собственной инициативе; текущий ремонт, который управляющая организация обязана осуществлять по инициативе собственников, в пределах установленного ежемесячного тарифа; текущий ремонт, который собственники осуществляют за дополнительные денежные взносы, привлекая самостоятельно подрядные организации или обращаясь за содействием к управляющей организации?

Данные неопределенности действуют в интересах управляющей организации и не позволяют определить начальную и конечную дату для осуществления перерасчета.

В итоге, при нежелании исполнителя фиксировать факты нарушений посредством составления им Акта в свою пользу или при уклонении от проведения осмотра и составления по его итогам Акта, – потребителю не представляется возможным, во-первых, доказать факты нарушений, во-вторых, определить дату начала и окончания нарушения.

Указанные правовые и фактические препятствия в доказывании и в расчетах позволяют управляющей организации уклоняться от исполнения своих обязанностей и иметь на своей стороне неосновательное обогащение, поскольку собственники ежемесячно платят управляющей организации по согласованному тарифу на основании квитанций на оплату жилищно-коммунальных услуг соответствующие суммы денежных средств.

Проблема корректности применения формулы для расчета снижения оплаты за жилищные услуги

Формула для снижения оплаты за нарушения в оказании жилищных услуг определена п. 10 ПП РФ № 491 именно для жилищных услуг. При этом правила по составлению Акта применяются из ПП РФ № 354. Расчет снижения оплаты за коммунальные услуги аналогичен по способу, установленному для жилищных услуг, но формула не прописывается. А именно, подлежит установлению начало и окончание нарушения, учитываются тариф, количество дней, в которых имело место нарушение, с учетом того, что оплата выставляется ежемесячно. Сравним возможность применения установленного способа расчета снижения оплаты в отношении коммунальных и жилищных услуг.

Понятие жилищные услуги является собирательным по отношению к работам и услугам, в совокупности обеспечивающим сохранность и работоспособность общего имущества МКД. Коммунальные услуги – это «осуществление деятельности исполнителя по подаче потребителям любого коммунального ресурса...» (п. 1 ПП РФ № 354). Коммунальные ресурсы – это «холодная вода, горячая вода, электрическая энергия, газ, тепловая энергия, теплоноситель в виде горячей воды ...» (п. 1 ПП РФ № 354). Коммунальный ресурс является товаром, специфика которого определяется особыми способами поставки и потребления. Но, в любом случае, это товар. Следовательно, его приобретение и сами договорные отношения регулируются помимо специальных положений (ПП РФ № 354), также и положениями ГК РФ о купле-продаже (энергоснабжении).

Анализ ПП РФ № 354 позволяет выделить следующие характеристики коммунальных услуг, позволяющих применять формулу для снижения оплаты при поставке коммунального ресурса ненадлежащего качества или с перерывами:

- 1) подача коммунального ресурса осуществляется круглосуточно и непрерывно;
- 2) нормативно установлены тарифы;
- 3) оплата устанавливается к каждому коммунальному ресурсу, а не их совокупности;
- 4) объем потребленного коммунального ресурса определяется по счетчику или нормативам;

5) нормативно установлены показатели качества коммунальных услуг, предельные сроки устранения аварий и иных нарушений порядка предоставления коммунальных услуг;

6) факт некачественной коммунальной услуги или поставки коммунальной услуги определяется приборами учета и иными специальными техническими способами, позволяющими фиксировать: начало и окончание перерыва поставки коммунального ресурса; нормативные характеристики коммунального ресурса и их отклонения от нормы; объем (количество) поставленного коммунального ресурса;

7) прекращение поставки коммунального ресурса или снижение его качества для потребителя становится очевидным сразу, что позволяет ему своевременно отреагировать посредством уведомления о данных фактах исполнителя;

8) потребитель заинтересован в качественном коммунальном ресурсе и его круглосуточной подаче, что определяет инициативность в фиксации фактов нарушений.

Сопоставим последовательно данные характеристики коммунальных услуг с характеристиками жилищных услуг:

1) жилищные услуги в своей совокупности оказываются круглосуточно (с учетом того, что в их состав входит, в том числе, аварийное обслуживание), но в отношении каждой отдельно взятой жилищной услуги в Перечне устанавливается особая периодичность (ежедневно, раз в год и т.п. и(или) по мере необходимости);

2) тариф определяется по соглашению между собственниками (ТСЖ) и управляющей организацией при заключении договора управления МКД, при этом управляющие организации ежегодно осуществляют его индексацию;

3) оплата взимается за всю совокупность жилищных услуг, закрепленных в Перечне, а не за отдельные жилищные услуги;

4) объем (состав, периодичность, качество) объективно сложны к анализу в течение дня, месяца; фактически имеется возможность проверки соответствия только за календарный год;

5) показатели качества жилищных услуг не установлены; на практике применяется критерий удовлетворительно/неудовлетворительно (например, в отношении уборки, состояния входных групп и т.д.); не установлены предельные сроки неоказания жилищных услуг и иных нарушений оказания жилищных услуг;

6) фиксация и доказательство неосуществления или некачественного осуществления жилищных услуг возможна следующими способами: комиссионный акт собственников и незаинтересованных лиц; фотосъемка, видеосъемка; протокол участкового; судебная и иная экспертиза; акты самого исполнителя (например, акт комиссионного обследования залития);

7) неоказание отдельных жилищных услуг или их несвоевременное оказание не является очевидным для потребителя, и может длиться днями, месяцами, годами (например, необходимость частичного восстановления теплоизоляции труб холодного водоснабжения может иметь место на протяжении десяти лет и более);

8) собственники в большинстве случаев инертно ведут себя при установлении фактов нарушений оказания жилищной услуги (растет поросль на козырьках подъездов, мусор на отмостке, загаженный канализационный лежак, отсутствие ремонта теплоизоляции труб и т.п.); своевременное реагирование имеет место в большинстве случаев лишь по отношению к аварийным ситуациям.

Анализ представленных характеристик коммунальной услуги позволяет судить о бесспорной и безпроблемной возможности применения установленного способа расчета для снижения оплаты. По сути, это определяется тем, что речь идет о потреблении товара, который имеет четкие характеристики и должен поставляться круглосуточно и непрерывно. Анализ характеристик жилищных услуг в совокупности с ранее представленными доводами в отношении проблематичности установления начала и окончания нарушения свидетельствует о невозможности применения установленной формулы для снижения оплаты.

Судебная защита права на снижение оплаты по договору

Согласно ПП РФ № 491 в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и текущему ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, потребитель имеет право на снижение оплаты. ПП РФ № 491 и ПП РФ № 354 устанавливается при наличии указанных обстоятельств определенный порядок взаимодействия потребителя и исполнителя, а также указывается на необходимость составления Акта (ПП РФ №491, ПП РФ №354). Данные этого акта с учетом п. 6 ПП РФ № 491 позволяют применить для расчета размера снижения оплаты формулу, установленную п. 10 ПП РФ № 491. Наличие двустороннего Акта о нарушениях свидетельствует об отсутствии гражданско-правового спора между исполнителем и потребителем жилищных услуг в отношении конкретных фактов нарушений в оказании жилищных услуг. Составленный собственником(-ами) односторонний Акт без участия исполнителя (п. 110(1) ПП РФ № 354) будет носить спорный характер, поскольку не имеет признаков соглашения между сторонами договора, в отношении которого фиксируется ненадлежащее исполнение обязательств по договору.

В отсутствие двустороннего акта о нарушениях (отсутствие акта или наличие акта, составленного потребителем(-ями) в одностороннем порядке) имеет место гражданско-правовой спор относительно наличия фактов нарушений исполнителем обязательств по договору, даты начала и окончания нарушения.

Также имеются проблемы по составлению акта без участия исполнителя. Важно обратить внимание на то, что на нормативном уровне форма данного Акта не установлена. В таких условиях потребителю(-ям) составить данный акт правильно, с тем, чтобы он в дальнейшем был принят судом, проблематично. Кроме того, исполнитель (управляющая организация; сотрудники подрядной организации, которых привлекает управляющая организация) является одновременно и специалистом – лицом, обладающим специальными познаниями в разграничении общего имущества МКД

и индивидуальной собственности собственников помещений в МКД; наименовании жилищных услуг; определении о нарушении каких именно жилищных услуг идет речь в конкретном случае с учетом формулировок жилищных услуг, зафиксированных в Перечне; определении наименования общего имущества (например, продухи или дымовентиляционные каналы, фасад или цоколь, вертикальная или горизонтальная гидроизоляция и т.п.); описании последствий нарушений (например, локализация и размеры следов заливания) и т.п. Поэтому Акт, составленный с участием исполнителя, будет заведомо юридически корректным и информативным. При этом Акт, составляемый потребителями, в виду отсутствия специальных познаний, может содержать искажение фактов (неправильно назвали вид общего имущества МКД, неправильно определили вид жилищной услуги и т.п.), и потому имеется большая вероятность его оспаривания исполнителем в суде.

Таким образом, юридически потребитель жилищной услуги имеет право на снижение оплаты и на судебную защиту, но фактически реализовать данное право представляется крайне сложным. Это связано с неэффективностью установленного нормативно способа расчета снижения оплаты и фактической ограниченности потребителя в представлении доказательств как в отношении самих нарушений, так и в отношении дат начала и окончания данных нарушений.

Если имеет место нарушение прав граждан-потребителей, то бремя доказывания надлежащего и своевременного оказания жилищных услуг возлагается на управляющую организацию (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 [2]). Представляется вполне очевидным, что у управляющей организации, как стороне, заинтересованной в исходе дела, есть возможность предоставить все необходимые документы в подтверждение качества жилищных услуг – акты осмотра, подписанные ею и ее партнером – подрядной организацией (так называемые ЖЭКи и иные подрядные организации, которые управляющая организация привлекает для исполнения обязательств по содержанию и текущему ремонту общего имущества МКД на основании договора); отчетность по управлению МКД, которую сама управляющая организации и составляет; акты о надлежащем исполнении подрядными организациями своих обязательств по договору и т.д. В противовес этому, потребитель, как то раскрыто выше, ограничен в средствах доказывания.

Если потребителем жилищных услуг является субъект предпринимательской деятельности, например, если речь идет об использовании нежилого помещения в предпринимательских целях, то бремя доказывания возлагается на самого данного потребителя, что существенно снижает успешность убеждения суда в неосуществлении управляющей организации своих обязанностей.

Взгляд на проблему со стороны управляющей организации

По договору управляющая организация берет на себя обязательства осуществлять содержание и текущий ремонт общего имущества МКД. Данные обязательства находят свое денежное выражение в себестоимости

данных работ и услуг для управляющей организации. Такую себестоимость представляется возможным рассчитать применительно к календарному году, поскольку, во-первых, периодичность оказания услуг различная, во-вторых, оказание отдельных услуг определяется соответствующим сезоном года (например, мероприятия по обеспечению отопительного сезона). Соответственно, объем и состав жилищных услуг в разных месяцах будут различными, а потому и размеры трат управляющей организации на конкретный МКД в разных месяцах заведомо будут различными. Необходимость выполнения отдельных жилищных услуг в конкретном месяце и возможность переноса отдельных жилищных услуг на другие месяцы в условиях наличия определенного состава жилищных услуг, оказываемых ежемесячно, позволяют управляющей организации планировать свои расходы по исполнению договора в отношении конкретного МКД и обеспечивать их определенную равномерность с учетом поступающего от собственников финансирования по ежемесячным документам на оплату жилищно-коммунальных услуг. Поэтому, неосуществление, например, конкретного вида текущего ремонта, входящего в объем обязательств управляющей организации, может быть связан с ее существенными затратами в отношении «сезонных» жилищных услуг. В условиях отсутствия явного риска причинения вреда общему имуществу МКД в результате «переноса» отдельных жилищных услуг на более позднюю дату, данные действия управляющей организации можно расценивать как допустимые. Тем более, иначе может иметь место ситуация кредитования собственников помещения управляющей организацией, то есть когда денежные средства от них поступили в меньшем объеме, чем тратится управляющей организацией в конкретном месяце с учетом состоявшихся трат управляющей организации на МКД за предшествующие месяцы. Наличие элементов кредитования для конструкции возмездного оказания жилищных услуг не предполагается. Поэтому с учетом совокупности фактических обстоятельств выполнение конкретного текущего ремонта не в данном месяце, а в ином, может быть обоснованным и правомерным поведением со стороны управляющей организации.

Следовательно, реализация потребителем права на перерасчет не по итогам календарного года, а за иные периоды, может определить сложность для него в доказывании фактов нарушений в оказании жилищных услуг.

Заключение

Следует согласиться с наличием специальных норм о перерасчете в отношении жилищных услуг именно в нормах жилищного права, а не гражданском законодательстве. Наличие указанных положений в жилищном законодательстве обеспечивает целостность правового регулирования специфичной однородной группы общественных отношений (сфера жилищно-коммунальных услуг), в то время как Гражданский кодекс РФ ориентирован на регулирование имущественных и обязательственных отношений в целом. Вместе с тем в отношении данного права необходимо по-

нимать, что оно имеет гражданско-правовую (имущественную) природу и не выводится из специфики жилищной сферы правового регулирования. Поэтому реализация данного права должна гарантироваться гражданским правом, а конкретизироваться в своем исполнении положениями жилищного права.

Проведенный анализ положений правовых норм гражданского и жилищного права свидетельствует о том, что правовые нормы, в своих формулировках как они представлены сейчас, фактически не позволяют потребителям реализовать свое право на снижение оплаты по договору на основании нарушений в оказании жилищных услуг. Поэтому необходимо внесение изменений в нормативные правовые акты, относящиеся к регулированию жилищной сферы, с тем чтобы обеспечить возможность осуществления потребителем жилищных услуг права на снижение оплаты по договору как участника гражданско-правовых отношений.

Список литературы

1. **О предоставлении** коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов»): постановление Правительства РФ от 06.05.2011 № 354 (ред. от 28.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 22. Ст. 3168.

2. **О рассмотрении** судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // Российская газета. № 156. 11.07.2012.

3. **Об утверждении** Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и(или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (ред. от 29.06.2020) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 34. Ст. 3680.

4. **Прокофьева Е. Н.** Качество жилищных условий и стоимость жилищно-коммунальных услуг как индикаторы проблем жилищно-коммунального хозяйства и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 4. С. 20 – 24.

References

1. *Sobraniye zakonodatel'stva* RF. 2011. No. 22. St. 3168. [Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 22. Art. 3168] (In Russ.).

2. *Rossiyskaya gazeta*. No. 156. 11.07.2012. (In Russ.).

3. *Sobraniye zakonodatel'stva* RF. 2006. No. 34. St. 3680. [Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. No. 34. Art. 3680] (In Russ.).

4. **Prokof'yeva Ye.N.** [The quality of housing conditions and the cost of housing and communal services as indicators of the problems of housing and communal services and the standard of living of the population], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management], 2018, no. 4, pp. 20-24. (In Russ.).

Empathy and Morality in Law in the Context of Knowledge about Mirror Neurons

I. A. Kalinina, *Cand. Sci. (Law)*, Associate Professor,
Department of Civil law and Process,
Tambov State Technical University, Tambov Russia;
ia-kalinina@mail.ru

The article evaluates the importance of achievements in the field of brain research, and most importantly – in relation to the system of mirror neurons, to assess the adequacy of the universally recognized doctrine of the rights and freedoms of the individual. The analysis of the need to comprehend the ideas about the autonomy of the will in the context of the adoption of the biological foundations of empathy and morality is carried out.

The value of the concept of mirror neurons for the right is determined not in the statement of a biological program for automatic copying of the behavior of other people, but in the attention and scientific justification of the biological relevance of a person in social communications and in self-identification in the legal, political, cultural, public and personal spheres. The conclusion is formulated that modern achievements in the field of brain biology will determine the revision of legal regulation in certain industry areas, but the general doctrine of human rights and freedoms, personal autonomy, and the highest human value should be further developed and strengthened based on the ideas of humanism and patriotism (social identity).

Keywords: biology; mirror neurons; empathy; morality; freedom; will; society; law; humanism.

© И. А. Калинина, 2022

Статья поступила в редакцию 25.02.2022

При цитировании использовать:

Калинина И. А. Гражданско-правовой анализ права на снижение оплаты за жилищные услуги по договору // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 83 – 97. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.083-097

Рассмотрены особенности реализации права на жилище сотрудников отдела внутренних дел (ОВД). Подчеркнуто, что данное право является одной из социальных гарантий и выступает как объект реализации обеспечения сотрудников ОВД жилым помещением. Проанализированы доктринальные точки зрения, указывающие, что существуют проблематика по осуществлению права на обеспечение сотрудников ОВД жилым помещением. Цель научной статьи – проанализировать нормативную основу реализации данного права сотрудниками ОВД в рамках договоров социального найма.

Сделан вывод, что право на владение, пользование жилым помещением сотрудниками ОВД реализуется посредством двух групп правовых взаимодействий: административных и гражданско-правовых. В силу чего существует регулирующий порядок по учету лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставляемых ОВД по договорам социального найма. Такие отношения характеризуются специальным правовым регулированием для сотрудников ОВД, которые отличаются от права на получение жилых помещений для граждан, не имеющих отношение к ОВД.

Ключевые слова: договор социального найма; жилое помещение; право на жилище сотрудников ОВД; право на жилище; улучшение жилищных условий.

Юлия Александровна Канаева, соискатель,
кафедра гражданского и трудового права, гражданского процесса,
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», Москва, Россия;
aleksandrovna-88@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ НОРМ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРАВОВУЮ ОСНОВУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ СОТРУДНИКОВ ОВД

Введение

Реализация прав на жилище сотрудников ОВД рассматривается наряду с различными проблемами обеспечения сотрудников иными социальными гарантиями. Нормативные правовые акты регламентируют систему выделения выплат на приобретение жилья, о предоставлении денежных возмещений или жилых помещений, в части принятия административных решений [10].

Право владения, пользования, распоряжения недвижимым имуществом в рассматриваемом вопросе выступает как объект реализации обеспечения сотрудников ОВД жилым помещением [2, с. 8].

Исходя из сложившейся судебной практики (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020)) и точек зрения различных ученых [9], занимающихся исследованиями в этом направлении, возникновение права вла-

* Научный руководитель д-р экон. наук, канд. юрид. наук, канд. ист. наук, профессор Н.Д. Эриашвили.

дения, пользования жилым помещением и осуществление прав на обеспечение сотрудников ОВД социальными гарантиями и льготами зачастую связано с принятием решений органов местного самоуправления.

Обсуждение

Крашенинников П. В. в своем исследовании отмечает различные методы правового регулирования по отраслям при упорядочении рассматриваемых нормативных правовых основ [5]. Многие исследователи акцентируют внимание на проблематике потребности в установлении особого правового режима по вопросу реализации прав сотрудников ОВД на обеспечение жилым помещением и реализации других социальных гарантий и льгот [1]. В своих работах О. А. Красавчиков выделяет главной составляющей по содержанию возникновения права пользования, владения, проживание в жилом помещении [4]. Именно пользование жилым помещением является реализацией права обеспечения жилым помещением граждан, в том числе сотрудников ОВД.

Нормативная правовая конструкция реализации прав сотрудников ОВД на владение жилым помещением в сравнении с конструкцией реализации возникновения прав на жилое помещение иных категорий граждан имеет ряд особенностей, среди которых можно выделить следующие:

1) установлена льготная система обеспечения жильем сотрудников ОВД;

2) государственные гарантии реализации социальных льгот по возникновению права на жилое помещение сотрудникам ОВД;

3) различные формы реализации права обеспечения жилым помещением как в виде предоставления жилого помещения (по договору социального найма), так и в виде компенсации затрат по приобретению жилого помещения (жилищные сертификаты) [7, с. 191].

Льготы по улучшению жилищных условий для сотрудников ОВД устанавливаются законом и имеют поощрительную направленность за надлежащее исполнение сотрудниками ОВД обязанностей по службе [6].

Применение в законодательстве юридических возможностей правового регулирования в виде льгот (приоритет, возможность) является важным и необходимым средством. При помощи льгот формируется режим преимущественного содействия в целях удовлетворения интересов и спроса субъектов (сотрудников ОВД, в жилищной политике) в значимой для государства деятельности.

Юридическая сущность жилищных отношений очень разнообразна, регулируется как частноправовыми нормами, так и нормами публичного права [3].

Исполнение прав на выделение жилого помещения сотрудникам ОВД предполагает присвоение сотруднику ОВД, как и иным гражданам, нуждающимся в улучшении жилищных условий, права владения пользования, распоряжения жилым помещением. В реализации данных прав сотруднику необходимо зарегистрировать право собственности на жилое помещение либо на основании иных гражданско-правовых норм владеть и пользоваться жилым помещением (договор социального найма жилого помеще-

ния). Государственные органы, органы местного самоуправления содействуют в реализации вышеуказанных прав при помощи предоставления разнообразных жилищных льгот и возможностей.

В своих исследованиях Б. М. Гонгало и П. В. Крашенинников отмечают следующее. Статья 2 Жилищного кодекса РФ закрепляет, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своей компетенции обеспечивают создание условий для осуществления гражданами права на жилище [3]. Следовательно, существенной составляющей в правовой основе реализации права сотрудников ОВД на улучшение жилищных условий считаются правовые нормы, имеющие публично-правовой характер. Такие нормы устанавливают систему принятия координационных решений власти, вследствие которых возникают вещные права и обязательства в правоотношениях.

Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет нормы по реализации прав сотрудников ОВД на жилые помещения по льготным условиям, регулирующие управленческие решения и организационные отношения, непосредственно относящиеся к обеспечению сотрудников ОВД жильем.

Предоставление жилого помещения по договору социального найма (ст. 6 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ) является приоритетной формой реализации гарантий и льгот сотрудников ОВД и нацелено на приобретение права пользования определенным жилым помещением, а именно: получение жилья по договору социального найма во временное владение и пользование на возмездной основе [1].

Многие ученые договор социального найма относят к потребительскому, который направлен на реализацию личных потребностей граждан по улучшению жилищных условий [8]. Вместе с тем Жилищным кодексом Российской Федерации закреплён порядок заключения договора социального найма с учетом норм и положений ГК РФ (п. 3 ст. 671 ГК РФ). Поскольку договор социального найма жилого помещения заключается с сотрудником ОВД, находящимся на службе и реализующим государственные задачи в интересах общества и государства, обеспечивающим своей деятельностью охрану общественного порядка, безопасности, то в данном случае форма потребительского характера договора обуславливается социальной значимостью общества. Таким способом реализуются задачи по обеспечению жильем граждан, служебная деятельность которых обусловлена высоким риском причинения вреда жизни и здоровью сотруднику ОВД, которая сосредоточена в реализации публичных интересов всего общества и государства.

Заключение

Право на владение, пользование жилым помещением сотрудниками ОВД реализуется посредством двух групп правовых взаимодействий: административные и гражданско-правовые. В связи с тем, что для передачи жилых помещений сотрудникам ОВД применяются объекты муниципальной и государственной собственности, необходим регулирующий порядок

по учету лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставляемых ОВД по договорам социального найма. Такие отношения характеризуются специальным правовым регулированием для сотрудников ОВД, в корне отличающихся от реализации прав в получении жилых помещений для граждан, не имеющих отношение к ОВД.

Список литературы

1. **Жилищное право**: учебник. М.: Юриспруденция, 2016. 528 с.
2. **Качалова И. В.** Право собственности и иные вещные права граждан на жилые помещения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2006. 30 с.
3. **Кодификация российского частного права** / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.
4. **Красавчиков О. А.** Основы жилищного законодательства: предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства: межвузовский сб. науч. тр. Свердловск, 1981. С. 9 – 25.
5. **Крашенинников П. В.** Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2020. 432 с.
6. **Крашенинников П. В.** Жилищное право. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2010. 413 с.
7. **Петрова Ю. А.** Теоретические и практические аспекты реализации жилищных прав сотрудников органов внутренних дел // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 191 – 195.
8. **Российское гражданское право**: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2016. Т. 2: Обязательственное право. 1206 с.
9. **Российское гражданское право**: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
10. **Чернов Е. А.** К вопросу о реализации жилищных прав сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. №3 (71). С. 83 – 86.

References

1. **Zhilishchnoye pravo**: uchebnik [Housing law: textbook]. Moscow: Yurisprudentsiya, 2016, 528 p. (In Russ.).
2. **Kachalova I.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*. 12.00.03. Moscow, 2006. 30 p. (In Russ.).
3. **Medvedev D.A. (Ed.)** *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava* [Codification of Russian private law], Moscow: Statut, 2019. 492 p. (In Russ.).
4. **Krasavchikov O.A.** [Fundamentals of housing legislation: the subject of regulation and legal nature], *Osnovy sovetskogo zhilishchnogo zakonodatel'stva: mezhvuzovskiy sb. nauch. tr.* [Fundamentals of Soviet housing legislation: interuniversity collection of scientific papers], Sverdlovsk, 1981, pp. 9-25. (In Russ.).
5. **Krasheninnikov P.V.** *Zhilishchnoye pravo* [Housing law], Moscow: Statut, 2020. 432 p. (In Russ.).
6. **Krasheninnikov P.V.** *Zhilishchnoye pravo* [Housing law], Moscow: Statut, 2010. 413 p. (In Russ.).
7. **Petrova Yu.A.** [Theoretical and practical aspects of the implementation of housing rights of employees of internal affairs bodies], *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of economic security], 2016, no. 1, pp. 191-195. (In Russ.).

8. **Sukhanov Ye.A. (Ed.)**. *Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: uchebnyk* [Russian civil law: textbook], in 2 v. Moscow: Statut, 2016. V. 2: *Obyazatel'stvennoye pravo* [Law of Obligations], 1206 p. (In Russ.).

9. **Sukhanov Ye.A. (Ed.)**. *Rossiyskoye grazhdanskoye pravo: uchebnyk* [Russian civil law: textbook], in 2 v. Moscow: Statut, 2011. V. 1: *Obshchaya chast'. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Intellektual'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava* [General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights]. 958 p. (In Russ.).

10. **Chernov Ye.A.** [To the question of the implementation of housing rights of employees of internal affairs bodies], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 3(71), pp. 83-86. (In Russ.).

On Legal Nature of the Norms Forming the Legal Basis for the Exercise of Right to Housing of Police Officers

Yu. A. Kanaeva, *Candidate for PhD degree, Department of Civil and Labor Law,
Civil Procedure, V. Ya. Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia;
aleksandrovna-88@mail.ru*

The features of the exercise of right to housing of police officers are considered. It is emphasized that this right is one of the social guarantees and acts as a guarantee of providing police officers with living quarters. The doctrinal points of view, indicating that there are problems in exercising the right to provide police officers with housing, are analyzed. The purpose of the article is to analyze the regulatory framework for the implementation of this right by police officers within the framework of social employment contracts.

It is concluded that the right to own and use residential premises by police officers is realized through two groups of legal interactions – administrative and civil law. Therefore, the regulatory procedure for accounting for persons in need of improved housing conditions provided by the Department of Internal Affairs under social employment contracts. Such relations are characterized by special legal regulation for police officers, which differ from the right to receive housing for citizens who are not related to the police department.

Keywords: contract of social employment; living quarters; the right to housing for police officers; the right to housing; improvement of living conditions.

© Ю. А. Канаева, 2022

Статья поступила в редакцию 15.01.2022

При цитировании использовать:

Канаева Ю. А. К вопросу о правовой природе норм, составляющих правовую основу реализации права на жилище сотрудников ОВД // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 98 – 102. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.098-102

На основе социологических исследований проводится криминологический анализ феномена криминальных лидеров («воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и т.п.) в местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы России. Авторы приходят к выводу: чтобы решить проблему криминальных лидеров, необходим не только правовой, но и идеологический инструментарий, который, к сожалению, пока не выработан ни наукой, ни практикой.

Ключевые слова: «воры в законе»; лица, заключенные под стражу; исправительные учреждения; осужденные; «положенцы»; следственные изоляторы; «смотрящие»; сотрудники администрации.

Сергей Алексеевич Кутякин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра административного и финансового права,
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», Рязань, Россия
Kutiakin@yandex.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного процесса, Рязанский филиал
ФГКОУ ФО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
tyotkinden@mail.ru

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ АВТОРИТЕТОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Постановка проблемы

Пенитенциарная криминология давно и небезуспешно занимается исследованием процессов внутренней организации (самоорганизации) осужденных, содержащихся в различных видах исправительных учреждений и следственных изоляторах [1 – 3]. Как правило, в результате подобной самоорганизации появляются устойчивые группы осужденных (лиц, содержащихся под стражей), возглавляемые привычными лидерами тюремного сообщества. В первую очередь к ним относятся различного рода «смотрящие» и «положенцы». Данные неформальные образования внутри исправительных учреждений порою четко структурированы, обладают налаженными каналами связи с аналогичными структурами в других исправительных учреждениях, а также с представителями криминального мира, находящимися на свободе. Общее руководство и контроль за деятельностью данных неформальных криминальных структур осуществляют суперлидеры криминального мира – «воры в законе» [4].

Появление подобных неформальных криминальных структур в местах лишения свободы обусловлено антагонизмом, объективно существующим

между представителями администрации исправительного учреждения (следственного изолятора) и содержащимися в нем осужденными (лицами, заключенными под стражу). Объединяясь в неформальные структуры под руководством криминальных лидеров, осужденные (лица, заключенные под стражу) создают свой внутренний мир, позволяющий им нивелировать издержки, связанные с многочисленными ограничениями, обусловленными режимом отбывания наказания (режимом содержания под стражей).

Следует отметить, что администрация исправительных учреждений и следственных изоляторов ведет перманентную борьбу с данными криминальными объединениями и их лидерами («смотрящими», «положенцами» и т.п.). Методы этой борьбы не отличаются особым разнообразием и, в целом, сводятся к изоляции лидеров неформальных образований осужденных (лиц, заключенных под стражу) или их моральной дискредитации. В некоторых случаях данные лидеры привлекаются к уголовной ответственности. Однако на смену одним приходят другие, и криминальная ситуация в исправительном учреждении (следственном изоляторе) опять требует принятия различных мер к данным лицам.

В этой связи некоторые руководители предпочитают устанавливать «договорные» отношения с криминальными лидерами осужденных, когда в обмен на порядок и дисциплину среди основной массы осужденных, криминальные лидеры и приближенные к ним лица получают разнообразные «льготы» и «поблажки», позволяющие им отбывать уголовное наказание в более комфортных условиях, нежели того требует закон и режим в данном конкретном исправительном учреждении.

В этой связи полагаем, что будут небезынтересны результаты проведенного научно-практического анализа исследования мнения сотрудников уголовно-исполнительной системы России по проблеме «воров в законе» и иных криминальных «авторитетов» в местах лишения свободы.

Результаты исследования

Данный анализ сделан на основе социологического исследования (анкетного опроса), проведенного среди сотрудников уголовно-исполнительной системы России. В качестве респондентов выступили сотрудники различных служб и подразделений исправительных учреждений, тюрем, следственных изоляторов, чья деятельность связана с непосредственным общением с осужденными и лицами, заключенными под стражу. Вопросы анкеты были сформулированы на предмет получения следующих сведений:

- о существовании в исправительных учреждениях и следственных изоляторах различного рода «смотрящих» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу;
- отношении сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов к неформальному институту «смотрящих» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу;
- осведомленности сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов о законах преступного мира, действующих среди осужденных и лиц, заключенных под стражу;

- профессиональной деградации сотрудников уголовно-исполнительной системы, обусловленной влиянием норм криминальной субкультуры;
- попытках подкупа сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов либо осуществления их шантажа со стороны различных криминальных авторитетов, в том числе и «воров в законе»;
- отношении сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов к существующим мерам противодействия, «ворам в законе», различного рода криминальным «авторитетам» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу.

В результате указанного социологического опроса были получены следующие данные.

О существовании среди осужденных и лиц, заключенных под стражу, различного рода «смотрящих». Наличие в их исправительном учреждении (следственном изоляторе) различного рода «смотрящих» из числа осужденных и лиц, заключенных под стражу, подтверждают 60,51 % опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы России. О том, что в их исправительных учреждениях (следственных изоляторах) нет никаких «смотрящих» заявили 36,16 % опрошенных сотрудников уголовно-исполнительной системы России; 3,3 % опрошенных сотрудников не располагают какими-либо сведениями о существовании в тех исправительных учреждениях (следственных изоляторах), где они проходят службу, каких-либо «смотрящих» из числа осужденных и лиц, заключенных под стражу.

На вопрос «Известно ли вам о существовании в вашем учреждении организованного неформального сообщества осужденных под руководством “смотрящих” и иных криминальных авторитетов?», положительно ответили 48,28 % опрошенных сотрудников; 44,48 % опрошенных заявили о том, что в их учреждении подобной организации среди осужденных нет; 7,23 % опрошенных сотрудников не располагает какими-либо сведениями о существовании в их учреждении организованного неформального сообщества осужденных под руководством «смотрящих» и иных криминальных авторитетов.

Говоря о степени организованности неформального сообщества осужденных под руководством «смотрящих» и иных криминальных авторитетов, опрошенные сотрудники заявили, что существующее в их исправительных учреждениях неформальное сообщество осужденных под руководством «смотрящих» и иных криминальных авторитетов имеет свою структуру (руководителей, исполнителей и т.п.) – 32,25 %. О том, что подобная неформальное сообщество среди осужденных существует, но не имеет своей структуры заявляют 22,08 % опрошенных.

Об отношении опрошенных сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов к институту «воров в законе» и «смотрящих» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу. О том, что наличие в исправительном учреждении (следственном изоляторе) «вора в законе», «смотрящего» способствует стабилизации оперативной обстановки заявили 11,3 % опрошенных сотрудников. Почти четверть опрошенных сотрудников (24,6 %) считают, что наличие в исправительном учреждении (следственном изоляторе) «вора в законе», «смотрящего» позволяет легче управлять осужденными (лицами, заключенными под стражу) и поддерживать в их среде правопорядок. Подавляющее большинство

опрошенных сотрудников (62,1 %) делают вывод о том, что наличие в исправительном учреждении (следственном изоляторе) «вора в законе», «смотрящего» приводит к дестабилизации оперативной обстановки и различного рода нарушениям режима отбывания наказания (содержания под стражей) среди осужденных и лиц, заключенных под стражу. Сравнительно малый процент опрошенных сотрудников (0,8 %) заявили о том, что «воры в законе» и «смотрящие» взаимодействуют с администрацией исправительного учреждения (следственного изолятора) для достижения собственных целей. Мнение о том, что «воры в законе» и «смотрящие» не влияют на оперативную обстановку в местах лишения свободы, высказали также 0,8 % опрошенных сотрудников.

Свое отношение к неформальному институту «смотрящих» опрошенные сотрудники уголовно-исполнительной системы выразили следующим образом. Расценивают данный феномен как положительный 15,53 % опрошенных сотрудников. Они же считают, что существующий институт «смотрящих» помогает администрации исправительных учреждений осуществлять управленческую деятельность в среде осужденных и контролировать их поступки и поведение. Некоторая часть сотрудников (3,69 %) уточняет, что данный неформальный институт может быть полезен и конструктивен лишь в тех случаях, когда он создан и осуществляет свою деятельность под руководством администрации исправительного учреждения.

Большая часть опрошенных сотрудников (72,67 %) выразили свое негативное отношение к неформальному институту «смотрящих». Эти сотрудники считают, что данный неформальный феномен направлен на противодействие законным требованиям администрации исправительного учреждения.

И, наконец, 8,11 % опрошенных сотрудников заявляют о том, что относятся к этому явлению безразлично, так как различного рода «смотрящие», по их мнению, никак не влияют на деятельность исправительного учреждения и состояние правопорядка среди осужденных.

Говоря о своем личном отношении к преступным авторитетам, опрошенные сотрудники заявили о том, что:

- относятся к ним с уважением и видят в них достойного противника – 23,18 % опрошенных;
- относятся к ним без уважения, но видят в них серьезных противников – 0,6 % опрошенных;
- видят в преступных авторитетах аморальных личностей, и потому относятся к ним с пренебрежением – 13,06 % опрошенных;
- относятся к ним нейтрально, как и к другим осужденным, большинство опрошенных сотрудников – 60,26 %.

Незначительная часть сотрудников (1 %) заявляет о том, что их отношение к криминальным лидерам во многом зависит от качеств личности последних.

Наличие конфликтных ситуаций, возникающих с осужденными из числа «смотрящих» и «воров в законе», подтверждают 41,1 % опрошенных сотрудников. В свою очередь, 59,9 % сотрудников заявляют об отсутствии у них каких-либо конфликтов с данной категорией осужденных.

Подавляющее большинство опрошенных сотрудников (91,28 %) в качестве причин возникновения конфликтов со «смотрящими» и «вора-

ми в законе» указывают на то, что эти осужденные, как правило, не выполняют их законные требования по соблюдению режима отбывания наказания. Личные неприязненные отношения с данной категорией осужденных, как причина возникновения конфликта, наличествуют у 8,72 % опрошенных сотрудников.

Оценивая такие человеческие качества «воров в законе», как честность, искренность, справедливость, 18,6 % опрошенных ответили, что среди «воров в законе» есть порядочные люди. Отрицают наличие таких качеств у «воров в законе» 18,1 % опрошенных сотрудников. Фразеологизм «они («воры в законе») порядочны только на словах» употребили в своих ответах 36,95 % опрошенных. И, наконец, 17,3 % опрошенных сотрудников затруднились однозначно оценить человеческие качества «воров в законе».

Об осведомленности сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов о законах преступного мира, действующих среди осужденных и лиц, заключенных под стражу. Отвечая на вопрос, известны ли вам традиции и обычаи преступного мира, нормы криминальной субкультуры, 48,9 % опрошенных подтвердили наличие у них таких знаний. Не располагают такими знаниями 7,9 % опрошенных сотрудников. Располагают такими знаниями не в полной мере 3,83 % опрошенных. Не нуждаются, по их мнению, в таких знаниях 0,55 % опрошенных. Мнение о том, что такие знания позволяют квалифицированно противодействовать противоправному поведению осужденных, выразили 47,83 % опрошенных.

О профессиональной деградации сотрудников уголовно-исполнительной системы, обусловленной влиянием норм криминальной субкультуры. Выражая свое мнение о профессиональной деградации сотрудников уголовно-исполнительной системы, обусловленной проникновением в их сознание норм криминальной субкультуры и восприятием этих норм, 23,55 % опрошенных считают, что чем больше сотрудник общается с представителями криминальной субкультуры, тем сильнее он подпадает под ее влияние. Негативному влиянию криминальной субкультуры подвержены сотрудники с невысоким образовательным и культурным уровнем, считают 38,6 % опрошенных. Негативному влиянию криминальной субкультуры подвержены в первую очередь молодые и неопытные сотрудники, считают 39,88 % опрошенных. Копируют правила поведения преступной субкультуры и применяют их в своей повседневной жизни 11,56 % опрошенных. На необходимость использования в общении с осужденными норм криминальной субкультуры указали 11,32 % опрошенных сотрудников.

О попытках подкупа сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов либо осуществления их шантажа со стороны различных криминальных авторитетов, в том числе и «воров в законе». Значительное число опрошенных сотрудников (41,7 %) при осуществлении служебной деятельности сталкивалось с попытками подкупа со стороны «воров в законе» и иных преступных «авторитетов». Остальные опрошенные сотрудники (58,3 %) отрицают наличие получения предложений

коррупционного характера со стороны «воров в законе» и иных преступных «авторитетов». Как правило, в качестве взятки предлагались деньги (19,21 %), услуги личного характера (15,43 %), услуги для учреждения, в котором «вор в законе» или преступный «авторитет» отбывает уголовное наказание (16,06 %). В редких случаях в качестве взятки сотрудникам предлагалась различного рода информация (0,95 %).

Значительно реже (19,9 % опрошенных) респонденты сталкивались с фактами получения угроз и шантажа в свой адрес со стороны «воров в законе» и иных преступных «авторитетов»; 63,1 % отрицают наличие таких фактов по отношению к себе; 17 % опрошенных заявили о том, что в отношении них предпринимались попытки шантажа и угроз, но не со стороны самих «воров в законе» и криминальных «авторитетов», а со стороны их приспешников.

Об отношении сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов к существующим мерам противодействия «ворам в законе» и различного рода криминальным «авторитетам» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу. Отвечая на вопрос о необходимости организации противодействия «ворам в законе» и различного рода криминальным «авторитетам» среди осужденных и лиц, заключенных под стражу, 70,93 % опрошенных считают организацию такого противодействия важной и необходимой мерой. Не видят такой необходимости 1,75 % опрошенных. Это явление неискоренимо считают 12,46 % опрошенных. К выводу о том, что это (противодействие «ворам в законе» и различного рода криминальным «авторитетам») не имеет никакой перспективы, склоняются 13,2 % опрошенных; 1,66 % опрошенных считают, что нужно бороться только с теми «ворами в законе» и криминальными «авторитетами», которые мешают администрации исправительного учреждения (следственного изолятора) управлять осужденными (лицами, заключенными под стражу).

Как известно, одной из самых «популярных» мер противодействия «ворам в законе» и криминальным «авторитетам» в местах лишения свободы является так называемое «развенчивание». Этот метод заключается в том, что администрация исправительного учреждения (следственного изолятора) искусственно создает такие условия, в которых криминальный лидер вынужден отречься от своего статуса в преступной среде. Свое отношение к методу «развенчивания» опрошенные сотрудники выразили следующим образом:

- в необходимости применения такого метода уверены 62,48 % опрошенных сотрудников;
- 0,63 % опрошенных высказались против применения «развенчивания»;
- 11,33 % опрошенных заявили о том, что процедуру «развенчивания» следует применять только к тем преступным «авторитетам», которые не желают сотрудничать с администрацией;
- 0 % опрошенных сотрудников считают практику «развенчивания» аморальной;
- 3 % опрошенных считают это бесперспективным, так как, по их мнению, на смену одному придет другой криминальный лидер.

Оценивая перспективу полного искоренения «воров в законе» и их традиций, в том числе мерами уголовно-правового характера, 47,28 % опрошенных не сомневаются в том, что это достижимо в недалеком будущем; считают это бесперспективным 52,2 % опрошенных сотрудников.

Заключение

Проведенный анализ результатов вышеуказанного социологического опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы России, позволяет нам сделать следующие выводы.

В исправительных учреждениях и следственных изоляторах, среди осужденных и лиц, заключенных под стражу, существуют неформальные объединения, возглавляемые «смотрящими». Эти криминальные образования имеют свою структуру и иерархию.

Наличие в исправительном учреждении (следственном изоляторе) «вора в законе», «смотрящего» приводит к дестабилизации оперативной обстановки и различного рода нарушениям режима отбывания наказания (содержания под стражей) среди осужденных и лиц, заключенных под стражу.

Большинство возникающих конфликтов у сотрудников администрации со «смотрящими» и «ворами в законе» происходит по причине того, что эти осужденные, как правило, не выполняют их законные требования по соблюдению режима отбывания наказания.

Знание традиций и обычаев преступного мира, норм криминальной субкультуры позволяет сотрудникам исправительных учреждений и следственных изоляторов более эффективно противодействовать лидерам криминальной среды.

Негативному влиянию криминальной субкультуры подвержены в первую очередь молодые и неопытные сотрудники с невысоким образовательным и культурным уровнем, что, в свою очередь, приводит их к профессиональной деградации.

Наличие криминальных лидеров в исправительных учреждениях (следственных изоляторах) существенно повышает коррупционные риски, так как эти лица склонны к осуществлению подкупа сотрудников администрации.

Очевидно, что в обозримой перспективе решить проблему криминальных авторитетов («воров в законе», «смотрящих» и т.п.) существующими режимными и уголовно-правовыми методами представляется крайне затруднительным. Для этого необходим не только правовой, но и идеологический инструментарий, который, к сожалению, пока не выработан ни наукой, ни практикой.

Список литературы

1. **Кутякин С. А.** Некоторые исторические аспекты возникновения феномена «воры» в местах лишения свободы России второй половины XIX в. // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1(3). С. 27 – 31.
2. **Анисимков В. М.** Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М.; Саратов, 1998. 45 с.

3. **Бондаренко С. В.** Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 35 с.

4. **Кутякин С. А., Теткин Д. В.** «Воры в законе»: анализ истории и современности // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2020. № 1. С. 126 – 132.

References

1. **Kutyakin S.A.** [Some historical aspects of the emergence of the phenomenon of “thieves” in places of deprivation of liberty in Russia in the second half of the XIX century], *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo* [Penal law], 2007, no. 1(3), pp. 27-31. (In Russ.)

2. **Anisimkov V.M.** *Extended abstract of Doctor's of Legal thesis*, 12.00.08, Moscow; Saratov, 1998, 45 p. (In Russ.)

3. **Bondarenko S.V.** *Extended abstract of Candidate's of Legal thesis*, 12.00.08, Moscow, 2016, 35 p. (In Russ.)

4. **Kutyakin S.A., Tetkin D.V.** [“Thieves in law”: an analysis of history and modernity], *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo* [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2020, no. 1, pp. 126-132. (In Russ.)

A Scientific-Practical Analysis of the Study of Penal System Employees' Opinion in Russia on the Problem of Criminal Leaders in Custody

S. A. Kutyakin, *Cand. Sci (Law), Associate Professor, Department of Administrative and Financial Law, The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia; Kutiakin@yandex.ru*

D. V. Tetkin, *Cand. Sci (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia; tyotkinden@mail.ru*

On the basis of sociological research conducted by the authors, the article provides a criminological analysis of the phenomenon of criminal leaders (“thieves in law”, “proprietors”, “overseers”, etc.) in custodial settings of the penal system of Russia. The authors come to the conclusion that in order to solve the problem of criminal leaders, not only legal, but also ideological tools are needed, which, unfortunately, have not yet been developed either by science or practice.

Keywords: “thieves in law”; persons in custody; correctional institutions; convicts; “supporters”; pre-trial detention centers; “overseers”; administration staff.

© С. А. Кутякин, 2022

© Д. В. Теткин, 2022

Статья поступила в редакцию 07.11.2021

При цитировании использовать:

Кутякин С. А., Теткин Д. В. Научно-практический анализ исследования мнения сотрудников уголовно-исполнительной системы России по проблеме неформальных авторитетов в местах лишения свободы // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 103 – 110. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.103-110

Исследованы проблемные вопросы государственного регулирования внешней миграции в России, вставшие перед органами государственного управления в связи с пандемией коронавируса. Проанализировано воздействие противоэпидемиологических ограничений на положение дел в отраслях российской экономики с большим присутствием иностранной рабочей силы, а также законодательные и организационные меры, предпринятые органами государственной власти России в целях урегулирования проблемных вопросов внешней миграции и нормализации ситуации в «мигрантоемких» отраслях российской экономики. Сделаны выводы, что меры, предпринятые органами государственной власти России в условиях пандемии коронавируса, позволили оперативно и своевременно урегулировать правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства, а также содействовали легальному трудоустройству и выходу из теневой занятости значительной части трудовых мигрантов. Предложены дополнительные законодательные и организационные меры, которые могут способствовать сохранению положительного эффекта мер, предпринятых органами государственной власти России в условиях пандемии коронавируса.

Ключевые слова: государственное управление внешней миграцией; пандемия коронавируса; урегулирование правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства; трудовые мигранты.

Эльвира Александровна Мамонтова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
mamontova-e@rambler.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИЕЙ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Введение

Различные миграционные процессы той или иной интенсивности происходят во всех странах, причем для ряда стран миграция населения стала значимым фактором их экономического и социального развития. Вопросы регулирования процессов международной миграции населения вызывают такие ожесточенные споры в современном мире, что оппонентам порой очень сложно найти устраивающие все стороны компромиссные решения. Например, недавний кризис миграционных отношений между Евросоюзом (ЕС) и Турцией по поводу «транзита» ближневосточных беженцев через Турцию в ЕС, который с трудом удалось уладить. Да и внутри самого Евросоюза противоречия между странами по поводу реализации миграционных программ ЕС настолько велики, что стали одной из важных причин выхода Великобритании из ЕС.

Регулирование процессов международной миграции является очень значимой проблемой и для нашей страны, поскольку Россия занимает

третье место в мире по масштабам внешней миграции после США и Германии. Ежегодно в Российскую Федерацию приезжают несколько миллионов трудовых мигрантов, каждый год несколько сотен тысяч иностранцев натурализуются в РФ, пройдя через длительные процедуры приобретения гражданства РФ, или получают вид на жительство. Такое активное присутствие мигрантов в экономической и социальной жизни России требует от властей страны постоянного внимания к урегулированию проблемных вопросов внешней миграции, а пандемия коронавируса добавила еще ряд проблем, которые стали объектом исследования в данной статье.

Обсуждение

Исследование поставленных в данной статье задач проводилось с использованием статистического метода и метода диалектического познания. Сравнительный анализ статистических данных в их динамике позволил обосновать актуальность рассматриваемых в статье проблем. Обобщение полученных результатов исследования позволило выработать предложения законодательным и исполнительным органам власти Российской Федерации и субъектов федерации по решению проблемных вопросов государственного регулирования внешней миграции в РФ, вставших перед органами государственного управления в связи с пандемией коронавируса.

Проблемы государственного регулирования внешней миграции постоянно анализируются в органах государственной власти Российской Федерации и субъектов федерации, в научном сообществе страны. Средства массовой информации внимательно отслеживают миграционную ситуацию в стране, учитывая интерес российского общества к теме внешней миграции и неоднозначное отношение коренного населения к активному присутствию мигрантов в экономической и социальной жизни России. Государственное управление миграционными процессами в России является одной из самых важных и сложных задач для органов государственной власти, это наглядно проявилось в период массовой миграции на территорию страны в 1990-е годы, когда государство фактически утратило контроль над широкомасштабными миграционными потоками. На каждом этапе экономического, политического и социального развития нашей страны появляются новые проблемы и вызовы для миграционной политики, которые требуют от органов государственной власти изучения, осмысления и поиска возможных решений, в чем неоценима помощь и рекомендации со стороны научного сообщества.

В последние два десятилетия сложнейшей из проблем миграционной политики России стала проблема государственного управления внешней трудовой миграцией и решения связанных с ней вопросов нелегальной миграции и «теневого» трудовой занятости мигрантов. Не вызывает сомнений, что внешняя трудовая миграция стала неотделимой частью российской экономики, в ряде критически важных отраслей (строительство, жилищно-коммунальное хозяйство и сфера услуг крупных городов, сезонные работы в сельском хозяйстве) велико присутствие иностранной рабочей силы, особенно в строительстве. В условиях безвизового общения со стра-

нами СНГ и свободного рынка труда в рамках ЕАЭС внешняя трудовая миграция – стихийный процесс, на который влияет много факторов, но прежде всего, состояние экономики нашей страны. В годы подъема российской экономики внешняя трудовая миграция возрастает, в кризисные периоды она снижается. В условиях пандемии коронавируса стало ясно, что и противоэпидемиологические ограничения могут оказывать значительное влияние на внешнюю трудовую миграцию.

Проблемы государственного регулирования внешней миграции привлекают внимание многих российских исследователей. В частности, различные аспекты регулирования внешней трудовой миграции рассматриваются в работах В. А. Волоха, Г. А. Гельмана, Ж. А. Зайончковской, Т. И. Заславской, В. А. Ионцева, А. А. Кауфмана, В. М. Моисеенко, В. И. Мукомеля, С. В. Рязанцева, Л. Л. Рыбаковского, О. С. Чудиновских и др. Они отмечают, что наличие значительного количества дешевой иностранной рабочей силы тормозит модернизацию ряда отраслей российской экономики, в которых велико присутствие трудовых мигрантов. Они также отмечают необходимость регулирования процессов внешней трудовой миграции преимущественно экономическими методами, поскольку постоянное ужесточение миграционного контроля только приводит к уходу мигрантов в «теневой» сектор российской экономики.

В 2020 году в России в связи с пандемией коронавируса были введены строгие противоэпидемиологические ограничения (меры по самоизоляции и резкому ограничению передвижения населения, закрытие границ в целях нераспространения коронавирусной инфекции), которые оказали значительное влияние на внешнюю трудовую миграцию. Снижение объемов производства в строительном секторе, резкое снижение производства в сфере услуг, приостановка сезонных работ по ремонту и благоустройству в жилищно-коммунальном хозяйстве, привели к тому, что в этих отраслях российской экономики сократилось много рабочих мест, уменьшились зарплаты. Работодатели увольняли в первую очередь мигрантов, которые зачастую были неофициально трудоустроены. В основном это были низкоквалифицированные рабочие из среднеазиатских стран СНГ. Многие из них нашли другую работу (преимущественно в курьерской доставке еды и лекарств) или перебивались случайными заработками. Большинство потерявших работу мигрантов не спешили покидать Россию, поскольку на родине ситуация была еще хуже. Уехать в страны происхождения вынуждены были в основном нелегальные мигранты, чтобы переоформить свой статус и снова приехать в Россию на заработки.

Обычно трудовые мигранты не располагают достаточным запасом денежных средств на случай кризиса, поскольку половину заработка отправляют своим семьям на родину. Поэтому в случае потери работы им приходится соглашаться на любую работу и на любые условия работодателей. Некоторые из них решаются на преступный промысел (воровство и грабежи), что создает угрозу общественной безопасности.

По данным МВД РФ за январь-декабрь 2020 года число оформленных разрешений на работу снизилось более чем вдвое в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (с 126,9 тыс. до 62,7 тыс.), а число оформ-

ленных патентов снизилось более чем на одну треть (с 1 млн 767,3 тыс. до 1 млн 132,6 тыс.) [3]. Эти данные показывают, что легальная трудовая миграция в России в 2020 году снизилась более чем на одну треть. В 2021 году ситуация с легальной трудовой миграцией в России продолжает оставаться сложной. Представители Правительства РФ сообщают в средствах массовой информации, что из-за закрытия границ дефицит трудовых мигрантов в России достиг 1,5 – 2,0 млн человек, вследствие чего возросла стоимость рабочей силы в строительной отрасли и сельском хозяйстве.

Органы государственной власти России в условиях затянувшейся пандемии коронавируса стараются оперативно решать возникающие из-за противоэпидемиологических ограничений у трудовых мигрантов и иных категорий иностранцев проблемы трудоустройства и правового статуса, чтобы облегчить их положение и не допустить роста преступности.

Госдумой РФ в 2020 году по ускоренной процедуре была одобрена поправка в ст. 13.3 Федерального закона № 115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Из п. 8 ст. 13.3 было исключено ограничение по числу обращений трудовых мигрантов за продлением патента [5]. Прежде иностранный работник мог продлить патент (срок действия которого не может превышать 12 месяцев) один раз на срок не более 12 месяцев. Поэтому по окончании срока действия данного патента ему обязательно необходимо было покинуть территорию РФ и вернуться обратно, чтобы получить право оформить новый патент на занятие трудовой деятельностью. Принятая поправка позволяет иностранному работнику, прибывшему в нашу страну в безвизовом порядке и работающему на основании патента, неограниченное число раз продлевать имеющийся патент без выезда из РФ, что значительно упростило жизнь иностранным работникам в условиях жестких противоэпидемиологических ограничений. Теперь легальные трудовые мигранты из безвизовых стран могут длительное время безвыездно пребывать и работать на территории РФ, благодаря чему работодатели будут более заинтересованы в их найме, да и противоэпидемиологические ограничения лучше будут соблюдаться.

Правительство Российской Федерации и правительства субъектов федерации предпринимают усилия сохранить по мере возможности занятость для трудовых мигрантов в критически важных отраслях экономики, где велико присутствие иностранных работников, особенно в сельском хозяйстве и строительном секторе. Поскольку в строительном секторе рабочие обычно мало контактируют с остальным населением, удалось в основном сохранить темпы строительства, не нарушая противоэпидемиологических ограничений. Так как в настоящее время в строительном секторе экономики ощущается большая нехватка рабочей силы, в Правительстве РФ рассматривают возможность целевого завоза трудовых мигрантов из соседних стран на крупные стройки (с предварительной вакцинацией от коронавируса) [8].

Президент РФ В. Путин своим Указом № 274 от 18 апреля 2020 года, в интересах урегулирования правового положения иностранных граждан и

лиц без гражданства продлил сроки действия их документов (виза, миграционная карта, удостоверение беженца, разрешение на временное проживание, вид на жительство и др.), действительных по состоянию на 15 марта 2020 года. Кроме того, были сделаны очень важные новации по упрощению порядка трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях пандемии коронавируса [6]. Затем В. Путин еще несколько раз продлевал действие мер по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в Российской Федерации.

Указом № 364 от 15 июня 2021 года Президент РФ снова продлил сроки действия документов иностранных граждан и лиц без гражданства, теперь по 31 декабря 2021 года включительно. В этом указе сделаны очень важные дополнения и изменения к порядку трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства в условиях пандемии коронавируса. Иностранные граждане из стран ЕАЭС независимо от ранее заявленной цели визита в РФ вправе до 31 декабря 2021 года включительно заключать трудовые договора. Иностранные граждане и лица без гражданства, прибывшие в РФ в безвизовом порядке, независимо от ранее заявленной цели визита в РФ вправе до 31 декабря 2021 года включительно оформлять патент. Работодатели, имеющие разрешение на привлечение иностранных работников, вправе до 31 декабря 2021 года включительно обратиться с заявлением о выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства, прибывшим в РФ в визовом порядке, разрешений на работу независимо от ранее заявленной цели визита в РФ. Все вышеперечисленные иностранные граждане и лица без гражданства вправе осуществлять трудовую деятельность до окончания сроков действия этих трудовых договоров, патентов, разрешений на работу [7].

Меры, предпринятые органами государственной власти Российской Федерации по урегулированию правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства и по содействию их трудоустройству, упростили жизнь легальным трудовым мигрантам, а также способствовали выходу многих нелегалов из теневой занятости. Статистические данные свидетельствуют о том, что меры, предпринимаемые властями РФ по поддержке легальной трудовой миграции, начинают давать эффект.

Например, данные МВД РФ за январь-июнь 2021 года в сравнении аналогичным периодом 2020 года показывают увеличение числа оформленных разрешений на работу (35,2 тыс. против 24,9 тыс.) и числа оформленных патентов (869,7 тыс. против 649,1 тыс.) [4].

Особенно показательны в плане выведения мигрантов из «теневой» занятости данные МВД РФ о соотношении числа поставленных на миграционный учет иностранцев и числа тех из них, которые указали целью въезда работу. Так, за январь-декабрь 2020 года было поставлено на миграционный учет 9 млн 802,4 тыс. иностранцев, из них указали целью въезда работу всего 2 млн 358,8 тыс. человек [1]. А за январь-июнь 2021 года было поставлено на миграционный учет 5 млн 204,6 тыс. иностранцев, причем большинство из них указали целью въезда работу – 3 млн 654,5 тыс. человек [2].

Новации по трудоустройству мигрантов в указе Президента РФ В. Путина № 364 от 15 июня 2021 года показали свою действенность в плане дальнейшего развития легальной трудовой миграции в России и вывода нелегалов из «теневой» трудовой занятости. Желательно было бы Госдуме РФ принять соответствующий федеральный закон, чтобы эти временные меры по упрощению трудоустройства мигрантов продолжали действовать и после окончания пандемии коронавируса, чтобы после отмены строгих противоэпидемиологических ограничений ситуация с «теневой» занятостью трудовых мигрантов не вернулась к исходной.

Кроме того, российским законодателям стоило бы продлить на постоянной основе положения президентского указа о «миграционной амнистии» для трудовых мигрантов и иных категорий иностранных граждан, нарушивших лишь миграционный режим пребывания в РФ и не имеющих других нарушений закона, чтобы способствовать принятию ими решения о выходе из «тени», не опасаясь штрафов и выдворения из РФ.

Правительству Российской Федерации и правительствам субъектов федерации желательно было бы закрепить в правовых нормативных актах и в практической деятельности разработанные в период пандемии коронавируса действенные меры по способствованию легальному трудоустройству иностранных работников и улучшению социальных и санитарно-гигиенических условий их трудовой деятельности, по целевому набору и завозу трудовых мигрантов на крупные строительные проекты в РФ.

Заключение

В данной статье проанализированы проблемные вопросы государственного регулирования внешней миграции в России, вставшие перед органами государственного управления в связи с пандемией коронавируса. Разработан ряд предложений по совершенствованию миграционного законодательства РФ. Предложения автора помогут разработчикам миграционной политики РФ, а также будут полезны органам исполнительной власти и миграционным органам в их практической деятельности.

Подводя итог, отметим, что активное присутствие мигрантов в экономической и социальной жизни России требует от органов государственного управления постоянного внимания к урегулированию проблемных вопросов внешней миграции, а пандемия коронавируса добавила еще ряд проблем. Это свидетельствует о том, что органам государственного управления РФ необходимо регулярно корректировать миграционное законодательство и практическую деятельность органов исполнительной власти в соответствии с возникающими социально-экономическими и политическими проблемами, усугубляющимися непредвиденными кризисными ситуациями. Поэтому очень важна аналитическая работа исследователей по изучению и осмыслению новых проблем и вызовов для миграционной политики РФ, по поиску возможных решений этих проблемных вопросов.

Список литературы

1. **МВД РФ.** Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь-декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/> (дата обращения: 04.10.2021).
2. **МВД РФ.** Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ за январь-июнь 2021 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/25177879/> (дата обращения: 04.10.2021).
3. **МВД РФ.** Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (дата обращения: 04.10.2021).
4. **МВД РФ.** Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ за январь-июнь 2021 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/25113055/> (дата обращения: 04.10.2021).
5. **О внесении** изменения в статью 13.3 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон № 135-ФЗ от 24 апреля 2020 года // СЗ РФ. 27.04.2020. № 17. ст. 2713
6. **О временных** мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ № 274 от 18 апреля 2020 года // СЗ РФ. 20.04.2020. № 16, ст. 2572
7. **О временных** мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в период преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ № 364 от 15 июня 2021 года // СЗ РФ. 21.06.2021. № 25. ст. 4787.
8. **Правительство** рассматривает вариант упрощенного въезда мигрантов на стройки // Российская газета. 7 июня 2021 года.

References

1. **available at:** <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/> (accessed 04 October 2021).
2. **available at:** <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/25177879/> (accessed 04 October 2021).
3. **available at:** <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (accessed 04 October 2021).
4. **available at:** <https://xn--b1aew.xn--plai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/25113055/> (accessed 04 October 2021).
5. **[On Amending Article 13.3** of the Federal Law “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation”: Federal Law No. 135-FZ of April 24, 2020], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 27.04.2020, no. 17, Article 2713. (In Russ.)
6. **[On temporary** measures to regulate the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation in connection with the threat of further spread of a new coronavirus infection (COVID-19): Decree of the President of the Russian Federation No. 274 of April 18, 2020], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 20.04.2020. No. 16, Article 2572 (In Russ.)
7. **[On temporary** measures to regulate the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation during the period of overcoming the conse-

quences of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19): Decree of the President of the Russian Federation No. 364 of June 15, 2021], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of legislation of the Russian Federation], 21.06.2021. No. 25, Article 4787 (In Russ.) 21.06.2021. No. 25. Article 4787 (In Russ.)

8. *Rossiyskaya Gazeta*, June 7, 2021 (In Russ.)

Problematic Issues of State Management of External Migration in Russia During the Pandemic

E. A. Mamontova, *Cand. Sci. (History)*, Associate Professor,
Department of Security and Law and Order,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
mamontova-e@rambler.ru

The article examines the problematic issues of state regulation of external migration in Russia, which have arisen before the state authorities in connection with the coronavirus pandemic. The article analyzes the impact of anti-epidemic restrictions on the situation in the sectors of the Russian economy with a large presence of foreign labor, as well as legislative and organizational measures taken by Russian state authorities to resolve problematic issues of external migration and normalize the situation in the "migrant-intensive" sectors of the Russian economy. It is concluded that the measures taken by the state authorities of Russia in the context of the coronavirus pandemic made it possible to promptly and timely regulate the legal status of foreign citizens and stateless persons, and also facilitated the legal employment and exit from shadow employment of a significant part of migrant workers. The author suggests additional legislative and organizational measures that can contribute to the preservation of the positive effect of the measures taken by the state authorities of Russia in the context of the coronavirus pandemic.

Keywords: state management of external migration; coronavirus pandemic; regulation of the legal status of foreign citizens and stateless persons; labor migrants.

© Э. А. Мамонтова, 2022

Статья поступила в редакцию 10.11.2021

При цитировании использовать:

Мамонтова Э. А. Проблемные вопросы государственного управления внешней миграцией в России в период пандемии // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 111 – 118. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.111-118

Проведен социологический анализ состояния наркотической угрозы, описаны основные регионы производства наркотических средств, сформулированы составляющие, характеризующие наркотическую ситуацию как на общемировом, так и российском уровнях.

Подчеркнута опасность расширения производства и потребления синтетических наркотиков как одного из криминогенных факторов роста преступности. В результате обоснована необходимость активизации усилий по интеграции мирового сообщества в деле противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: криминогенный фактор; наркотическая ситуация; преступность; противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; распространение наркомании.

Мария Алексеевна Ментюкова, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
mariya_men2003@mail.ru

Оксана Сергеевна Пустовалова, инспектор отдела информационного
обеспечения штаба управления МВД России по г.Тамбову,
Тамбов, Россия;
oksilex.mail@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ НАРКОТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ КАК КРИМИНОГЕННЫЙ ФАКТОР РОСТА ПРЕСТУПНОСТИ

Введение

В настоящее время наркомания становится одной из центральных проблем как в России, так и мире в целом. Поскольку наркомания – это заболевание, которому в основном подвержены молодые люди, этот факт представляет огромную угрозу для здоровья будущих поколений, и данное обстоятельство ухудшает ситуацию. Кроме того, это повлечет старение общества, что приведет к полному ослаблению роли молодежи как социального ресурса. Продажа, изготовление и употребление наркотиков является криминогенным фактором роста преступности, что также повышает социальную напряженность, способствует моральной и психической деградации определенных слоев населения. Наркомания и связанные с ней преступления угрожают национальной безопасности государства. Борьба с наркоманией и ее последствиями становится проблемой общегосударственного значения.

Обсуждение и результаты

Несмотря на усилия мирового сообщества и сотрудничество государств в области противодействия распространения наркомании, наркобизнес и немедицинское употребление наркотиков продолжают распро-

страняться как в России, так и мире в целом. Статистика показывает, что около 230 млн человек или 5 % взрослого населения хотя бы раз пробовали один из запрещенных препаратов. Официально зарегистрировано около 27 млн наркоманов, что составляет 0,6 % от всего взрослого населения.

Количество и разнообразие наркотических средств увеличивается, и наблюдается формирование «очага поражения» наркоманией, расположение которого изменяется в зависимости от региональных, геополитических, социокультурных и географических особенностей.

Одним из наркотиков, торговля которым обладает высокой степенью «передвижения», является кокаин. Кокаин традиционно распространен в Соединенных Штатах Америки, Южной Америке, Австралии и странах Западной Европы. Около 300 тонн кокаина ежегодно импортируется в Соединенные Штаты; большая часть этого количества поступает через страны Центральной Америки. Регион Западной и Южной Африки активно используется для контрабанды кокаина из Южной Америки в Северную Америку и Европу.

Афганистан играет здесь особую роль как высокоорганизованный центр производства мака, героина и морфина. Большое количество наркотиков производится нелегально для внутреннего потребления и для продажи в Пакистане, Исламской Республике Иран, где по оценкам экспертов насчитывается более 3 млн потребителей наркотиков. Большое распространение и изготовление характерно для так называемого наркотика экстази – полусинтетического психоактивного соединения амфетамина, а также распространение транквилизаторов и седативных средств в развитых странах, включая США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию, штаты Востока и Запада, Европа (за исключением в некоторой степени Франции), страны Балтии и Россия. Топ 5 стран по доли населения, употреблявшей экстази, в мире составляет (% от населения): США – 4,1; Канада – 3,2; Австралия – 2,8; Россия – 2,0; Новая Зеландия – 1,2.

Потребление запрещенных наркотических средств в целом остается стабильным на 2021 год. На зрелых рынках, в том числе в развитых странах, наблюдается четкая тенденция к стабилизации роста употребления наркотиков, но в развивающихся странах (в частности, странах Африки, Южной и Центральной Америки, Южной Азии) потребление наркотиков продолжает расти, что приводит к росту числа преступлений, связанных как с изготовлением и сбытом наркотических средств, так и лицами, употребляющими данные вещества (рис. 1)¹.

Героин, кокаин и другие наркотики ежегодно убивают около 200 тыс. человек, разрушая семьи и принося бедствия тысячам людей. Незаконные наркотики подрывают социально-экономическое развитие и способствуют росту преступности, нестабильности, небезопасности и распространению ВИЧ-инфекции.

¹ World Drug Report 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/wdr2021.html> (дата обращения 11.01.2022).

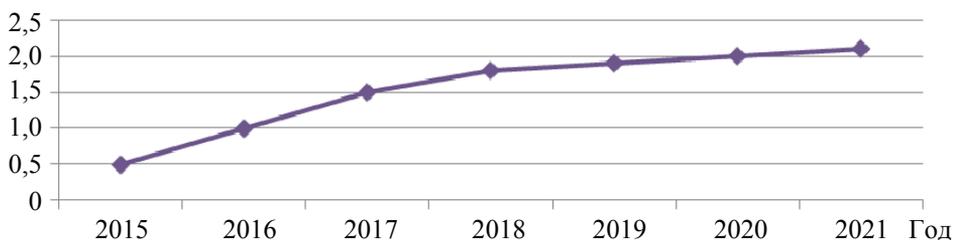

Рис. 1. График роста потребления наркотиков в мире

Одной из составляющих характеристик современной наркотической ситуации является повышенный спрос на психоактивные вещества, полученные из свободного обращения, нелегальные транквилизаторы и седативные средства, обладающие психолептическими свойствами. В частности, общая площадь культивирования кокаинового куста в мире сократилась на 18 % с 2017 по 2019 год и на 33 % с 2020 года, однако усилия по сокращению производства, оборота и потребления основных незаконных наркотиков растительного происхождения нивелируются ростом производства психолептических препаратов, включая значительное увеличение производства и потребления психоактивных веществ, которые не покрываются услугами международного контроля (например, кофеин, галлюциногены, табак, летучие растворители).

На фоне увеличения потребления психоактивных легальных веществ проводится международный мониторинг потребления запрещенных наркотиков. Например, интенсивное потребление табака и табачных изделий распространяется на 25 % населения старше 15 лет, что в 10 раз превышает распространение запрещенных наркотиков и в 8 раз превышает потребление алкоголя. Это связано с эффектом возраста сдерживания, поскольку человек старше 30 лет с меньшей вероятностью нарушит закон, употребляя наркотики (рис. 2)². Таким образом, соответственно, потребление разрешенных психоактивных веществ, к которым также относятся насвай и различные психодепрессанты, гораздо более равномерно распределено по возрастным группам, чем употребление запрещенных наркотиков [1].

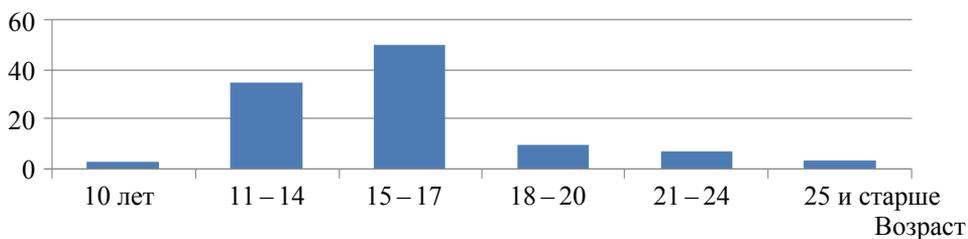

Рис. 2. Возрастная статистика употребления наркотических средств в мире

² Статистика наркозависимых [Электронный ресурс]. URL: <https://vawilon.ru/statistika-narkozavisimyh/> (дата обращения 14.01.2022).

Ситуация с наркотическими веществами в мире и их составляющими оказывают большое влияние и на наркотическую ситуацию в Российской Федерации. Взаимосвязь международной и российской наркотической ситуации становится более яркой благодаря интеграции российского и международного наркобизнеса, и, в частности, законов распространения наркотической зависимости. Анализируя развитие наркотической ситуации в России, необходимо отметить наличие пессимистичных перспектив в этой сфере. Специфика аналогичных ситуаций как для международного, так и российского рынка не позволяет успокоить общественность и правительство, осознающих пагубное распространение эпидемии наркотиков [6].

По данным статистики, на конец 2021 года население страны составляет чуть более 143 млн человек. По данным директора Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков России В. П. Иванова, фактическое число людей, употребляющих наркотики в немедицинских целях, в стране оценивается в 8,5 млн человек, или около 6 % населения. При этом 20 % от общего числа наркозависимых в России по статистике составляют студенты, 60 % – молодые люди в возрасте 16 – 30 лет, 20 % – люди старшего возраста.

Таким образом, почти пятая часть молодых людей, а количество людей в этой группе составляет около 31 млн человек, имели опыт употребления наркотиков. Из этого можно сделать вывод о том, что в России наркомания имеет тенденцию к омоложению. По данным Российского НИИ судебной психиатрии, число наркоманов-подростков за последние 10 лет возросло в 18 раз.

Согласно опросу, проведенному Министерством образования и науки Российской Федерации в 2020 году, в возрастной группе от 11 до 24 лет доля людей, употребляющих или употреблявших какие-либо наркотики, опасно высока – 25 %. Число наркоманов постоянно увеличивается. Так, только в 2018 году количество людей, состоящих на учете в медицинских учреждениях по поводу употребления наркотиков, увеличилось на 5 %, а на 3 % увеличилось количество людей, обратившихся за медицинской помощью и получивших диагноз «наркоман». Число людей, поставленных на учет за употребление наркотиков с вредными последствиями, увеличилось на 7,8 %. Но в целом количество наркоманов в стране за последние пять лет увеличилось примерно в 3,5 раза³.

В среднем каждый год число наркоманов увеличивается на 30 тыс. человек, подавляющее большинство из них страдают героиновой зависимостью. Сегодня Россия является лидером в мире по количеству героиновых наркоманов (320 человек на каждые 100 тыс.), а это около 500 тыс. человек, если говорить в целом по стране. В Западной и Центральной Европе это соотношение составляет 150 человек на каждые 100 тыс. человек. Число наркоманов героина в Западной и Центральной Европе составляет около 1,5 млн человек или 0,5 % населения в возрасте от 15 до 64 лет.

³ Официальная статистика за 2021 год. Употребление наркотиков в России [Электронный ресурс]. URL: <https://narkonet.info/oficialnaja-statistika-za-2021-god-upotreblenie-narkotikov-v-rossii/> (дата обращения: 12.01.2022).

В результате мониторинга Роскомнадзором сети Интернет установлено, что пользователями только одного региона ежемесячно запрашивается информация со словами: «наркотик» – 10 тыс. раз, «спайс» – 7 тыс., «марихуана» – 1150, «гашиш» – 1 тыс., «героин» – 850. При запросе в поисковых системах фразы «как приготовить амфетамин в домашних условиях» найдено 32 тыс. сайтов, которые в основном содержат информацию о способах изготовления наркотиков в домашних условиях. При запросе в Yandex слова «наркотик» – 46 млн сайтов, «марихуана» – 9 млн, «героин» – 8 млн, «спайс» – 6 млн, «курительные смеси» – 1 млн, «дезоморфин» – 578 тыс.

Социологический анализ наркотической ситуации в России позволил выделить ее составляющие:

1. Наркотическая ситуация в России обусловлена, прежде всего, героиновым давлением из Афганистана. С 2001 года производство опиума в Афганистане, по данным статистики, выросло более чем в 40 раз. В непосредственной близости от России, на севере Афганистана, а также на территории Средней Азии постоянно концентрируются огромные запасы опиатов, которые сейчас достигают 12 000 тонн. Этого количества лекарств хватило бы для ежедневного снабжения в течение 100 лет числа наркоманов, равному населению современной России. Если говорить о доле населения, причастного к злоупотреблению опиатами, то Россия опережает страны-члены Евросоюза в среднем в 5 – 8 раз и в 20 раз – например, Германию. Этот скачок произошел менее чем за 20 лет.

2. Ежедневно в стране от героиновой зависимости умирают 82 человека призывного возраста, ежегодно это 30 тыс. человек. Почти 90 % потребителей наркотиков в России употребляют афганские опиаты, которые поступают через Таджикистан и Кавказ (около 65 %, остальные идут через Кыргызстан, Узбекистан и Казахстан).

Ежедневно на территорию Российской Федерации поступает около 200 кг наркотиков из Афганистана, поэтому проблему производства и поставок героина из Афганистана следует рассматривать как вызов для России. По сути, это полномасштабный героиновый план наркотической агрессии против России, а также угроза международному миру и безопасности.

3. Демография наркомании ухудшается, также вырисовывается тенденция к омоложению потребителей наркотиков и увеличению доли женщин, употребляющих наркотики. Около 2 млн потребителей всех наркотиков – это люди в возрасте до 24 лет, тогда как средний возраст наркоманов-подростков составляет 13–14 лет. Среди общего числа людей, постоянно употребляющих наркотики, около 85 тыс. женщин, что составляет 17 % [5].

4. Идет процесс значительного распространения наркомании в обществе среди всех слоев населения. Также растет число потребителей наркотических средств и психотропных веществ. Итак, на фоне ухудшения нравственности населения и ослабления социальной иммунной системы перед угрозой лекарственного заражения социальная среда менее защищена от наркотического синдрома. В результате к девиантным наркотическим

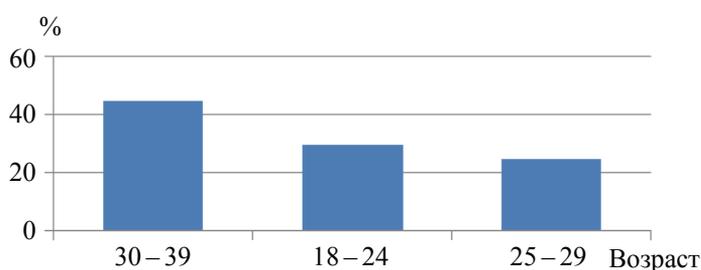

Рис. 3. Статистика умерших от отравления наркотиками за 2021 год в России

потребителям все чаще привлекаются группы населения с приемлемыми социальными показателями, а именно: высокий образовательный уровень, наличие значительных доходов, отсутствие жилищных проблем, наличие полноценной нормальной семьи и т.д.

5. География наркомании в современной России охватывает практически все регионы. Причем негативное явление наркомании характерно не только для городской среды, но и для сельской местности. Эта тенденция опровергает существующее криминологическое представление о том, что наркомания связана с миграционными процессами. Во-первых, географическая эскалация наркотического трафика уже не отражает вектор «движения» наркотиков с юга на север. Во-вторых, интересно, что само местное население активно участвует в незаконном обороте наркотиков, потому что сегодня причины повсеместного употребления наркотиков связаны с социально-экономическими факторами жизни, с сохранением бедности и социальной дифференциации, низким уровнем жизни, безработицей в результате мирового финансового кризиса. Также это связано с фактором экспансии бездушия из центра на окраины страны и активной экспансией субкультуры употребления наркотиков [3].

6. Расширяется круг употребляемых препаратов: в него входят синтетические аналоги и варианты лекарств, а также относительно дешевые препараты, используемые для приготовления наркотических веществ, оказывающих чрезвычайно разрушительное воздействие на организм человека, приводящее к смерти уже в первый год их употребления. Также необходимо отметить, что все большее распространение получают синтетические препараты и аналоги.

7. Наркомания создает особую субкультуру и является результатом конфликта в обществе по поводу способов удовлетворения потребностей. Таким образом, употребление наркотиков приводит наркоманов к иллюзорным представлениям о своей личной независимости. По словам Ральфа Дарендорфа, «молодые люди стали нетерпимыми к временам «отсроченного удовлетворения» потребностей, накопления и ожидания, и они потеряли сознание» [2]. В результате в сообществе образовалась субкультура наркоманов, опасность которой заключается в ее особой привлекательности для публики, в проникающей повсюду индустрии развлечений и культуре физиологических потребностей тех, кто склонен размышлять еще до употребления наркотиков.

8. Происходит сращивание наркотической индустрии и организованной преступности. Причем это происходит на фоне значительной коррупции в правоохранительных органах, пограничных и таможенных службах, госаппарате. К сожалению, существует практика официальных должностных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, прикрывающая попустительством незаконному изготовлению наркотических средств и психотропных веществ, и эти правонарушения широко поощряются.

Заключение

Необходимо принять срочные меры и способы решения данной проблемы. Эффективное пресечение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств зависит от политики государства. Главный удар должен быть не по наркоманам, а по тем, кто занимается распространением и маркетингом наркотиков и вовлечением новых жертв в их потребление. Чтобы бороться с этой социальной проблемой, уголовная ответственность торговцев и распространителей наркотиков должна быть усилена, а также необходимо повысить осведомленность молодежи о вреде и последствиях употребления наркотических средств.

Профилактические меры по борьбе с наркоманией в России и во всем мире должны включать:

- разработку эффективных методов оценки и контроля медицинских препаратов;
- создание специальных социальных и медицинских организаций для помощи населению;
- создание центров консультирования, лечения и реабилитации граждан с наркозависимостью и членами их семей с участием врачей, юристов, учителей, психологов и социальных работников.

Больше занятий следует проводить в школах и университетах, уделять внимание проблемам общества, чтобы напомнить, что какой бы сложной ни была ситуация, наркотики – это не выход, наркотики – смерть и зачастую привлечение к уголовной ответственности.

Таким образом, необходимо принять меры по борьбе с этой проблемой и усовершенствовать методы лечения и профилактики наркомании, а также усилить пропаганду здорового образа жизни среди детей и подростков. Данный социолого-правовой анализ наркотической ситуации, проведенный как в мире, так и на уровне России, демонстрирует важность проблемы и требует больших усилий по интеграции мирового сообщества в противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Этот процесс противодействия в настоящее время осуществляется по двум направлениям: разработка комплексного подхода к решению проблемы и концентрация на профилактической работе с потенциальными потребителями наркотиков, медикаментозная терапия и альтернативное развитие прав человека. Только совместными усилиями

международного сообщества и конструктивным взаимодействием правительств всех государств можно победить или хотя бы сохранить на социально приемлемом уровне эту наркотическую ситуацию в мире в целом и в отдельных государствах.

Список литературы

1. **Всемирный доклад** УНП ООН о наркотиках за 2021 год: последствия пандемии повышают риски, связанные с наркотиками, в то время как молодежь недооценивает опасность каннабиса [Электронный ресурс]. URL: <https://turkmenistan.un.org/ru/133781-bsemirnyy-doklad-unp-oon-o-narkotikakh-za-2021-god-posledstviya-pandemii-povyshayut-riski> (дата обращения: 11.01.2022).
2. **Дарендорф Р.** Большая советская энциклопедия: в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. 670 с.
3. **Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б.** О некоторых современных причинах роста наркомании в России и способах их устранения // Юрист-Правовед. 2017. №1 (80). С. 169 – 173.
4. **Шалагин А. Е., Усманов И. М.** Современная наркоситуация в Российской Федерации: тенденции, прогноз, меры противодействия // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2016. № 1 (23). С. 30 – 34.
5. **Drug Addiction is a Social Problem** [Электронный ресурс]. URL: <http://stop-alcoholism.com/drug-addiction-is-a-social-problem/> (дата обращения: 12.01.2022).
6. **Nevirko D. B.** Narcoterrorism as a threat to the national security of the Russian society // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2017. Т. 10, № 2. С. 195 – 204.

References

1. [UNODC World Drug Report 2021: Pandemic impact raises drug-related risks as young people underestimate the dangers of cannabis], available at: <https://turkmenistan.un.org/ru/133781-bsemirnyy-doklad-unp-oon-o-narkotikakh-za-2021-god-posledstviya-pandemii-povyshayut-riski> (accessed 11 January 2022).
2. **Darendorf R., Prokhorov A.M. (Ed.)** *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969, 670 p. (In Russ.).
3. **Dikarev V.G., Gavryushkin Yu.B.** [On some modern reasons for the growth of drug addiction in Russia and ways to eliminate them], *Yurist-Pravoved* [Lawyer-Pravoved], 2017, no. 1 (80), pp. 169-173. (In Russ.).
4. **Shalagin A.Ye., Usmanov I.M.** [Modern drug situation in the Russian Federation: trends, forecast, countermeasures], *Vestnik Kazanskogo yurid. in-ta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 1 (23), pp. 30-34. (In Russ.).
5. **Drug Addiction is a Social Problem**, available at: <http://stop-alcoholism.com/drug-addiction-is-a-social-problem/> (accessed 12 January 2022).
6. **Nevirko D. B.** Narcoterrorism as a threat to the national security of the Russian society, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, v. 10, no. 2, pp. 195-204.

Modern Drug Situation as a Criminogenic Factor of Crime Growth

M. A. Mentyukova, *Cand.Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence,
Tambov State Technical University, Tambov, Russia;
mariya_men2003@mail.ru*

O. S. Pustovalova, *Inspector of the Information Support Department
of the Headquarters of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the city of Tambov, Tambov, Russia;
oksilex.mail@yandex.ru*

A sociological analysis of the state of the drug threat has been carried out, the main regions for the production of narcotic drugs have been described, and components that characterize the drug situation both at the global and Russian levels have been formulated. The danger of expanding the production and consumption of synthetic drugs as one of the criminogenic factors in the growth of crime is emphasized. As a result, the need to intensify efforts to integrate the world community in countering the illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances is substantiated.

Keywords: criminogenic factor; drug situation; crime; counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances; spread of drug addiction.

© М. А. Ментюкова, 2022

© О. С. Пустовалова, 2022

Статья поступила в редакцию 10.01.2022

При цитировании использовать:

Ментюкова М. А., Пустовалова О. С. Современная наркотическая ситуация как криминогенный фактор роста преступности // *Право: история и современность*. 2022. Т. 6, № 1. С. 119 – 127. doi: 10.17277/pravo.2022.01.pp.119-127

ДЛЯ ЗАМЕТОК